

Евгений Щепетнов

Бастард

Annotation

Он — бастард. Последний из умершего дворянского Клана. У него нет ничего — ни имени, ни состояния.

Его отец — бунтовщик, казненный за организацию заговора против Императора.

У него не было детства — только тяжкие тренировки, только пот, кровь и страдания.

И вот у него вдруг появились магические способности, и не просто к магии, а к черной магии. И он должен учиться в Академии, или умереть — таков закон. Тяжко будет учиться нищему изгою, такому жалкому на фоне богатых и благородных. Каждый считает себя обязанным оскорбить, обидеть. Вот только зря. Мальчик-то вовсе не простой...

Евгений Щепетнов

Бастард

Глава 1

— Ты уверен, брат? Встань, не нужно формальностей.

Мужчина в дорогом, расшитом золотом камзоле разогнулся и поднялся с колен. По мановению руки сидящего за столом властителя уселся напротив, не отрывая взгляда от лица Императора.

— Более чем уверен, властитель. Я выждал почти год, и вот...ему исполнилось пятнадцать лет, и картина стала совершенно ясной. Он маг.

— Хмм...откуда у него взялись умения? Наша династия никогда не славилась магами. По линии матери? Значит, уже год он проявляет способности?

— Да, властительный брат — почти год. Мне доложили сразу же, как обнаружилось первое проявление.

— И в чем оно выразилось?

— Как обычно: вначале он поджег занавеску. Что-то приснилось. Потом вскипятил воду. Ну и еще несколько проявлений. Но самое опасное из них произошло недавно — он проклял конюха, который неодобрительно о нем отзывался, назвав проклятым отродьем. Конюх тяжело заболел и едва выжил. Правда с Эдвином это не связали, решили, что так получилось само по себе.

— Если не связали, то как ты узнал?

— У меня свои глаза и уши, властительный брат — усмехнулся мужчина — Он никогда не выходил из поля зрения моей службы.

Молчание. Император полуприкрыл глаза, задумался. Начальник Тайной службы — тоже. Тишину нарушил голос Императора:

— Напомни мне, брат...зачем мы сохранили жизнь сыну отступника и бунтовщика, и не отправили его в путешествие по светлой дороге вслед за семьей отца?

Брат властителя почтительно поклонился, и заговорил:

— Чтобы проявить в твоём окружении всех, кто попытается устроить заговор, воспользовавшись...сыном твоего брата. А ещё, властительный брат, ты его пожалел, так как тебе нравилась его мать. И ты был к ней благосклонен.

Глава Императора чуть прищурились, он вздохнул, будто что-то вспомнив, но не сказал ни слова. И опять тишина, прерываемая только пением птиц в императорском саду.

— Он знает о своём происхождении?

— Знает — кивнул брат императора — Ты не давал указания держать его в неведении.

— И как он относится к своему отцу? Что про него говорит?

— Ничего, властительный брат. Ничего не говорит. Ни разу не спросил о нём, ни разу ничего никому не сказал. Что же он сам думает по поводу предательства отца — я сказать не могу. Воспитали его в духе лояльности к Императору, и рассказали о том, какое страшное преступление совершил отец, чем навлек беду на всю свою семью.

— Скрытный мальчик — усмехнулся Император — Чему его учили? Все-таки кровь властителей. Надеюсь вы дали ему те знания, которые необходимы тому, в чьих жилах течёт кровь Клана Гардасан?

Собеседник поклонился и несколько секунд молчал. Потом поднял взгляд на властителя, и осторожно начал:

— Мой властительный брат...когда я принимал решение о том, чему обучать этого мальчика, мне пришло в голову, что он будет полезен как один из моих людей, обладающих специфическими умениями. Тех людей, без которых не может обойтись Тайная служба. Потому отдал мальчика на обучение к одному из наших старейших мастеров. Мальчик прошёл обучение полностью, и показал впечатляющие результаты, добившись похвалы от этого мастера, совершенно не склонного разбрасываться своими словами попусту. Мы уже почти взяли Эдвина в работу как нового агента, но...известные события заставили меня пересмотреть дальнейшие планы. О чём я тебе, властительный брат,

сейчас и докладываю.

— Стоп! — Император наклонился вперед и пронзительно посмотрел в глаза собеседнику — Ну-ка, расскажи мне, какими такими умениями вы наделили парня? О чем я не знаю?

— Он...императорский убийца — не дрогнув ни одним мускулом на лице, ответил глава Тайной службы — Убийца самого высокого уровня. Очень, очень способный мальчик! Умелый!

Император шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла. Недоверчиво помотал головой:

— Брат, ты спятил?! Сына бунтовщика — обучить высокому искусству убийства?! Зачем?! Что ты задумал?!

Собеседник Императора вдруг почувствовал, как по его спине прокатилась капля холодного пота, впитавшись в рубашу на уровне пояса. В голосе Императора явственно послышались нотки угрозы. Властитель не отличался жалостью к врагам, а после раскрытого заговора брата он с каждым годом становился все подозрительнее, так, что в конце концов это должно было перерасти в болезненную подозрительность. Оно и понятно — когда хотя бы раз в год в Империи возникает заговор или бунт с участием самых что ни на есть влиятельных людей — волей-неволей начинаешь подозревать всех и каждого.

— Я задумал, мой властительный брат...вылепить из парня верного трону человека, который будучи вхож в самые высшие слои общества, сможет исполнить волю моего властителя (кланяется). Не секрет, что добраться до высших сановников так, чтобы их смерть выглядела естественной, а не убийством — практически невозможно. Более того, если их убить стрелой, либо каким-то еще способом, это бросит тень на высшую власть. Значит, нужен тот, кто сможет убить их вблизи, добравшись до них на вершине пирамиды. Представь, мой властительный брат...бал, на балу мальчик — очень красивый, явно из благородной семьи, воспитанный и совершенно ангельский на вид. Он проходит мимо жертвы, спотыкается, хватается рукой за руку объекта, и через несколько дней тот умирает от остановки сердца. Кто сможет заподозрить мальчугана в том, что это он убил человека? Кто может заподозрить тебя, властительный брат, что это ты отдал приказ устранить своего врага, плетущего интриги?

— Лорд Синаби — его рук дело? — на лицо Императора опускается понимание — А лорд Коувон?

Брат императора делает поклон, и губы его растягиваются в улыбке:

— Он очень хорош, очень! Послушен, умен, легко меняет лица — представляется именем существующего или не существующего человека, делает себя похожим на него. Галантен и красив, великолепные манеры — танцы, владение языками севера и юга, великолепная память. Это лучший агент на моей памяти. Все-таки сказывается наша кровь, властительный брат. В нашем клане дураков никогда не было! А еще — он умеет готовить снадобья, смертельные, и наоборот — вылечивающие болезни. Может убить одним ударом кулака, сражаться любым видом оружия, менять внешность — но это я уже говорил. Может поддержать беседу о политике, о любви, о чем угодно. Это бриллиант, который мы гранили много лет!

— И это очень опасный человек, который может отомстить за смерть своего отца — задумчиво заметил Император — Не лучше ли было его удавить?

Поклон. Молчание. Через несколько секунд ответ:

— Все во власти моего властительного брата! Ты Император, тебе принимать решение. Да, признаю, в связи с открывшимися обстоятельствами, а именно его умением насылать проклятия, и предположительно общаться с миром мертвых...

— Что?! Он некромант?! — снова подается вперед Император — Это точно?!

— Предположительно, ваше величество — кланяется собеседник — Есть основания говорить, что наведение порчи связано со способностью общаться с миром духов. Но так ли это — я не знаю. Нет полной информации. Я закончу, мой властительный брат?

— Заканчивай. Да и слишком уж долго мы разговариваем, слишком много внимания какому-то там... — поморщился Император.

— Мое предложение — подождать, и посмотреть, что будет дальше. Если мальчик начнет проявлять...опасное для трона поведение, если он

проявит признаки нелояльности — мы всегда сможем его устранить. В конце концов, он не лорд с отрядом охраны в пять сотен латников, окруженный боевыми магами. Он всего лишь пятнадцатилетний мальчишка, пусть и умелый, но практически нищий, не обладающий никаким дополнительным ресурсом для того, чтобы как-то подняться в этой жизни. Я предлагаю назначить ему минимальное содержание, достаточное только для того, чтобы он не выглядел совершеннейшим нищим провинциалом, и пусть учится наравне с остальными.

— Кровь клана властителей...нищий? — поморщился Император — не слишком ли это? Лучше его удавить, чем знать, что он позорит нашу кровь своим нищенским видом. Мне кажется, что это неверно.

— Властительный брат...мальчика обучили высокому искусству, в которое входит многое, в том числе и способность добыть себе пропитание любым, я подчеркиваю — любым способом, и...не попасться! Если он не сможет добыть средства к существованию — это плохой агент, и место ему на свалке. И если попадется — мы не будем его выручать. Он знает. Это вдалбливалось ему в голову с самого начала обучения. Только сам, только один, только своими силами — как и положено мастеру смерти. А если настанет момент, когда встанет вопрос — выбрать смерть, или рассказать все, что знает — он должен выбрать смерть. Он умеет останавливать сердце усилием мысли.

— Если он на самом деле лоялен трону...было бы жаль потерять такого ценного, обученного человека — задумчиво протянул Император — Ты не думал над этим?

— Думал, властительный брат! Будем считать, что это новый этап обучения. Пройдет через него — значит, мы найдем ему применение лучшее, чем быть обычным мастером смерти. В моей службе найдется место дельному агенту и на высших должностях. Кроме того, мы ведь можем его использовать и тогда, когда он будет учиться в Академии. Если понадобится, конечно. Мне бы не хотелось, чтобы он занимался обычными ликвидациями, для этого есть простые агенты. Он — для высших.

— Забавно — усмехнулся Император — Не есть ли это благоволение преступнику от Императора, если в жилах палача течет кровь высшего Клана? Можно даже сказать, что я лично казнил зарвавшегося дворянина. Кстати, а как мальчик относится к своей работе? После того,

как он ликвидировал тех, кого вы ему приказали ликвидировать, он переживал?

— Мой властительный брат... — поклонился мужчина — У мальчика на удивление устойчивое душевное здоровье. Он никак не проявил своего отношения к своей работе. Вообще! Даже удивительно — ведь ему тогда было всего четырнадцать лет! Будто профессиональный палач — сделал дело, и пошел пить пиво. Ни сомнений, ни переживаний, будто ничего и не было. Я консультировался со знающими людьми, например с магистром медицины Сеном Таром, так вот он говорит, что это и особенность его организма, ведь мальчик не боится крови, и правильное воспитание с раннего возраста. Парень ведь и до этих ликвидаций убивал людей. В процессе воспитания мы должны были убедиться, что рука его не дрогнет, так что использовали приговоренных к смерти разбойников, убийц, насильников — всех, кто должен был закончить жизнь на плахе.

— И многих он казнил? — с интересом осведомился Император.

— Не помню точно...но больше двух дюжин — кивнул собеседник — Одних убивал голыми руками, других с помощью оружия, третьих ядами разных видов, в том числе и контактными. Потрогал жертву — она и умерла. Яды готовил сам, как его и учили. Замечу, что больше половины убито им в бою на равных условиях. То есть если жертва без оружия — значит и он без оружия. А если надо бой с оружием — и жертве давали оружие. Он ни разу не был даже ранен. Синяки и ушибы не в счет. Единственное, что он просил перед казнью — сообщить ему, какое преступление совершил негодяй. Замечу, что некоторых он убивал быстро, а некоторых превращал в рваные куски мяса. У мальчика есть чувство справедливости.

— А вот это плохо! — помрачнел Император — Как он будет исполнять приказ на устранение, если задумывается о том, стоит ли убивать жертву, виновата ли она!

— Нет, ваше величество — усмехнулся собеседник — Для него высшая справедливость — приказ вашего величества, своего властителя. Он верит в то, что вы не отдадите приказ убить невиновного. Все, на кого ты укажешь, властительный брат, будут устранены им без всякого сожаления. Это верный пес, который будет рвать всех, на кого укажет хозяин! И умрет, защищая его тело! Без сожалений и раздумий!

— Ну...дай бог, дай бог... — задумчиво протянул Император — Держи меня в курсе, извещай хотя бы раз в три месяца — что там происходит с...этим парнем. Ну а теперь перейдем к главному: насколько мне известно, на северной границе неспокойно. Можешь доложить по этому вопросу? Север поставщик древесины, и волнения на границе нам совершенно не нужны. Министр торговли доложил, что поставки строительной древесины упали вдвое...так что...

— Прощай, ученик — мужчина смотрит в глаза мальчику, и его тонкие губы складываются в почти незаметную улыбку. Для него это равносильно хохоту, потому что он никогда не смеется.

— Прощай, учитель — юноша серьезен, впрочем, как и всегда. Он достойный ученик своего учителя.

— Не забывай о том, что я тебе сказал. И будешь целее. Возможно.

— Возможно — кивает юноша, и его губы тоже складываются в улыбку.

Они стоят еще секунд пять, не опуская взгляда, а потом старший разворачивается, и не оглядываясь садится в пролетку, из которой вылез несколько минут назад. Хлопает кнут, и лошадь с места бодро переходит быстрый шаг.

Юноша смотрит вслед пролетке, вздыхает и улыбается, гораздо шире, чем перед этим. Наконец-то, свобода! Пусть нищий, пусть как всегда изгой, но свободен!

Глупо, конечно. Нет никакой свободы. Никогда и нигде. Люди никогда не бывают свободны — от обязательств, от общества. Ну а я так вообще цепной пес на привязи. Просто мне цепочку отпустили чуть подлиннее.

Ладно, хватит этой чуши. Дело надо делать. Беру дорожный ящик и тащу его к воротам. Охранник на входе осматривает меня внимательным взглядом, и молча протягивает руку. Так же молча вкладываю в нее направление от Управления Министерства Магии, охранник читает, и освобождает перекладину, перегораживающую вход. Толстая палка,

окрашенная в чередующиеся белые и красные цвета поднимается, и я со своим старомодным деревянным ящиком прохожу на территорию Академии Магии, в которой мне предстоит учиться ближайшие пять лет — до самого выпуска. Если меня, конечно, не выгонят отсюда раньше.

Впрочем, я все сделаю, чтобы меня отсюда не выгнали. Не хочу возвращаться туда, откуда я приехал. И заниматься тем, чем занимался — тоже не хочу. Новая жизнь, новый человек.

— Как пройти в канцелярию? — спрашиваю у наблюдавшего за мной охранника, который смотрит на меня так, будто я чудовище морское, а не парень пятнадцати лет от роду.

Странно...неужели что-то знает? Вообще-то моя фамилия и близко не лежала рядом с отцовской. Ведь я же бастард, а бастардам не дают фамилий отцов. Я Эдвин Дер Дасен Ольгард, дворянин из провинции, из захудавшего и растворившегося в небытие Клана Ольгардов, фактически — последний из Клана. Мама умерла, когда мне было семь лет, и я остался совсем один. Она была наложницей моего отца, а ранее служила в Запретном городе, у Императора. Служанкой работала. Там все служанки — только из дворян. Никаких простолюдинок. Потом ее заметил мой отец, и взял себе в наложницы — Император разрешил. Ну а я, получается, бастард. Наверное это меня и спасло от смерти — был бы признанным, официальным сыном

То, что у меня родственники в императорской семье — совершенно не в счет. Я и знать бы не знал о том, что являюсь сыном брата Императора, то есть племянником властителя, но мама постаралась довести до меня эти сведения, да и потом...еще один дядя, который вовсе мне не дядя — довел до меня информацию о том, кто я такой, и каково мое место в этом мире. И хреновое это место, от всей души это скажу.

С другой стороны, мне грех жаловаться. Я уже давно должен лежать в земле, а вот хожу, дышу, ем, пью, и пока что никто не затянул у меня на шее шелковую удавку — ведь проливать кровь одного из членов императорской семьи нельзя, тут или яд, или веревка. Яд дорог, а веревку можно использовать несколько раз. Экономия!

Красиво здесь. Парк — победнее императорского, но тоже очень хорош. Дорожки отсыпаны мелкой щебенкой, клумбы в цветах, деревья

— аккуратные, постриженные, ухоженные. Видно, что ими как следует занимаются.

Статуи! Да — статуи стоят! То ли мрамор, то ли еще какой-то камень... как живые. Красиво! Я читал, что эти статуи делают учащиеся с помощью магии — на факультете земли. Умеют работать с камнем, как-то его размягчают, и лепят, будто руками. Хорошее дело. И выгодное. Богатые люди любят ставить в свои дома красивые статуи. Особенно такие, как эта...хе хе...в провинции за такую статую можно и жалобу получить в магистрат! Как это они у девушки все хорошо прорисовали...со всеми подробностями! Мельчайшими, между прочим! Хороша девица... красивая. Интересно, моделью послужила учащаяся? Или со стороны взяли?

До административного здания дошел за пятнадцать минут. Вроде не так и далеко, но во-первых этот проклятый ящик бьет по ногам, во-вторых очень уж хотелось рассмотреть все, что вокруг меня. Знаю, что скоро надоест разглядывать, в зубах этот пейзаж навязнет, но все равно хочется глядеть и глядеть на красоту. И статуи, и фонтаны, и прудик с беседками вокруг него. И здания учебных корпусов и общежития — все интересно, все ново и ярко. Ну а что я видел в своей жизни? Провинциальное поместье на окраине Империи, дни и ночи напролет обучение, а потом...потом то, что вспоминать я не хочу. Не потому, что это рвет мне душу, совсем нет — этих людей мне не жаль. Они заслужили свое. Но...кто сказал, что палач должен чувствовать удовольствие от своей работы?

Нет, все-таки хорошо, что у меня проявились магические способности, иначе... Мама рассказывала, что у нас в роду были маги, вроде как ее брат был магом, и даже боевым магом, но...счастья это ему не принесло. Погиб на войне с северянами, расплесканный ударом тройки северных магов. Давно это было, еще на Пятилетней войне, до моего рождения. Не застал я его. Так вот магия вдруг взяла, да и проявилась у меня, несчастного.

Канцелярия встретила меня прохладой — после уличной жары очень даже приятной. Конец лета, третий месяц заканчивается, скоро сезон дождей, холод, ливни с обеда и до глубокой ночи, ветер, но пока что — сухая жара и чистое, голубое небо с редкими дождями. Живи, и радуйся...

По широкой лестнице вверх, по коридору, страдая от невозможности бросить сундук (упрут еще...благородные), и вот она — канцелярия. Хорошо хоть табличка есть. Открываю высоченную створку тяжелой двери, захожу, стараясь не грохнуть сундучком. Нет, так-то мне плевать, что обо мне думают, я уже вырос из таких переживаний, как из коротких штанишек. Однако...все равно не хочется начинать свою жизнь в Академии с насмешек над собой.

Впрочем, их точно будет не избежать. При том содержании, что мне выделили — точно получу поток дерьма на свою голову. Бедный дворянин из захудалого Клана — что может быть печальнее и позорнее? Лучше бы отправили в Академию для простолюдинов! Но увы...какой бы я ни был захудалый, а с простолюдинами мне учиться нельзя. Нет, ну так-то я прекрасно понимаю, что это правильно, что нельзя подростков из дворян собирать вместе с подростками из простолюдинов — будут неприятности, но все равно... Вот если бы была Академия для *захудалых* дворян! Это было бы замечательно.

— Ваши сопроводительные документы! — командует мужчина, сидящий в углу комнаты, не затрудняя себя ни манерами, ни обычным приветствием. Похоже, что люди в комнате мгновенно оценили мой социальный статус, чиновники это умеют. Одежда небогатая, потертый дорожный сундук, сапоги со сбитыми носками — жалкий отпрыск жалкого рода. Чего перед ним расстилаться?

Из канцелярии я вышел через двадцать минут (засек по часам, стоящим в комнате). Ордер на получение формы, ордер на вселение в комнату, ордер на питание — все, как и положено. Тащусь к зданию общежития.

Ну что сказать...комендант тоже сразу оценил мой жалкий вид, и комната моя выходит окнами во двор, а не в сад. Солнце в эту комнату заглядывает хорошо если раз в день, к вечеру, и то...если повезет. В комнате две кровати, две тумбочки, два шкафа и стол. Над столом, в нише, вделанной в стену, магический светильник-артефакт, который работает от прикосновения. Хорошая штука, и похоже что сделанная здесь, в Академии. Кстати, тоже приличная профессия — артефактный мастер. Светильники, холодильники, амулеты от беременности, от чумы, да какие угодно артефакты — все нужны, и все стоят денег. Открыть артефактную мастерскую, и живи себе безбедно! Да, смешно...дворянин, открывающий лавку артефактов! Позор...лучше голодать.

А вот мне не позор! Мне наплевать! Господи, Создатель Всемогуший...сделай так, чтобы все от меня отстали! Чтобы я делал то, что хочу! Чтобы я открыл вот такую мастерскую, и клепал свои светильники, радуясь спокойной жизни! Найду себе девчонку из купчих или военных, женюсь — когда заработаю капитал — детей наделаем, и будем жить безбедно, ничего не зная о Тайной Канцелярии, о мастерах смерти, и о том, какой поток политического дерьма льется рядом, грозя смыть в канализацию!

Выбираю кровать — ту, что справа. Она не застелена, как и вторая. Студенты еще не приехали — рано. Все съезжаются в последние три дня, а я приехал за неделю до начала учебы. Нет ни старшекласников, ни первокурсников. Вернее — почти нет. Кое-кого я видел издалека, но особо не присматривался.

Разложил свои вещи на полки в шкафу, повесил запасной камзол. Больше у меня ничего нет. Два камзола, две пары штанов, трусы, носки, рубашки. Ну и туфли — само собой. Кстати, переобулся, в сапогах ходить жарковато. Да и провинциально — сразу видно дворянчика из какой-нибудь глухой дыры.

Теперь на склад за формой и постельным бельем — дверь запереть, ключ у меня. Второй ключ будет у товарища по комнате. Интересно, кто это будет? Уж ясное дело, что не какой-нибудь богатей из высших Кланов. Скорее всего, такой же изгой, как и я.

Глава 2

Обед я само собой пропустил. Опоздал. Потому еле дождался ужина — голодный и злой. До ужина лежал у себя в комнате и смотрел в потолок, раздумывая о том, как жить дальше. И первое что пришло в голову — надо бы как-то денег добыть. Наставник выдал мне жалкие пять серебрянников, которых в хорошем трактире хватит на пять обедов, не более того. А когда я искренне удивленный спросил — с какой стати такая жадность? — пояснил, что если я не сумею заработать денег в свободное от учебы время, то цена мне гнутый медяк. Меня обучили всему, чему только можно было обучить, и я должен позаботиться о себе. Как? Это мое дело. А если не нравится — вон веревка, иди, и вешайся. Добрый человек мой Наставник...

Ужин ничем особым не удивил. Огромный зал был уставлен столами и стульями, занятыми меньше чем на одну сотую часть. Два парня-новичка, таких же как я худородных (было видно по мятым, не глаженным костюмам), девчонка, одетая в платье на лямках, сшитое из хорошего южного шелка. Красивая, надо сказать, девчонка. Платье обтягивало ее в нужных местах, и смотрелось это все в высшей степени притягательно.

Я имел опыт с женщинами, меня этому специально учили. Не одна, не две, даже не три женщины у меня было. Много женщин — я их и не считал. От молоденьких девчонок, до женщин в возрасте — все были. И я учился изображать страсть и желание со всеми, вне зависимости от их внешнего вида. Для некоторых случаев пришлось даже приготовить возбуждающее зелье (для себя!) — уж больно страшны были эти образины. А что подделаешь? Агент должен уметь обходиться с женщинами. Мало ли как придется подобраться к цели...бывает, что и через женщин. Некоторые из тех, кто был со мной вполне симпатичны, и даже красивы. Но в основном — почти что уродливые дамы, непонятно откуда выкопанные Наставником. Впрочем, если закрыть глаза и представлять симпатичную женщину — скоро ты забудешь, что находишься в постели с некрасивой, и не очень молодой дамой. По большому счету у них все одинаково...я это прекрасно знаю.

Мне нужна хорошая одежда, хорошая обувь — такая, в которой я уже привык ходить. Меня учили разбираться в моде и ценить хорошую одежду. Как и обувь. Так что теперь, когда я натянул на себя этот дурно сшитый мундир — моя душа просто-таки кипит от осознания того, что я вынужден носить этот мешок. Да, я не должен показывать свои умения, но обязан сделать так, чтобы в обществе аристократов не выглядеть белой вороной. Например, эта девчонка, которая посмотрела на меня так, будто я был покрытым язвами нищим на базарной площади — она не должна на меня ТАК смотреть. Мой образ: скромный, воспитанный юноша из провинции, заучка, который хочет получить знания и выбраться наверх за счет своих способностей. Аккуратный, небогато, но добротно одетый, способный, но не хватающий верхА. Середнячок, вот кто я такой.

Девчонка похоже что была из администрации Академии, курсанты должны ходить исключительно в форме. Для девушек предусмотрены форменные рубашки и длинные юбки с разрезами, а на голову небольшие береты с эмблемой Академии, что смотрится довольно-таки элегантно. Уже когда уходил из столовой, навстречу попались три девушки моего возраста, одетые в форму. Так вот смотрелись они очень недурно. Форма красит девушек, теперь я в этом убедился вживую.

Первая ночь в Академии прошла спокойно, можно сказать — никак. Плонулся на кровать и уснул — как был, в одежде. Вроде бы и не устал, а вот поди ж ты... Когда Наставник заставлял меня бегать сутками напролет, я уставал гораздо больше, иногда падал от усталости — до тех пор, пока не привык. А тут всего лишь перегруз впечатлениями, и я падаю, как обычный мальчишка. Будто и не было жестоких тренировок с самого раннего детства.

Проснулся еще затемно, и некоторое время не мог понять — какое сейчас время суток. То ли поздний вечер, то ли глубокая ночь. Сна — ни в одном глазу. Выспался. Ну а раз выспался — надо заняться личной гигиеной, для чего отправляюсь в душ, находящийся на этаже.

В коридоре никого нет, и меня вдруг охватило странное ощущение нереальности происходящего. А вдруг в мире остался только я? Все умерли от страшной болезни, и...

Мысль была неприятной, потому я отправил ее куда подальше, занявшись тем, чем и должен заниматься, стоя под струями еле

тепленькой водички. Горячей воды нет, но это и понятно — никто не занимается подогреванием, зачем тратить силы на два процента студентов. Воду, насколько знаю, здесь греют магией — суют раскаленный артефакт в емкость с водой, стоящей на чердаке. Оттуда она уже идет самотеком по трубам, сделанным из бронзы. Да, именно из бронзы — практически вечные трубы, ведь бронза, покрытая патиной, не поддается коррозии. А если ее еще и усилить магией — переживет весь человеческий род.

Дорого? Так сама Академия дорогое удовольствие! Но и каждый маг на вес золота. Закончил Академию — иди работать на государство, отработай вложенные в тебя средства. Отработал пятилетний контракт — можешь получить патент и трудиться на себя. Ну а чего... нормальный такой подход к делу! Кстати сказать, контракт можно и продлить — тогда будешь получать в два раза больше. И нельзя сказать, что какой-то вид магов ценится больше, какой-то меньше — все одинаково важны. Например, боевые маги — незаменимы в армии, как и лекари, как и артефакторы, изготавливающие артефакты огромной взрывной силы.

Маги-стихийники? Тут полный простор для работы! И боевые свойства в цене — обрушить на чужое воинство дождь из острых, как кинжалы, сосулек — разве плохо? Или наслать ураган? Или утопить в непрекращающемся месяце ливне? Но и не только боевые свойства ценны! Маг-стихийник может пригнать дождевые облака в провинцию, страдающую от засухи. Или наоборот разогнать дождевые тучи, превратившие поля в вязкое болото.

А вот со мной все сложно. Нет, вначале-то я проявился так, как проявляются все новообразованные маги — спросонок поджег занавеску. Стандартное проявление магической силы, ничего нового. Что-то приснилось, и...бах! Занавеска горит. Местный эксперт, который меня обследовал по вызову Наставника, сказал, что у меня средненький потенциал, и разовьется ли он — совершенно неясно. Но даже если потенциал мой очень средненький, то все равно мне положено учиться в Академии, и сокрытие магических способностей у подростка суть государственное преступление, караемое всяко разное. Как будто мои кураторы этого не знали.

Вот я, кстати, не знал! Никогда не думал, что у меня вдруг ни с того, ни с сего проснутся эти самые способности к магии. Почему такого не

допускал — не знаю. Может потому, что я слишком уж приземленный для этого человек... После уже начитался и о законе, который требует отправлять всех начинающих магов в Академии, и о карах, которые грозят тем, кто сокроет потенциального волшебника. Почему так строго? В общем-то, все просто: в Академии учат контролировать свою магию, в противном случае стихийно развившийся маг может поубивать всех вокруг себя и произвести такие разрушения, что это будет сравнимо с нашествием диких северян.

А кроме того — маги очень ценные работники, которых нужно использовать по-полной. Каждый маг обязательно контролируется государством, как особо опасное оружие — потенциально опасное для государственного строя. Хочешь, не хочешь, но десять лет из своей жизни ты должен отдать государству. Вначале — на обучение, потом — по контракту. Маги- аристократы используются на высших должностях Империи, маги-простолюдины — только до определенного уровня. Какого именно уровня — не знаю, читал в книге, но не понял. Похоже, что по усмотрению высших властителей.

У меня все гораздо, гораздо хуже. Оказалось, что кроме обычной магии, направленность которой еще не определена (то ли боевой маг, то ли артефактор — никто пока не знает), имеется еще и черная магия. Проще сказать — прокляну, так мало не покажется!

Кстати сказать — конюха ничуть не жалею. Он меня с самого детства доставал. Такой мерзкий тип — это еще поискать! И главное дело — убить его нельзя. Убивать я могу только тех, на кого мне укажут, и тех, кто напал на меня и угрожал моей жизни (заключенные не в счет).

Последних до сих пор не нашлось. Ну а тот же конюх, скотина вонючая, старался пакостить исподтишка, так, чтобы никто не видел, и говорил мне всякие гадости — про меня, про покойную мать, про отца, которого я никогда не видел. Конюх, само собой, не был до конца посвящен в мою тайну. Он считал, что рядом с ним живет бастард, ублюдок казненного врага престола, предателя и негодяя. Так что можно безнаказанно поливать его грязью. А то, как меня учили — он ни разу не видел. Иногда я думал — а если бы он знал? Продолжил бы меня изводить?

Можно было бы конечно рассказать куратору об этом негодяе, но есть у меня подозрение, что те, кто меня курирует, все прекрасно знали.

Более того, конюх работает на них, и специально меня достает. Ну...что-то вроде проверки устойчивости моей психики, а еще — тренировка выдержки. (Откуда же он узнал о том, что я бастард?! Какой-то жалкий конюх!)

И опять же, не раз думал — а что было бы, если бы я его и взаправду убил? Ну вот ткнул бы ему в кадык костяшками пальцев, и каюк подлецу, любителю глумиться над изгоями. Или нет — врезать ему подковой в висок, потом помазать подкованное копыто жеребца Удрана кровью конюха — и будет полная картинка, что дурной жеребец размозжил башку несчастному работяге. Вот только думается мне, что все равно бы открылось. И тогда...что тогда? Высекли бы, как минимум. А потом Наставник истязал бы меня на тренировках пуще прежнего, не давая спать и высасывая кровь по капле. Когда надо, он умеет быть абсолютно безжалостным. Палач, чего тут скажешь...

Нет, меня бы скорее всего не казнили — ну что такое конюх? Простолюдин! Кстати, он вообще не имел права ТАК обращаться с родовитым. А что ни говори — у меня в жилах течет кровь императорского клана. И если какой-то поганый конюх позволяет себе ТАК со мной обращаться — значит, ему позволили. Эти люди видят все, и знают все. Тайная служба, или «крысы», как их называют в народе. И я такая же «крыса». Только еще и смертельно опасная.

Ну, так вот: я так яростно пожелал конюху лишиться яиц, которые сгниют и упадут ему в сапоги, что уже ночью этого поганца раздуло в паху, и он реально начал гнить. Его спасли, вызвав мага-лекаря, но теперь конюх сделался евнухом.

Ну а меня на следующий же день вызвали к моему куратору из Тайной Службы, который называл себя Имар Сорбан — имя явно придуманное, никакой он не Сорбан. Так вот, куратор уже знал о происшедшем, но все равно долго у меня выпытывал — как я такое сделал, и что при этом почувствовал. Ну а что я почувствовал? Ярость, желание убить подлеца, а еще — что-то вроде выплеска...что-то темное покинуло меня и вошло в рыжего конюха. И я испытал такое наслаждение, что сравнить это можно только с оргазмом.

В конце концов, меня отпустили, и все пошло прежним чередом, только лишь запретили колдовать, а еще — надели на шею амулет, блокирующий способность управлять магией. И снял я этот артефакт

лишь в пролетке, когда мы с Наставником подъезжали к Академии. Глупо бы я выглядел в учебном заведении, готовящим магов — с амулетом-блокиратором на шее.

Не надо было конюху говорить плохо о моей матери, пусть даже она и не совсем моя мать. Да и просто накопилось на душе — устал, а вокруг...вокруг, или враги, или совершенно чужие мне люди. Люди, каждый из которых поставлен здесь для того, чтобы следить за мной и докладывать наверх.

Нет, я точно не ангел. И никогда им не был. Ни в прошлой жизни, ни в этой...

Завтрак — молочная каша с куском хлеба, кусочек сыра, и компот. Ну а чего...вполне терпимо. Едал и похуже. Каша не с сахаром, а соленая — и это тоже норма. Я сладкое как-то не очень люблю...злой человек, наверное.

И снова в столовой почти никого. Три человека — два парня в необмятой форме, видимо такие же как я новички, и девчонка. Вот на нее я и пялился все время, пока выскребал кашу из глиняной чашки. Классная девчонка — волосы золотые, в кудряшках, форма сидит как влитая, и видно, что получена одежда не со склада. Здесь практикуется такое, когда курсант, или студент — не знаю, как лучше назвать — съет форму сам, получая за не выданную форму наличными. Конечно же, на такую дорогую форму денег компенсации точно не хватит, но я вообще сомневаюсь, что девчонка эти деньги отправилась выбивать из жадюг канцелярии. Явно дочь богатых родителей — холеная, утонченная. Даже ест — и то несколько манерно, отставляя мизинчик, с недовольной гримаской на совершенном лице. И глаза у нее голубые, что для столичных жителей довольно-таки редкость. Голубые глаза — это у диких северян, с которыми империя вечно воюет. Часть их вблизи к границе смешалась с имперцами, и время от времени признаки северной расы всплывают в детях тамошних дворян. Знаю, читал...да и рассказывали мне учителя.

Когда выходил из столовой, девушка едва не столкнулась со мной в дверях. Будучи человеком воспитанным, я тут же извинился и предложил:

— Проходите леди...простите, не знаю вашего имени. Только после вас!

Девушка посмотрела на меня внимательно, чуть прищутив глаза, и с ноткой веселья в голосе сказала:

— Ничего тебе не светит, понял?

Я прекрасно все понял, но сделал вид, что до меня доходит с большим трудом, и с искренним удивлением ответил:

— Леди, как это не светит?! Солнце светит! Опять же — светильник у меня есть. Вы вообще о чем?

И сделал рожу такую тупую, что это точно могло сойти за глумление над собеседницей. Но она приняла все за чистую монету:

— О Создатель! Да откуда вас, таких, набирают?! Одни идиоты вокруг...я видела, как ты пялился на меня за столом и пускал слюни! Так вот — даже и не думай! Не светит тебе получить от меня то, о чем ты мечтаешь!

— Что, у вас нет копченого окорока?! — с такой же искренностью ужаснулся я — Вот только хотел попросить угостить меня, а вы не привезли с собой даже маленького кусочка?! Какая жалость....вы, северяне, так хорошо коптите мясо! Вам нет равных во всей империи! Вас иногда так и называют: «мясники». А как вы догадались, что я мечтаю о копченом мясе?

— Дурак! — презрительно фыркнула девушка, обнажая жемчужные зубки в презрительной улыбке — Ну какой же осел!

— Девочка, а вы правда леди? — с легким удивлением спросил я — Не служанка, надевшая мундир госпожи? Вы так ругаетесь, что можно подумать — всю жизнь простояли на овощном рынке. Удивлен, в высшей степени удивлен!

Девчонка покраснела от воротника до самой макушки, хотела что-то сказать — злое, язвительное, но не выдержала и почти выбежала из дверей столовой. А вот нечего было мне хамить! Я терпеть не могу хамов — даже если они имеют ангельскую внешность и вполне приличные сиськи, оттопыривающие мундир на груди. Увидела, что я из

себя ничего не представляю — одет в дешевый мундир, никаких украшений, нет модной прически с волосами до плеч — и тут же решила поставить на место нищebroда. Дурочка, точно! Но похоже, что я обрел нового врага. Впрочем — одним больше, одним меньше. Видал я врагов и покруче. Одно беспокоит — едва не выбился за рамки моей маски: «Недалекий наследник захудалого рода из провинции». Уж больно откровенно я над девушкой постебался.

— Зря ты с ней так! — слышался голос рядом, я обернулся — на меня смотрел парнишка моего возраста, один из тех, кто завтракал рядом со мной — Верга девка неплохая, гонора только много. Она с границы, и очень стесняется того, что приехала из провинции. И те, кто ей напоминает об этом становятся личными врагами. А так-то она не злая, с ней и поболтать можно, и посмеяться. Ах да...прости. Мое имя Керл. Керл Оссар.

— Я Эдвин Ольгард. А откуда ты ее знаешь?

— Да я сам с севера — улыбается парнишка — Соседи! Она задавака, но вообще-то девка неплохая. А красавица какая, ты только посмотри на нее! Ммм... Будь я побогаче, попросил бы родителей заслатъ к ней сватов. Ну...после того, как отработаю контракт, раньше ведь мы не можем жениться.

Я посмотрел в серые глаза парня, и невольно улыбнулся. Парнишка мне нравится. Парень, как парень...и видно, что не злой.

— Да, нам нельзя жениться до истечения срока контракта — киваю я — Официально жениться.

— Хе хе хе...ну поджениться на полчаса всегда можно! Всего лишь большой серебряник! — хохочет парень, и тут же делается серьезным — Только не напасешься на шлюх. Мой Клан небогат, эта проклятая война с Севером истощила ресурсы — крестьяне бегут, не хотят арендовать землю, в лес не сунешься — можно стрелу в лоб получить, да и набеги постоянные, только держись! Как тут прожить? Мне родители выделили небольшое содержание, но...его на многое не хватит. Так что...

— А что Верга? Ее Клан такой же? Ну...с трудностями?

— Не-е...у них все в порядке. На их земле есть золотые россыпи, а

еще — медный рудник. А медь она всегда нужна. Так что живут, и не думают, где взять денег на прокорм. Такие вот дела, коллега Эдвин...

Меня почему-то рассмешило это: «коллега», и стоило труда удержаться от улыбки. Парень первый день в Академии, а уже — «коллега»!

— Слушай, а давай вечером соберемся и отметим прибытие? — весело предложил Керл — сходим в город, купим пива, закуски, посидим, поболтаем! Я с соседом по комнате (указал на парня, который поднимался из-за стола), он из наших мест. Я его тоже с самого раннего детства знаю. Так вот — посидим, познакомимся...поищем общих знакомых. Нам вместе пять лет учиться, так что...лучше узнаем друг друга. Тем более что скоро соберутся все курсанты, и мне говорили — так такие есть...лучше вместе держаться, если надо будет дать отпор. Ты так-то не похож на богатыря, но парень крепкий, жилистый — у меня глаз наметанный. И похоже, что за словом в карман не лезешь, отпор можешь дать. Так что было бы неплохо нам подружиться. Один тут не проживешь. Знаешь, что тут бывают дуэли? И магические, и с оружием! Тут такие есть засранцы, что...слов нет! Убьют, и не поморщатся! И ничего им за это не будет — дети высших магов, и высших чиновников. Богатеи! Но об этом потом поговорим. Комната тридцать три, приходи к седьмому колоколу. Если чего захватишь с собой — будет здорово. Если нет — я куплю, потом ты соберешь стол, когда деньги будут. Жду! Увидимся!

И парень рванул с места к второму выходу, через который, собственно, и пошел его сосед по комнате. Ну а я задумчиво почесал в затылке — что это было? И зачем мне идти выпивать с парнями? Не обольщаюсь — люди могут выглядеть совершенно безопасно, не опаснее трухлявого пенька, но...вот я, например, кого могу напугать? Рост средний, личико смазливо-безобидное, широких плеч нет — разгляди во мне «палача»!

А парнишка-то сразу усек — я ведь совсем не так уж и безобиден, как можно было бы подумать. Как он разглядел, что я жилист и крепок? Уму непостижимо...сквозь одежду видит, что ли? А что, я слышал о таких, которые могут видеть сквозь преграду. Читал о них. И называются они как-то хитро...«проницательные», вроде так. Помню, смешно стало — вот так, к примеру, идешь, и разглядываешь фигуры женщин, скрытые под платьями. Мечта задушенного желанием мальчишки!

Взрослому, конечно же, не интересно — ну что там нового в этих фигурах? Тем более что большинство женщин абсолютно голыми некрасивы. Лучше пускай воображение дорисовывает, чем смотреть на дряблые груди и целлюлитные попы. Циник я? Да есть немного...вот поживи ты всю свою сознательную жизнь как я — не только циником станешь, еще и свихнешься. Мрази, все-таки...взять трехлетку и лепить из него убийцу. Твари, право слово — твари! Никого не жалко — ни кураторов, ни Наставника. Последний — гнида из гнид, абсолютно лишенный чувства сострадания и вообще каких-либо эмоций. Голем, а не человек. И я бы такой был, если бы они сумели сломать мою психику. Только ошиблись, не на того напали! Совсем не на того...до смешного.

После столовой я первым делом обошел территорию Академии, чтобы осмотреть ее на предмет пересечения периметра без разрешения администрации. Проще говоря — искал дырку, через которую местная шантрапа бегаёт в самоволку. И нашел — дыра в дальнем конце кирпичного забора. Узкая такая, едва видна над землей — проделана магией, без всякого сомнения. Края дыры оплавлены. Замаскировали дыру густыми колючими кустами, так что если не знать, то век ее не найдешь. Но я нашел. Меня этому учили — искать.

А еще обнаружил три дерева с огромными ветками, заходящими за забор. Если иметь специальные когти — влезть по стволу левое дело. А потом и наружу. И чтобы вернуться — крепкий шнур с якорьком-кошкой на конце. Со шнуром лазить конечно же очень неудобно — руки режет, скользит, но...я знаю, как сделать, чтобы не повредить руки. И лажу я по веревкам что твоя мартышка. Как сказал мой новый товарищ по Академии — я жилистый и крепкий. Вот только пользоваться кошками достаточно проблематично — остаются следы на коре. Использовать можно, но только раз, или два — пока эти самые следы не найдут. И вот тогда будет беда — поставят засаду, и...«руки в гору!».

Но в общем-то я доволен — выйти смогу, клетка не закрыта намертво.

Ну а теперь надо сходить в город и осмотреться. Да может и денег слегка срублю...проверю себя. Безденежья не боюсь — такой как я всегда найдет деньги. Главное при этом не попасться страже. Она очень не любит воришек и уличных грабителей. Да, да — криминал! Но как еще можно в короткое время заработать приличные деньги? Только если кого-то обворовать, или у кого-то отнять. Ну а если попадешься...знать,

такая твоя судьба. А кто обещал, что будет легко?

Глава 3

Все рынки похожи друг на друга, и одновременно каждый из них индивидуален. На севере рынок пахнет смолой и рыбой, на юге — экзотическими плодами, здесь, в столице, он пахнет богатством. Нигде больше на рынках Империи нет такого количества лавок, торгующих дорогими, эксклюзивными вещами, как здесь. Да и лавками их называть язык не повернется — магазины, самые настоящие магазины! С примерочными, с угодливыми, ласковыми продавцами, с мастерской, в которой вам тут же, при вас поправят под фигуру платье или брюки, подгонят под ваш размер кольца и браслеты, заточат меч или кинжал. Это даже не магазины, это целые предприятия, изготавливающие вещи от нулевого цикла, до «под ключ».

А продуктовые лавки! Ооо...лавка с копченостями едва не довели меня до обморока — так захотелось копченого окорока, подмигивающего мне капельками влаги, выступившей на нежном розовом срезе! В лавке холодно, как в погребе, продавец стоит за прилавком одетый в стеганую курточку — чтобы не простыть. Двойное удовольствие — и вкусного продукта купишь, и охладишься после раскаленного уличного солнцепека. Магия, конечно же — артефакт-охладитель работает по максимуму. И кстати, не так уж и дорого стоит. Вполне по карману среднему лавочнику. Хватает его обычно на месяц — потом надо снова заряжать, но зарядка уже совсем недорогое дело. Записался на очередь в Лиге Магии, вызвал оттуда специалиста по заправке артефактов, и еще месяц наслаждайся прохладой и свежими, не портящимися продуктами. Обычное дело.

На обратном пути надо будет зайти в эту лавку, прикупить еще и тонких копченых колбасок на закуску. Северяне делают их очень хорошо, добавляя в фарш какие-то лесные пряности. И коптят на яблоневого опилках. Получается — пальчики оближешь. Знаю, пробовал. У меня был период, когда меня выпустили в город на «производственную практику». Я должен был выживать не имея средств к существованию и питаться тем, чего добуду. Ничего, выжил. Конечно, помереть с голоду мне бы не дали, и увезти меня каким-нибудь работоторговцам тоже бы не дали. Я чувствовал, как за мной наблюдают. Слишком уж много в меня вложено

сил и средств. А кроме того — я же приманка для оппозиции. Один из наследников императорской семьи. Пусть даже и бастард.

Но да ладно, сейчас не до жратвы. Тем более что денег у меня совсем-пресовсем мало. Нужно заняться финансами, а значит...значит, занимаю позицию в удобном месте — возле входа на рынок, под здоровенной шелковицей (тень хотя бы!), и наблюдаю за обстановкой.

Я вижу все — потенциальных «клиентов», которые идут так, будто находятся в безлюдной степи — кошель на поясе болтается, как мошонка у осла. А то еще и сзади подвешат, будучи совершеннейшими идиотами. Типа — прикрыл полый камзола, вот никто и не догадается, что там кошелек. Наивняк! Вон как стая рыночных воров лупает глазками из-под соломенных шляп. Вроде и не смотрят никуда, веки прикрыты, но взгляды острые, как боевая спица. Все видят, все подмечают. А я подмечаю их.

Стою, смотрю. Кто у них главный? Ага...вон тот щербатый парень лет двадцати от роду. Шепчет на ухо соседу, такому же как он парню в шляпе, тот быстро идет за толстым, утирающим лоб мужчиной, на поясе которого явственно просматривается «опухоль». Десять секунд — вот сколько понадобилось, чтобы подойти и срезать кошелек. Теперь вор должен делать ноги, пока «клиент» не спохватился.

Идет к Щербатому, ловко перебрасывает ему кошель не останавливаясь ни на миг. Еще секунда — Щербатый снимается с места и вразвалочку шагает прочь. Я иду за ним, стараясь держать в поле зрения. Если он скинет кошель кому-то еще — все сильно усложнится.

Не скинул. Идет неспешно, даже не проверяется. Непуганый! И это хорошо. Заворачивает за угол лавки старьевщика, и оттуда уже не выходит. Проверяет кошель? Иду следом, и...ныряю под руку, в которой тускло блестит нож! Нож едва не угодил мне в горло!

— Сучонок! Зачем за мной следишь?! Щас я тебя подрежу, гнида! И отолью на твой труп!

Вот те раз! Молодец шпанюк, чего уж там. «Не следит, не проверяется» — чушь собачья! Опытный волчара!

Режущие, «пишущие» движения ножа очень опасны. Не знающие

люди считают, что опасен удар ножом с замахом, когда бьют от души, как пьяный грузчик не менее пьяного товарища за то, что тот отнял у него шлюху. Нет. Самые опасные удары вот такие, когда нож порхает в воздухе, когда противник на максимальном расстоянии и норовит «пописать» тебе лицо и брюхо. Когда грязное лезвие развалит тебе глаз и нос — сразу станет не до разговоров. И добить раненого уже плевое дело.

Нож рассекает воздух рядом с моим лицом. Я пчусь, соображая, как мне поймать этого бойца. Но он не дает мне ни малейшего шанса, двигается как танцор — быстро, ловко, нож порхает как бабочка, жалит как пчела. Очередной выпад едва не лишил меня глаза, и я начал серьезно злиться. Глупо было бы вот так закончить свою молодую жизнь — на заплеванном, загаженном пяточке с торца лавки старьевщика. И этот подонок потом помочится на мой труп.

Почему-то именно эта деталь возбудила меня больше всего — я даже представил себе эту картинку: развязывает гульфик, вытаскивает свой вонючий отросток и мочится на меня, истекающего кровью, дергающегося в последних судорогах.

Вспышка ярости!

Ффыххх!

Из меня вылетает «чернота», направленная прямо в лицо противнику. Он столбенеет, глаза его белеют, как у снулой рыбы, хватается за горло, хрипя, пытаюсь вдохнуть, но...я не даю ему этого шанса. Шагая вперед бью костяшками пальцев в кадык, ломая гортань, а когда вор опускается на землю — одним движением скручиваю, ломаю ему шею. Все! Готово.

Обшариваю труп, забираю кошель, из-за которого все и началось. Продолжаю искать и нахожу еще два кошель — небольшие, но вполне увесистые, позвякивающие содержимым. Ищу еще — и добычей становятся золотая цепочка с шеи, и два ножа в ножнах, прикрепленных к предплечью и на спину, возле шеи. Чтобы можно было метнуть от затылка. Основной нож тоже забираю и рассовываю «перья» по карманам, благо что на этой одежде у меня их десятка два. Рабочая одежда, специальная. Ясное дело, что отправляться на акцию в мундире Академии было бы верхом глупости.

Не сходя с места, проверяю кошель, убеждаюсь, что они полны серебром и медью (даже пару золотых углядел), ссыпаю монеты по карманам. Кошель бросаю на труп — не надо таскать с собой улики. Деньги ты никак не привяжешь к человеку, а вот кошель — вдруг остановит патруль стражи, а толстяк подал жалобу на кражу (бывают и такие идиоты). И вот у меня находят искомый кошель. Что тогда будет? Плохо тогда будет. Очень плохо. Даже и прогнозировать муторно. Казнить могут — запросто. В Академии я точно учиться не смогу — там воров и грабителей не держат, а без Академии магу жить нельзя. Необученные, неконтролируемые маги подлежат ликвидации.

Все! Бежать отсюда! Прихватят рядом с трупом — проблемы будут. Хотя возможно что никто и не поверит — какой-то там мальчишка смог завалить главаря банды воров. Слишком уж это фантастично. Пока этот тип выбрался наверх — сколько ему пришлось завалить конкурентов? Я думаю — много. И не провинциальному невзрачному мальчугану его убивать.

Жалость? Ни малейшей жалости к убитому у меня нет. Терпеть не могу всяческую шпану — хулиганов, грабителей, мошенников и прочую уголовную шушеру. Я бы их казнил без жалости и сожаления.

Ретроспектива

— Я не буду убивать собаку. И кошку не буду. Можете меня убить.

— Хорошо — лицо Наставника остается холодным, бесстрастным, как у статуи — Тогда ты убьешь человека. Казнишь приговоренного к смерти. Ты должен приучиться убивать.

Мальчик молчит, смотрит на мужчину, стоящего перед ним. Они почти равны по росту, и похожи, как отец и сын. Или, скорее, как внук и дед — у старшего волосы белые, как снег, у младшего русые. У обоих бесстрастные лица, серые глаза смотрят прямо, и кажется, взгляды скрещиваются, издавая скрежет металла по металлу.

— Я хочу знать, за что его приговорили — после трехсекундного молчания отвечает младший.

— Его приговорил имперский суд — холодно говорит старший — А значит, он должен быть казнен. И разве тебе не все равно, за что его

приговорили? Тебя поставят перед ним, и предложат ему убить тебя. И если убьет — приговор смягчат. И что ты тогда будешь делать? Позволишь убить себя?

— Может, и позволю! — подросток вздернул голову, будто пытался посмотреть на собеседника сверху вниз — Я сам определяю, достоин он жить, или нет.

— А кто ты такой, чтобы судить людей? Какое ты имеешь право судить?

— Не меньшее, чем какой-то судья, получивший свою должность из-за нажитого его отцом богатства. Но скорее даже большее, потому что меня нельзя купить.

— Тебя нельзя купить? — усмехнулся мужчина — Ты так уверен? У тебя есть выбор — умереть, или жить. Но до сих пор ты всегда выбирал жизнь. Неужели ты поставишь на кон свою жизнь напротив жизни совершенно неизвестного тебе человека?

Молчание. Секунд на двадцать.

— А если этот человек злоумышлял против трона? Против законной власти? Ты и его оставишь жить?

Подросток сдвигает брови, и чуть наклонив голову, исподлобья смотрит на собеседника. Он понимает, что вопрос провокационный, что от него ждут правильного ответа, и жизнь его сейчас висит на волоске.

— Нет, не оставлю. Если доказано, что он участвовал в заговоре, что приговор справедлив — я его убью.

— А как ты определишь, что приговор справедлив? Ты будешь сам вести расследование? Или все-таки доверишься имперскому суду? Каким образом ты проведешь свое расследование?

— Я поговорю с осужденным — упрямо набычивается подросток, и закусывает губу.

— И он тебе все честно расскажет? Не соврет?

— Я почувствую, если он соврет — продолжает упрямиться

подросток.

— Послушай, мальчик...сейчас ты доказываешь свою незрелость, как взрослого мужчины. Тебе уже четырнадцать лет. В четырнадцать лет можно вступить в права наследства, жениться, наняться в армию, распоряжаться своим имуществом так, как ты хочешь. Государство определило, что ты взрослый. А сейчас ты доказываешь, что до взросления тебе далеко! Ты — рука Императора, его меч. Если Император с помощью своего суда определил, что человек виновен и заслуживает смерти — как ты можешь пойти против решения властителя? Это самый настоящий бунт! А бунт карается смертью. Разве ты не хочешь жить? После стольких лет тяжелой работы? Тренировок? Недосыпания и боли? Зачем тебе это? Разве ты не должен думать о себе, и о своем Императоре, который пощадил тебя, который дал тебе возможность искупить вину твоего отца?

— Причем тут отец и его вина? Я ничего и никогда не делал против Императора! Почему мне все время тычут его преступлением?! Разве дети отвечают за родителей? Это же несправедливо!

— Это справедливо. Каждый, кто задумал совершить предательство по отношению к своему властителю, должен понимать, что в случае проигрыша он ответит не только своей жизнью, но и жизнью всего своего клана, жизнями всей своей родни. И только так можно удержать человека от предательства! Люди слабы, им всегда мало — власти, денег, влияния. Им кажется, что они могут победить, и они совершают ужасные поступки. То, что тебя пощадили, есть добрая воля Императора. И ты обязан ему всей своей жизнью! Понимаешь? Тебя могли убить еще тогда, когда ты едва научился ходить. Но пощадили!

— И теперь до конца жизни будут этим попрекать.

— А как ты хотел? Если ты сам не понимаешь, что делаешь! Тебе приказали убить приговоренного к смерти, а ты что делаешь? Рассуждаешь о том, виноват он, или нет?! Ты не рассуждать должен, а благодарить за то, что наконец-то тебе предоставили возможность отплатить своему Императору за доброту! А ты о чем говоришь? О том что позволишь себя убить, если посчитаешь, что преступник несправедливо осужден? А силы, вложенные в тебя? Деньги, которые потратили на твое содержание? Это все принадлежит Императору! Как и ты сам! Тебя нет, понимаешь? Есть Мастер Смерти, который убивает

того, на кого ему показали, кого приказали убить. Ты меч, которым Император сносит головы тем, кто совершил преступление против его власти! А если меч плохо исполняет свои обязанности — его или перековывают, или уничтожают. Тебе ясно?

Молчание. И нехотя, сквозь зубы:

— Ясно...

— Тогда вперед. Твой противник — грабитель, предводитель шайки. Убил много людей, поймали его на месте преступления, когда он и его подельники сдирали одежду с убитых ими членов семьи купца, среди которых были и две девочки. Девочек они изнасиловали, если тебе это интересно. Младшей было семь лет. Преступнику обещано помилование, если он тебя сможет уложить. Заменят каторжными работами. Глупо, кстати — на рудниках больше трех лет не живут. Лучше сразу умереть. Но это его выбор. Они все надеются на чудо, на то, что с горных рудников можно сбежать. Ты готов?

— А переодеться? — мальчик кивает, показывая на обычный костюм, в котором он выходил в город — Я же его испачкаю. Да и неудобно...

— Ты должен сражаться в той одежде, в которой ходишь каждый день — хмыкает Наставник — И тебе не должно быть неудобно. И да, старайся на запачкаться. Представь, что ты уходишь после акции, и твой костюм испачкан в крови и грязи. Ты сразу же обратишь на себя внимание, и как следствие — можешь быть захвачен, или убит. Потому береги одежду.

Мальчик кивает, идет следом за мужчиной, глядя ему в спину с угрюмой ненавистью, смешанной, как ни странно, с уважением. Да, какого черта кобенится, если хочет жить? Тут или он убьет, или его убьют — выбор прост. Он все равно этих людей не знает, они ему никто, и будут стараться убить. Так что...все по-честному. Им предложили выбор — облегчение участи, или смерть другого человека. Они согласились. Так чего теперь переживать?

Того, кто вышел в зал трудно было назвать человеком. Огромный, практически двухметрового роста, с пудовыми кулаками и тяжелыми надбровными дугами он походил на обезьяну, зачем-то нацепившую на себя грязные лохмотья человеческой одежды. Желтых зубов во рту

монстра не хватало, левую глазницу пересекал шрам, стягивающий кожу, и потому казалось, что этот мужик прищуривается, как если бы ему в глаза светило яркое солнце. У него не было оружия, он сам оружие, если даваться ему в руки — порвет. Любой, увидев такого громилу испугается и постарается избежать встречи — так, на всякий случай. Но...мальчик был настолько спокоен, что это казалось чем-то ненормальным. Он дождался, когда противник с яростным ревом бросится вперед, норовя сграбастать в охапку, сломать, раздавить, каким-то чудом проскользнул между огромными лапами, способными сломать подкову, и...остался стоять на ногах, а соперник схватился за горло и опустил на колени, хрипя и булькая кровью из дыры на месте кадыка. Тонкие, сухие пальцы вонзились в шею преступника не хуже острого кинжала, и мгновенно вырвали кусок плоти, валяющийся теперь на полу.

Мальчик выждал секунды три. Противник все не умирал — огромное тело отказывалось признать поражение. Тогда палач подошел со спины и одним быстрым движением свернул шею соперника. Громко хрустнули позвонки, и с громким стуком-шлепком труп повалился на пол. Бой был закончен. Мальчик внимательно посмотрел на расплывающуюся темно-вишневую лужу, поморщился, видимо от запаха нечистого тела противника, а может от запаха свежей крови, и неспешно пошел на выход из комнаты. Лицо его снова было непроницаемо-холодным. Ни тени сожаления, ни радости, никаких-то других эмоций. Пришел, убил, ушел.

Я не могу управлять своим магическим «даром», если можно так назвать мою черную магию. «Дар», по моему разумению — это что-то хорошее, что-то созидающее. Например — способность лечить людей. Или вызывать дождь в засуху. Даже зажигать свечу на расстоянии — это тоже Дар! Но способность делать пакости людям, заставляя их болеть — это не Дар, а проклятие. Тем более если ты не контролируешь это умение, и можешь вызвать его только тогда, когда находишься в состоянии бешенства. Как сегодня, например. Я вообще-то не собирался убивать этого вора — стукнул бы его по башке, забрал народные деньги, да и был таков. Но он собрался убить меня, а значит — пришлось его убирать. Опять же — он запомнил мое лицо, а зачем мне «засвечивать» свою личину? Так что...покойся с миром.

Да, для меня был неожиданностью этот самый прорыв черной

энергии. Я не рассчитывал на него, потому был слегка ошеломлен. Но годы тренировок не позволили мне растеряться. Не знаю, что такое я сделал этому парню, от чего он застыл как столб, но грех было не воспользоваться возможностью его завалить. И снова покопавшись в своей душе, равнодушно констатировал: ни малейших сожалений. Ну умею я жалеть всякую воровскую шпану!

Ладно, потом еще обдумаю то, что произошло. Одно только надо признать: сработал я плохо, грязно, план мой полностью провалился. Парень меня вычислил и едва не убил. Если бы не до автоматизма отработанные приемы самозащиты — тут бы мне и конец пришел. Двигался этот ныне покойный воришка очень даже быстро и профессионально. Может потому и поднялся на уровень главара шайки.

Теперь мне нужно кое-что купить, и путь мой лежит в лавку травника. Я видел такую, когда бродил по рынку, присматриваясь к обстановке. Как и все лавки здесь — большая, и уверен, у травника там есть своя лаборатория. Готовит же он где-то свои снадобья?

Лаборатория, если ее можно так назвать, в лавке конечно же была. Но травник категорически не желал меня в нее пускать, ни бесплатно, ни за деньги. И в принципе я его понимаю — бродит тут всякая шантрапа! А потом реторты-пробирки пропадают... Но после недолгого раздумья я решил, что все-таки это никакая не трагедия. Обойдусь без лаборатории травника. В Академии есть прекрасная лаборатория со всем нужным оборудованием, так что я буду делать свои снадобья там, главное — получить разрешение на сверхурочное посещение. Ну не при товарищах же мне делать смертельные и парализующие яды? И хитрые порошочки, которые ослепляют, по времени от суток, до...бесконечности.

Кстати, о товарищах...может вина прикупить? Кроме пива? Или это неправильно, мешать пиво и вино? Решил все-таки ограничиться пивом, и бодро зашагал по рынку, отыскивая все, что мне было нужно. Пиво и закуски я куплю после, в самом конце моей прогулки.

Пришлось нанимать извозчика. Торговался, как настоящий цыган, сбил цену в три раза. Ну что за привычка у работников вожжи и кнута завышать цену в несколько раз? И ведь видит, что перед ним никакой не мажор, а парень из провинции в дешевенькой одежонке, и все равно завышает. Справедливости ради надо сказать, что одежонка моя не такая уж и дешевенькая. Неприметная, да. Немодная. Но ткань высокого

качества, и сшито по специальному заказу, с десятками карманов и потайных мест по всему камзолу и в штанах. Даже в ботинках (или лучше назвать их «туфли»?) у меня есть потайные «карманчики». Например, в каблуке. Я бы и другие ботинки взял, те, у которых из носка при ударе вылезает покрытое ядом острое, но.....мне такие не дали. Мол, зачем тебе? Ты учиться едешь, а не убивать!

Пока шатался по рынку, совершенно автоматически проверялся — не следят ли? Уж очень не верится, что «крысы» оставили меня в покое. Но так наблюдения и не обнаружил. Если за мной и следили, то умение «топтунов» было самого высокого уровня. Но скорее всего это у меня самая настоящая параноя — за десять с лишним лет я уже привык, что за мной постоянно следят. Даже тогда, когда я отправляюсь в сортир. Да что сортир — когда ко мне приводили женщин, я чувствовал на себе любопытный взгляд наблюдателя.

Впрочем, это никак не влияло на мою потенцию. В четырнадцать лет тебе хочется трахнуть все, что хоть отдаленно напоминает женщину и вяло трепыхается. Кровь кипит, бурлит! Кроме того — существуют снадобья для разжигания похоти. И такое я умею делать, и сделал. Испытал, конечно же, на себе. Результат не то что бы доставил удовольствие (какое тут удовольствие, если у тебя сутки напролет в башке истовое желание наброситься как существо противоположного пола, и...), но удовлетворение от хорошо сделанной работы. «Я смог! Я крут!»

Кстати, очень даже популярная у мужчин штука это снадобье. Но больше всего — у женщин. Нет, для женщин снадобье иное, немного иное — мужское на них действует очень слабо, но кто сказал, что мужское они употребляют сами?

Вообще-то изготовление такого снадобья, если ты не обладаешь магическими способностями, дело дорогостоящее и сложное. Если у тебя нет магии — где ее взять? Позаимствовать, конечно. Покупается довольно-таки дорогой одноразовый амулет, который разряжается при опускании его в жидкость, передавая магическую силу составу, и... получается снадобье, которое без магии почти не работает. Магия усиливает действие снадобья в сотню, а может и более раз. А вот амулет потом снова надо тащить на зарядку к магу, который не преминет содрать с тебя приличную денежку. Сколько? Пять серебряников, не меньше! И это еще в провинции. В столице дороже. Я пока не умею

заряжать амулеты, но надеюсь научиться. Если получится, конечно. Все-таки слишком специфичные у меня способности. Я ведь пытался зарядить такой амулет, когда у меня проснулась магия. Результат — рассыпавшийся в порошок камешек, служивший вместилищем магии.

Итак, в руках у меня две сумки с едой и питьем, в карманах три ножа и россыпь позвякивающих монет, а впереди посиделки со своими будущими товарищами. Будущими, потому что пока они мне никакие не товарищи, а так...случайные знакомые. И будем ли мы товарищами — покажет время.

Глава 4

И где будет происходить эта замечательная встреча? В комнате у Керла? В моей уж больно убого. И не просто убого, а какая-то стыдоба, да и только. Впрочем — они же к себе звали, так чего мне думать?

Беру сумку, тащусь по коридору, разглядывая номера на дверях. Само собой, нужная мне дверь вела в комнату на противоположной стороне коридора, на той, где комнаты выходят окнами в парк. То ли парней определили как более достойных, чем некий Ольгард, то ли они дали денежку малую за то, чтобы им предоставили хорошую комнату, но факт есть факт. Устроились парни лучше, чем я. В чем убедился, только лишь переступив порог комнаты.

Стены оклеены обоями, я не покрашены масляной краской, за окном — парк, и сюда доносится запах цветов с клумб. Да и сама комната вроде как больше, чем моя, а еще — везде полочки, шкафчики, и даже холодильный шкаф, такой, какой стоял там, где я жил все эти годы. Здоровенный такой шкаф! Он охлаждается магией, зарядки амулета-охладителя хватает на год.

— Наконец-то! — Керл меня встретил радостно, и похоже что радость эта была искренней. Или же он хорошо играет — Знакомьтесь! Это Эдвин Ольгерд, новичок, как и мы! Эд! Надеюсь ты не будешь против, если я тебя буду так называть? Эд — это вот мой товарищ, напарник по комнате, его имя Сегер Сталесс. А это наша знакомая — Эдна Варрас. Ну а Вергу ты уже знаешь. Ах да! Я не представил! Верга Харрис — дочь уважаемой семьи, славящейся своей добродетелью, и...богатством. Хе хе...

Верга ничего не сказала в ответ на мое приветствие, только поджала губы и отвернулась, а я вдруг остро почувствовал разочарование, мне наверное не следовало сюда приходить. Ну зачем мне смотреть на эту задаваку? Даже если она выглядит, как идеал девушки пятнадцати лет. Не всегда форма оправдывает содержание. Конечно же я не считаю, что все красивые женщины глупы, но...почему-то частенько так и бывает. Некогда я думал над этим, так вот пришел к выводу, что если

Провидение дало женщине феноменальную красоту, то считает — ей дадено уже достаточно, чтобы та прожила сытую и обеспеченную жизнь. Ум красавице не нужен. Это дурнушки должны пробиваться по жизни, потому — им и острый ум, и все сопутствующие ему плюшки. А красотке достаточно лишь томно вздохнуть, чтобы полушария выпятились из лифа подальше, да похлопать длинными ресницами — вот уже мужик валяется у твоих ног. Утрирую, конечно, все не так просто, но...факт, есть факт.

Вторая девушка была не то чтобы красива, но...очень мила. Глаза большие, зеленые, губки пухлые, щеки гладкие — все бы ничего, но ее внешность немного портили оттопыренные ушки, скрыть которые не могли и усиленно начесанные на них волосы цвета воронова крыла.

Кстати, как на мой вкус — такие ушастенькие девушки гораздо более привлекательны, чем записные кукольные красавицы вроде этой Верги. Так и хочется взять такую девчонку за ушки, и...впиться в ее губки долгим поцелуем. Может я ушной фетишист? Ну нравятся мне лопаухонькие, да и все тут!

— Привет, Эд! — голос Эдны был звонок и приятен — Рада с тобой познакомиться!

Верга при этом посмотрела на нее, как на кошачье дерьмо, в которое только что наступила. Столько в девочке гонора — это просто непостижимо.

— Эдна из большого, древнего, славного Клана! — радостно пояснил Керл — Только обнищавшего так же, как и наши с Сегером. Эта проклятая война так надоела, так надоела!

— Ну...вы вроде как не бедствуете? — обвел я взглядом комнату — А меня вселили в такую дыру, что даже и пригласить кого-либо стыдно (я посмотрел на Эдну). Комната для прислуги, и то наверное лучше.

— Это платная комната — махнул рукой Керл — Наши отцы считают, что пусть мы и не так богаты, как раньше, но должны держать уровень, соответствующий нашему статусу. Мы не можем уронить честь Клана, проживая в неподобающем месте. Чушь, конечно же — взрослые все время стремятся доказать, что их статус выше всех, и тратят на это кучу денег. А нам с Сегером плевать на статус, нам бы вкусно поесть, немного

выпить, да чтобы девчонки красивые рядом были.

Он подмигнул Эдне, та улыбнулась и поправила прядь волос, прикрывающую правое ухо. Мда...похоже у девчонки комплекс на эту тему, и какого черта родители не позаботились о том, чтобы избавить ее от него? Что, магов-лекарей мало, что ли? Враз сделают ушки такими, какими хочется девчонке.

— Я тут свою долю принес — оглядываю уставленный тарелками стол — Примете?

— Еще как примем! Мы любим поесть! — улыбается Керл, и берет мою сумку в руки — О! Тяжелая какая! А что там? Кувшинчики! Пиво, да холодное! А как сумел сохранить холодным? Да что я туплю...небось заморожено было. Девочки, поможете нарезать и разложить?

Верга, как я и ожидал, даже не посмотрела в его сторону, в вот Эдна вскочила с места и стала хлопотать, красиво раскладывая копченые колбаски и нарезанный тонкими ломтями окорок. И пока раскладывала, я с удовольствием отметил, что ее фигура ничуть не хуже, чем у Верги. По крайней мере — платье сидело на ней как влитое, обрисовывая длинные бедра и крепкую грудь, оттопыривавшую ткань. Хорошая девочка, сразу видно. Без закидонов и всяческой мути, которая бывает в головах у девоночек-подростков. Впрочем, по меркам Империи — обе девушки уже взрослые, половозрелые, способные выйти замуж и произвести детей.

— Ну, давайте выпьем за знакомство! Нам тут учиться еще пять лет, так что...будем держаться вместе.

Керл разлил мое пиво по кружкам, девушкам налил вина в прозрачные бокалы. Мы сдвинули свои посудины и выпили. Пиво мне понравилось — ледяное, шипучее, и не горькое. Не люблю горькое. Впрочем — как и приторно-сладкое. Есть такое — густое, темное, едва ли не как желе. В башку шибает — как лошадь копытом.

— Сейчас поедим, и будем рассказывать о себе! — не понижая уровня жизнерадостности заявил Керл, а у меня внутри слегка заledenело. Как только вопрос касается моего происхождения...это просто нож острый. Но что поделать? Здесь люди в первую очередь говорят о своем Клане, и все невероятно озабочены социальным

статусом. Просто-таки до смешного озабочены. Как маньяки озабоченные блондинками в черных чулках.

Поели. Колбаски вкусные, ветчина — выше всяких похвал! Пиво ледяное, лепешки свежие — чем не жизнь? А жизнь-то налаживается! Ну...наверное. По крайней мере я вырвался из проклятого места, в котором меня терзали больше десяти лет. Но не сломали! Нет, не сломали.

— Эд, расскажи о себе? — просит вдруг Эдна, и Керл радостно подхватывает:

— Расскажи, расскажи! А то ты про нас знаешь, а мы про тебя — нет!

— А нечего рассказывать — бесстрастно отвечаю я, откусывая от колбаски. Прожевываю, и замечаю, что все молчат, ожидаю продолжения — Что? Да нечего, я же говорю. Сирота. Отец умер, когда мне было три года, мама — когда было семь лет. Жил до сих пор у друга семьи. Учился на дому, и вдруг — проявилась магия. Вот, в общем-то, и все. Не богат, не беден, ничем особым не отличаюсь. Не красавец, и не урод. Что еще? Ах да...играю на лютне, только лютни у меня нет. На дядиной играл. Иногда сочиняю песни. Когда настроение есть. Ехать сюда не хотел, но заставили — закон ведь, и все такое.

— Играешь на лютне?! — восхитилась Эдна, а Верга презрительно фыркнула. Вообще непонятно, зачем она сюда пришла, если ей все так не нравится. Странная девочка.

— Играю — пожал я плечами.

Да, играю. Заставили научиться. Благо, что музыкальный слух у меня есть. И стихи умею сочинять, это точно. Говорят — неплохие. Маска барда — одна из лучших для шпиона и убийцы. Ну кто может подумать, что какой-то там стихоплет, бренчащий на лютне, может быть палачом? Даже смешно! Опять же — верный способ заработать денег, если нет возможности их украсть или отнять. Меня многому научили — всему, что хотя бы теоретически может пригодиться для выживания. И не только драться и травить ядами, но еще — и танцевать. Ездить на лошади. Разбираться в моде и манерах. Даже язык веера и мушек на лице — и это я знаю! Как и несколько языков. Двенадцать лет — каждый день, без выходных, по 10–12 часов в день, а частенько и дольше. Никакого

детства, никакой личной жизни. Только учеба, только тренировки на грани истязания. И за гранью — тоже.

Господи, как я их ненавижу! Если бы мог убить взглядом — я бы всех их убил! Нет, не нынешних моих собутыльников. Тех, кто решил из трехлетнего несмышлениша сделать убийцу без совести и сожалений. Разве можно ТАК поступать с детьми?! Но еще не вечер...думаю, мы встретимся.

— Сыграешь нам?! — радостно спрашивает Эдна, и улыбается, обнажая белые, крепкие зубы. Приятная девочка, да...и ушки у нее такие...розовые на просвет! Мда...я бы с ней не отказался...

— На чем он сыграет, дура! — фырчит Верга, и косится на меня диким взглядом дурной кобылы, недовольной своим наездником — Он же нищеврод! Лютя денег стоит! И приличных! А хорошая лютя — ОЧЕНЬ приличных! А у него, как у помоечного кота, только болячки, да шерсть клочьями!

Молчание. Парни переглянулись, нахмурились. Я их понимаю — неприятно ведь...пригласили парня, а тут такое безобразие. Мне было бы стыдно за такое.

— Мне стыдно за тебя — внезапно говорит Сегер, строго глядя в лицо Верги — Наши предки некогда завоевали северные территории. Дрались с северными племенами, отвоевывали землю. Потом заселяли ее. И они совсем не были богачами. Сильные духом и телом они выжили, и дали жизнь нам. У парня нет родителей, он сирота. Ему не повезло. Разве он виноват? А если завтра убьют твоих родителей, если ты лишишься состояния, как, например, наши Клань? Тогда что ты скажешь? Верга, ты ведь никогда не была такой высокомерной сукой! Мы вместе играли, вместе смеялись и мечтали о будущем. Что с тобой случилось?

Молчание. Потом Верга порывисто встала, ее лицо скривилось в гримасе злобы и неприязни, она шагнула к двери, и рывком открыв ее, вышла, не сказав никому ни слова.

— Ну вот... — грустно вздохнул Керл — Посидели, называется!

— Прости, Эд — мрачно сказал Сегер — Это я виноват. Пригласил ее. Не думал, что так все получится. Не ожидал от нее.

— Может у нее месячные? — хихикнул Керл — Девицы, когда у них месячные, становятся просто невыносимы!

— Ф-ф-у-у... — хихикнула Эдна, ничуть не расстроенная скандалом — Ну зачем о таких вещах говорить за столом? И вообще неприлично мальчикам говорить об *этом*! Да и что ты можешь знать о женщинах? У тебя вечно на уме была только рыбалка, да лошади! Ты и девушек-то вблизи не видал!

— И ничего подобного! — расплылся в улыбке Керл — И видал, и знаю! Хочешь, расскажу, как в публичный дом ходил?

— Вот только этого мне не хватало! — Эдна хихикнула и швырнула в Керла купленной мной колбаской. Он ловко поймал колбасу, и с довольным видом засунул в рот. Прожевав, расплылся в улыбке:

— Сразу троих! Целый день! Они аж визжали! Тебе, девственнице, не понять!

— Дурак! — Эдна снова швырнула в него колбаской, и я поспешил схватить оставшуюся на тарелке — эдак и самому не достанется.

— И вообще — у тебя родинка на левой груди! — хохотнул Керл, чем заставил Эдну покраснеть. Она показала ему кулак, и обращаясь ко мне, сказала:

— Ты не думай, он меня голой не видел! Этот мерзавец — «проницательный». Только дохленький — родинку может разглядеть, а больше-то и ничего! Вот же дал Создатель талант — мерзавцу! Похабнику! Редкий талант! Один на миллион! А может и более редкий! Хорошо хоть убогий талантишко, а то бы я его давно прибила.

— А на левом бедре у тебя...

Керл не закончил фразу. Стул, на котором он сидел, вдруг заскрипел, ножка его подломилась и он со всего размаху грохнулся об пол. Я даже поморщился — голова ударилась с таким стуком, что могло получиться сотрясение мозга.

— Ничего ему не будет, у него нет мозга! — довольно заявила Эдна, глянув на меня (будто слышала мысли) — Нечего ему сотрясать! А впредь урок будет — нечего языком трепать! Где-нибудь в приличном

обществе его за такое уже бы вызвали на дуэль.

— Кстати, Керл...а как это вообще выглядит? — с неподдельным интересом спросил я — Ну...как ты видишь? Проницаешь, то есть?

— Вот зачем было стул портить? — Керл кряхтя поднялся с пола, потирая затылок — Она маг воздуха, проклятая девка! Взяла, да и подрубила ножку! А мне теперь новый стул покупать?! Ну чего такого я сказал?! Мы с тобой вообще в детстве голыми в пруду купались, забыла? И ты меня не стеснялась! А теперь видишь ли я про родинку сказал! И еще — вруша такая! Я ее голой не видел! Видел! И не раз, и не два! Болтушка!

Эдна покраснела, и сердито оборвала парня:

— Вообще-то это было десять лет назад! Когда мы с тобой пару раз убежали из-под присмотра, когда наша семья была у вас в гостях! И мы вообще не понимали, что такое нагота, и почему нельзя бегать голышом! А ты перед сторонним человеком рассказываешь так, что можно понять, будто мы с тобой были любовниками. Ну как тебе не стыдно?!

— Гы гы... Да я бы не отказался стать твоим любовником — гыгыкнул Керл — Я тебе уже это предлагал. Только ты же принца ищешь! Тебе императорская кровь нужна! Тебе простой провинциал не нужен! Эд, вот тебе — нужна принцесса? Ищешь себе девушку с кровью императорской семьи в жилах?

— Точно не ищу! — с чувством, совершенно правдиво ответил я — Никаких девушек с кровью императорской семьи в жилах, или где-нибудь еще.

— Вот видишь, подруга! — ухмыльнулся Керл — Человек знает свое место и довольствуется тем, что имеет! И не замахивается на несбыточное! А ты...

— А я сейчас уйду, если ты продолжишь позорить меня перед Эдом — сердитая, красная Эдна смотрела куда-то надо мной, в потолок, и я чувствовал всей кожей, как она разозлена — Новый человек, а ты ведешь себя...как...как...

— Все, хватит! — вмешался молчавший Серер — Вы вечно как

сойдетесь, так начинаете эти дразги. Ну что за удовольствие поддевать друг друга? Мне уже надоело вас слушать, думаю — Эду тоже. Давайте лучше выпьем за то, что мы здесь оказались. Согласитесь, это не худший выбор Создателя. Для магов всегда есть служба, всегда их уважают, и они никогда не будут голодать. Вот за это и выпьем.

Выпили, я утер рот от пены чистым полотенцем, которое лежало рядом, и не удержался, спросил:

— А ты какой аспект используешь, Сегер? Эдна — воздушница, Керл — прОник, а ты кто?

— Я... — Сегер вытянул руку, и...на среднем пальце у него вдруг заплесал, загорелся шарик огня. Красный шарик, едва светящийся. Сегер поморщился, и шарик исчез.

— Устал, что ли... — немного виновато констатировал он — Аспект огня у меня. Только хиленький, совсем небольшой. Но надеюсь, здесь этот дар разовью. Вот только зачем он мне? Воевать я не хочу, так что боевым магом нет никакого желания становиться. Вон, Эдна — стихийница. Облака может пригнать...когда научится. Или ножку стула воздушными лезвием подрубить. А мне зачем огонь? Что с ним делать? Ладно, посмотрим. А ты, Эд, чем награжден? Какой у тебя Дар?

Молчу. Что сказать? Правду? А как они отреагируют на правду? С другой стороны — официально черная магия не запрещена, никто на костер меня не поволочет. Но есть в обществе эдакое...нехорошее отношение к черной магии. И это по большому счету понятно — вот ты идешь по улице, а сзади топает какой-нибудь черный маг, и тихонько напускает на тебя порчу. Примерно так представляют себе «работу» черного мага обычные люди. Попробуй, докажи им, что для того, чтобы выпустить в противника заряд негативной энергии тебе нужно очень сильно постараться. Что это НЕ ТАК, работает. И что черная магия — это вовсе не рассылание проклятий, хотя и это имеет место быть. Черная магия — работа с материей, она сродни аспекту земли. Вот только владеющий аспектом земли может преобразовывать материю, придавать ей какие-то новые свойства, а черная магия стремится привести материю к первоначальному состоянию, то есть — к хаосу. Она разрушает.

Откуда знаю? Да начитался, благо что книжек в поместье было более

чем достаточно. И первое, что я сделал, когда узнал о своих новых способностях — стал искать руководство по управлению черной магией. Само собой, ничего такого не нашел — не то место — но кое-что все равно узнал.

— Я черный маг... — говорю бесстрастно, с некоторым извращенным удовлетворением глядя на то, как меняются лица моих собеседников. Интересно, как они отреагируют? Выбегут из комнаты? Попросят меня уйти? Начнут читать молитвы и заклинания? Вот сейчас я и узнаю, как отреагирует основная масса студентов.

— Вот это да! — нарушает тягучую, вязкую тишину голос Эдны — Никогда не видела черного мага!

— Еще бы — хмыкает Сегер — Они настолько же редки, как красные алмазы. Только в отличие от них, черных магов никто не любит.

— Ну почему это? — Эдна ехидно улыбается — Девушки любят плохих парней!

— Это за что же?! — не выдерживает Керл — У них что...по колено?

— Фу! Керл! Как тебе не стыдно! — краснеет Эдна, зажав лицо руками и хихикая.

— Ну а чего? Вот я плохой парень, а ты меня не любишь! Это как? — сердито бурчит Керл, и в его прищуренных глазах мелькают смешинки — Значит, должна быть какая-то другая причина. Так почему не эта? Эд, ты...

— Нет! — перебиваю я его серьезно.

— Что — нет? — не понимающе смотрит на меня Керл.

— Не покажу! — так же серьезно продолжаю я.

— Ах-ха-ха! — хохочут парни.

— Хи хи хи... — выглядывая из-за ладоней включается в общий смех Эдна, поглядывая на меня из-за ладоней, прикрывающих лицо.

Ладно, результат неоднозначен, но...в общем-то тест можно сказать

удачный. Не все будут от меня шарахаться, как от ядовитой змеи.

— Керл, ты с годами становишься все пошлее и пошлее — отхихикавшись замечает Эдна — приличным девушкам рядом с тобой находиться невозможно!

— Это значит, что ты неприличная девушка? — парирует Керл, и ловит в воздухе кусок лепешки, брошенный ему в голову — И вообще, пусть я пошлый, зато рядом со мной интересно. Иначе бы ты не притащилась сюда, не правда ли?

— Просто некуда было пойти — вздыхает девушка, и похоже, что она говорит серьезно — Я тут никого не знаю, кроме тебя, да Сегера. Да вот еще теперь Эда. Эд, да не переживай, мы же не какие-то дикие сектанты из Лиги Чистоты, мы все понимаем! Ты не тайный убийца, который только и мечтает, чтобы всадить в кого-нибудь черное проклятие! Ты такой же студент, как и мы!

Я закашлялся, поперхнувшись пивом. Надо же было мне в этом самый момент хорошенько хлебнуть из своей кружки. Не в то горло видно попало.

— Это...можно я спрошу? — неуверенно начал Керл, и я недовольно на него покосился, уже зная, что тот может спросить — А КАК определили, что ты черный маг?

Мда. И что сказать? Опять правду? Хмм...а почему бы и нет? Нет, не всю правду, ровно столько, сколько достаточно для создания правильного настроения. Например — пусть разойдутся слухи, нужные мне слухи. Меньше будут приставать, доставать и все такое.

— Конюх меня оскорбил. Назвал ублюдком, плохо говорил о моей покойной маме. Я пожелал, чтобы у него отгнили яйца.

— Кхмм! — из носа Керла полезла пивная пена вместе с соплями (он как раз решил отхлебнуть из кружки), он закашлялся, и некоторое время трубно сморкался в платок, который достал из кармана. Затем глянул на меня слезящимися покрасневшими глазами, и хрипло, откашливаясь, сказал — Экхх...вот это да! Кхмм...да тебя трогать опасно! Это я хорошо с тобой познакомился! Рядом с тобой — все старшекурсники обделаются, только подумав нас обидеть! А то тут такие истории рассказывают о том,

как гоняют первачков, что...жутковато делается.

— Так что там с этим конюхом? — нетерпеливо переспросил Сегер — Отвалились?

— Да, правда, что потом? — Эдна прикусила нижнюю губу, и получилось у нее это очень даже сексуально. Да, похоже что я вступил в возраст, когда все, что ни сделает симпатичная девчонка, выглядит для меня в высшей степени сексуальным и соблазнительным. Даже если она рядом со мной испортит воздух.

— Отвалились — пожал я плечами — Стал евнухом.

— Теперь его возьмут в Императорский гарем! — ухмыльнулся Керл, и Сегер осуждающе помотал головой:

— Никогда и ни при каких обстоятельствах не касайся Императора и его семьи! Это чревато большими неприятностями, парень! Твой язык когда-нибудь создаст тебе огромные проблемы, запомни это.

— Да ладно тебе... — слегка натужно улыбнулся Керл — А что оскорбительного сказал? Всем известно, что в гаремах властителей служат евнухи. И на страже стоят, и прислуживают, и работу по дому делают. Вот одним больше и стало. Да демон с ним...давайте еще нальем? Хорошая компания, интересные разговоры, пиво и закуска — что может быть лучше?

И он разлил по кружкам слегка потеплевшее содержимое кувшина. Мы выпили. Дальше разговор пошел уже на более безобидную тему. Например — когда начнутся занятия, как это будет выглядеть, чему будут учить, ну и так далее — нормальные вопросы, ответ на которые знает каждый студент заведения, проучившийся в нем хотя бы месяц. Я читал о порядках в Академии, но мало ли что написано в книге? Может что-то уже изменилось. И как оказалось — все так, как и было описано. Этот порядок, похоже на то, соблюдается уже сотни лет неизменно. Академия даже гордится своими традициями, мол, нет ничего неизменнее, чем Академия и ее порядки. Глупо, наверное...все течет, все изменяется. Даже язык стал другим, не таким, как к примеру пятьсот лет назад. Так зачем гордиться тем, что ты застыл в своем развитии? Нет у меня ответа. Да и не особо интересно его знать.

Глава 5

Сколько нас тут? Хмм...не так уж и много. Новеньких где-то... полусотня, ну и столько же на каждый курс. Вообще-то я думал, что курсантов в Академии гораздо больше. Огромная страна, и каждый год выпускается всего полсотни магов? Стоп! Есть же еще Академия для простолюдинов, там должно быть гораздо больше. Ну чисто по соотношению — простых людей больше чем аристократов, в разы. Интересно, а сколько выпускается там? Не знаю. Пытался найти информацию на этот счет, так и не нашел. Вроде как засекретили эти сведения. Государственная тайна!

Флаги хлопают на ветру, курсанты начищены, как серебряные ложки, сияют на солнце своими значками! Значки серебряные, только цифра меняется в зависимости от перехода на следующую ступень. Зачем это делается — не знаю. Кому вне Академии интересно, на каком ты курсе? Выпускники получают золотые значки. Насколько знаю, в Академии простолюдинов значки медные.

Стоим, поедаем глазами Ректора, мужика худого, длинного, как копье латника третьего ряда, и седого, как горные вершины. Ему уже много лет, но похоже что время никак не хочет его прибрать к рукам. Маги вообще очень живучие существа, я читал об этом еще до того, как сам стал волшебником. Регенерация у магов повышенная, лет они живут как минимум за две сотни. Конечно же, зависит от организма, а еще — от силы магии, которую может вмещать этот самый организм. Чем ни сильнее маг, тем дольше он живет, и тем труднее его убить. Если верить книгам, которые я читал, некоторые маги жили разорванные пополам и даже отращивали себе утраченные органы и конечности. Но мне кажется, это все больше легенды. Тресни мага по башке так, чтобы мозги в разные стороны — вот и нет у него регенерации. И его самого нет.

Кстати, об этом мне говорил и Наставник — мага надо убивать в голову, тогда он не сможет восстановиться. Отрезать башку, раздолбать ее на куски, и попробуй потом, поколдуй без головы!

Что-то меня потянуло на такие вот черные размышления. Депрессия

накатила. Жарко, не хочется вот так стоять, и слушать всякую хрень, которую несет Ректор. «...вы избраны...бла-бла-бла...вы обязаны блюсти...бла-бла-бла...великая честь служить Империи и Императору...бла-бла-бла...»

Тьфу! Вот чего я всегда не любил, это тупого пафоса, не относящегося к делу. Зачем мне втирать про мою святую обязанность служить кому-то там? Просто скажите, что таков закон — учись, а потом отработывай, иначе тебя казнят. Ну и все! Нечего тут мозги заглаживать пафосной ерундой. Главное сейчас не разозлиться, и не пожелать оратору гангрены языка. Начать свое ученичество с нападения на Ректора — это было бы круто, но не очень логично.

Мда...вот как судьба меня развернула. Десять с лишним лет я думал о том, как бы мне сбежать, да так сбежать, чтобы не смогли найти. Но ни малейшей возможности этого сделать мне не дали. Тем более что — а кому нужен мелкий мальчишка, не имеющий за душой ничего, кроме своего тощего организма? Ну вот что я бы делал, вырвись на свободу?

Знаю, что делал бы тогда. Воровал, грабил, убивал. А что я еще умею? Кто возьмет меня на работу, такого...хрен знает кого? Нет... прежде надо было вырасти, подучиться тому, чему меня учили, а уж потом...

Так я и сделал, хотя не раз, и не два пожалел о своем решении. Иногда было так тошно, что хотелось перерезать себе глотку. Особенно, когда меня заставили убивать заключенных.

Ну...наконец-то закончил свою речугу! Пусть он может и хороший человек, но нудный — до охренения. Перед тобой стоят две с половиной сотни молодых парней и девок, которым плевать на твой пафос с высокой башни! Так зачем ты тратишь время, стоишь на солнцепеке, сотрясаешь воздух? Не лучше ли распустить всех по кабинетам — прохладным, охлаждаемым артефактами, пахнущим свежей краской и садовыми цветами!

В кабинет мы попали только через час. После ректора выступили заведующие кафедрами, преподаватели, и все втирали нам в уши — какие мы обязанные должники всем на свете и Императору в частности. Аж затошнило. Эту лабуду мне талдычили больше десяти лет при каждом удобном случае. Видимо не догадываясь, что чем дольше они

ЭТО говорят, тем большее отвращение я испытываю к подобным речам. И не только я, но и большинство, а скорее всего и все молодые люди на свете. За наличие исключений не ручаюсь — мало ли идиотов на свете?

— Итак, знакомимся! — сообщил нам мужчина лет сорока, одетый в темный мундир с серебряной вышивкой по воротнику и рукавам. На груди мужчины золотой значок преподавателя — с его именем и фамилией.

— Я ваш куратор, буду вести вашу группу до самого выпуска. Мое имя Альдор Диссамбль, я преподаватель основ магии. На первом курсе вы получите знания по всем аспектам магии, начиная с аспекта воды, и заканчивая аспектом воздуха. Но самое главное — я отвечаю за ваш уровень подготовки, за вашу дисциплину, за то, чтобы вас перевели на следующий курс, и чтобы вы не погибли во время расширения ваших каналов и емкостей магии. Задавайте вопросы, если они у вас есть.

Взгляд серых глаз мужчины прошелся по рядам столов и остановился на Керле, который поднял руку со сжатыми в кулак пальцами, требуя слова.

— Вы, молодой человек, спрашиваете. Сразу предупреждаю — пока я вас не запомнил, вы поднимаетесь, называете имя и фамилию. И вот еще что: здесь нет бедных и богатых Кланов. Здесь все равны. Все вы студенты, или курсанты, или учащиеся — как хотите называйте. В магии тот выше по статусу, кто сильнее, чьи емкости для наполнения магией больше, чьи каналы для получения и отдачи магической силы — шире.

— Господин Диссамбль! Курсант Оссар! Керл Оссар! Господин преподаватель, скажите...а чему вы будете учить черного мага?

— Черного мага?! — брови Диссамбля поползли вверх — Среди вас есть черный маг?! Невероятно!

— Почему невероятно? — не отставал Керл — Ну маг, ну черный...чего такого?

— Черный маг — большая редкость, юноша! — преподаватель покровительственно усмехнулся — Никто не знает, почему тот, или иной аспект достается конкретному субъекту. Иногда два аспекта. Очень, очень редко — три! Но чтобы все сразу...это фантастика!

— Как это — все сразу? — искренне удивился Керл, продолжая есть глазами преподавателя — Причем тут аспекты?

— Я попробую вам объяснить — задумался Диссамбль — Как-нибудь попроще, чтобы вы поняли...ну...представьте черный цвет. Он поглощает все цвета. Если положить черную краску на краску любого цвета — опять же будет только черный. То есть в нем содержатся все возможные цвета. Аналогия грубая, можно даже сказать на уровне...хмм...ребенка. Но вы и есть дети, и я пытаюсь вам рассказать, показать на пальцах. В общем — в черной магии есть все возможные аспекты. И в идеале черный маг может владеть любым аспектом, который существует в мире. Сразу скажу — это теория! За всю мою жизнь я не встречал ни одного черного мага! Они такая редкость, что можно прожить долгую-предолгую жизнь, и не встретить ни одного из них. Понимаете?

— А может черные маги скрывают свои умения? Ну...боятся? Такое ведь может быть? — не унимался Керл.

— Может — кивнул учитель — Вполне может быть. Но чтобы скрыть свою магию надо быть большим умельцем, а ведь магия проявляется в раннем возрасте, в вашем возрасте, курсанты. И как вы можете скрыть свою магию, которая распирает вас, которая требует выхода? Запомните — вас сюда присылают не только, и не столько для того, чтобы вы обрели умение мага. Общество ограждается от вас для того, чтобы вы не нанесли ему катастрофического вреда. Потому и уничтожают «диких» магов, которые вошли в силу, но не прошли подготовку в Академии.

Диссамбль задумался, потом встряхнул головой, будто отгоняя какие-то неприятные, лезущие в голову мысли, и вспомнив что-то, снова заговорил:

— Так, мы ушли в сторону! Юноша, а вы почему задали вопрос о черных магах? Повторюсь: здесь что, имеется черный маг?

— Эээ...mmm... — Керл не смотрел на меня, демонстративно не смотрел, но я чувствовал, что он сейчас расколется. И потому взял дело в свои руки.

— Я черный маг, господин учитель — встаю из-за стола, смотрю в глаза Диссамблю, поднявшему брови высоко-высоко — Курсант Эдвин Ольгард, из Клана Ольгардов.

— Ольгард? Ольгард, Ольгард...где-то слышал я об этом Клане. Не могу вспомнить...что-то связанное с дедом, или даже прадедом нынешнего Императора. Вроде как ваш Клан некогда был у трона, а потом впал в немилость.

А мужик-то силен! Ишь, чего помнит! Это ведь было сотню лет назад, не меньше — мама мне рассказывала. И сколько же ему лет? Он говорит так, будто жил в те времена.

— Хмм...интересно! Надо будет покопаться в библиотеке. Ольгарды, Ольгарды...но да ладно! — спохватывается Диссамбль — Не о том речь! Черная магия! И как же она у вас проявилась?

— Всего один раз — смурнею, леденею лицом я — Пожелал человеку плохого, он и заболел. А люди видели, донесли. Вот и...попался!

— Видите! — торжествующие тычет в меня рукой преподаватель — Попался! Потому что не знал, как скрыть свои способности! Случайно попался! А сколько таких черных магов не попались? Сколько их бродит по миру? Никто не знает! Ха! Попался! Очень хорошо, что попался! Теперь мы изучим вас, курсант, вдоль и поперек. Будем смотреть за вами, наблюдать, как вы работаете с магией. Это обогатит наши знания о магии! Поздравляю! Вам предстоит двигать науку магии вперед!

Я клал на магию, и на науку о ней. Клад на все аспекты, и на черную магию конкретно. Я бы много заплатил, чтобы никто не знал о моих способностях, таких редких, и таких ценных для Академии, и в частности для господина Диссамбля. И на него тоже клал, на великого ученого. Последнее, чего я хотел — это становится подопытным существом, на котором мечтают оттоптаться ученые всей Империи. Я же не дурак, зачем это мне?

Другой вопрос — а куда я денусь? Вот я в Академии, и вдруг не желаю выполнять то, что от меня требуют. Например — не желаю, чтобы меня превратили в подопытного. И что, меня кто-то послушает? Да черта с два! Ну а раз изнасилование неизбежно, надо извлечь из этого какое-то благо. Пусть и не оргазм. Предоставлю свой организм для исследований только после того, как обдумаю — что мне за это потребовать. Ну, например — свободный доступ в химическую лабораторию для занятий зельеварением. Опять же — можно попросить разрешения на работу с артефактами, для того, чтобы сбывать их и

зарабатывать деньги. Кстати, почему бы не спросить об этом сейчас?

— Господин учитель! — вывожу я из задумчивости стоящего передо мной преподавателя — Можно вопрос?

— Задавай, Эдвин — благожелательно улыбается Диссамбль, и я вижу как губы его шевелятся. Он что-то такое тихо говорит. И это «что-то» мне не нравится, ведь я умею читать по губам. *«Черный маг, ну надо же! Эх, разрезать бы твой мозг, и посмотреть — какого размера лобная доля, и вообще — как ты устроен!»*

Да охренеть, что такое он несет?! Разрезать, гаденыш, задумал! Я тебе разрежу, я тебе яйца...стоп! СТОП!

Ох ты ж...отпустило. Чуть этого препода не сделал евнухом. Кстати, меня уже стало доставать это мое вечное сползание мысли в зону ниже пояса! Ну ладно девушки — не думать о них я не могу, но почему я проклинаю только лишь одно, конкретно мужское место? Или это просто желание ударить в самое больное и ценное у мужчины? Ну...вроде как уничтожаю конкурентов. Подсознательно, не думая.

— Господин учитель, объясните — что такое проклятье? Что значит — напустить порчу?

Диссамбль удивленно поднял брови, пожал плечами:

— Неужели это не ясно?

— Нет, не ясно. Вот маг аспекта огня — он выпускает огнешар, и человек сгорает. Понятно. Маг аспекта воздуха — бьет воздушным кулаком. Человек всмятку. Ну и так далее. Что делает черный маг?

— Хмм...теоретически...судя по некоторым научным трудам...черный маг может и то, и другое, и третье. А вот что касается порчи...черный маг выпускает что-то вроде объединенной, свитой воедино энергии всех аспектов. Вот почему то, что он пускает, видится как некий черный сгусток — опять же, это сведения из трактатов по магии. Сам я такого не видел. Как этот сгусток воздействует на организм — есть несколько версий. Первая версия — происходит перегрузка организма, неспособного принять магию. Например — простого человека, которому магия недоступна. Или мага, владеющего одним, или двумя аспектами

— другие аспекты он принять не может, и они пагубно воздействуют на организм...хмм...жертвы.

— А вторая версия? — вывел я из задумчивости преподавателя, вставшего столбом и глядящего в пространство над головами студентов.

— А? Вторая? — вышел он из задумчивости — Ах, вторая...вторая — это то, что мы ничего не знаем, что это пятый аспект, и беда в том, что мы не можем его изучить, у нас нет черного мага, чтобы... Ох! Теперь есть! Теперь изучим!

Он радостно улыбнулся, и неожиданно мне подмигнул. При этом его лицо сделалось озорным и предвкушающим, как у мальчишки, который подобрал с земли булыжник и крадется к обидчику, чтобы засветить тому в затылок. И мне снова стало тошно, так тошно, что на самом деле слегка затошнило. Вивисекторы проклятые! Эдак они и правда до моего мозга доберутся!

— То есть вы не знаете — подытоживаю я.

— Вот и узнаем! Вместе с тобой! — радостно отвечает преподаватель — Покопаемся в тебе! Науку двинем вперед!

И опять у меня похолодело в животе. Я вам покопаюсь, черти вы тухлые! Я вас тут так прорежу — преподавать некому будет! И пусть попробуют доказать, что это я сделал. Чего-чего, а замечать следы преступления меня научили в совершенстве.

На этом первая моя «вивисекция» закончилась. Преподаватель перешел к знакомству с другими студентами, а я сидел и размышлял: с какой стати Керл вылез со своими откровениями? Что это вообще было?

В ближайший перерыв между уроками я задал ему этот вопрос. Керл покусал губу, почесал за ухом (Кто его воспитывал? Тоже мне... аристократ!), и смущенно ответил:

— Прости, Эд...уж очень хотелось чем-нибудь поразить этого напыщенного индюка! Мы ему дети, мы ему то, се...а сам никогда черного мага не видел! Пусть знает, что мы тоже кое-что можем!

Ответ так себе, но от Керла можно ожидать чего-нибудь подобного. За то время, что я его знаю, пообщался с ним довольно-таки неплохо, и

составил себе представление о нем. Парнишка умный, но...иногда такой дурааак! Ради шалости, ради хохмы может сотворить такое, что все вокруг будут только за голову хвататься. И вот такому беспокойному шустряку достался жар проника. Это же просто издевательство над миром! Ощущение, что Создатель бросил ему Дар с тем расчетом, что Керл будет делать жизнь окружающих ярче и скандальнее. Кстати, он тут единственный проники, насколько я знаю. По крайней мере он так сказал. Так вот увидев Керла большинство девиц сворачивали в сторону, прячась за углом, или же проходя мимо краснели до самой макушки. И это понятно — знать, что ты идешь мимо нахально улыбающегося парня практически голый — совсем нет никакого удовольствия. Если ты, конечно, не испытываешь наслаждение, демонстрируя себя обнаженную всем желающим посмотреть. Притом, что Керл вроде случайно, но достаточно громко вздыхал, присвистывал, или втягивал воздух сквозь зубы, когда субъект пробегал мимо него, громко цокая по каменному полу форменными туфлями-лодочками. И я не удивлюсь, если скоро они будут пробегать мимо Керла повизгивая от страха и закрывая руками некоторые места своего организма. Что впрочем совершенно бесполезно делать. Он может видеть *насквозь*.

Меня заинтересовала эта редкая магическая способность, и я решил узнать у Керла — а ЗАЧЕМ? Ну, вот умеет он смотреть сквозь одежду, видеть людей голыми. Но на кой черт эта способность по жизни? Каково приложение такой вот...хмм...штуки? Керл посмеялся, потом сделался серьезным:

— Эд, уверен, ты ничего не читал о прониках. Ты что, думаешь — мы только женские груди разглядываем? И все остальное? Ну да...приятное занятие! А знаешь, какие попки я видел?! Ооо...и все, что к попкам прилагается! Есть такие красотки....ммм... Хе хе хе... Это внешнее, Эд. Ты видимо не знаешь, что лучшие на свете лекари — проники. Ну, представь — тебе нужно увидеть больной орган в теле человека, и ты... Понял, да? Вижу по лицу — понял. Еще — военное дело. Сильный проники может видеть сквозь стену. Может видеть в темноте — в полной темноте! Может прочитать документ, не открывая ящика, в котором тот спрятан. То есть — это хорошо для шпиона. Но главное, все-таки, это лечение. Так что я буду хорошим лекарем — если как следует разовью свой Дар. А я разовью! Когда у меня ЭТО началось, я мог видеть только туманные очертания тела, если сильно напрягусь. Потом у меня голова болела. Теперь голова не болит, а я могу рассмотреть даже прыщик на

попе девчонки! Могу видеть кружева на ее трусиках! Вот! Пока что я не могу заглядывать под кожу, вглубь тела — плоть слишком хорошая преграда взгляду, нужен более сильный уровень дара. Но я подниму его!

Да, это было здорово, после здорового размышления решил я. И не потому, что можно разглядывать попки. Смысл какой в разглядывании попок, если ты не можешь тут же приступить к делу. Только досада и бесполезное возбуждение, которое снять потом будет не так уж и просто. Подружки-то нет! А без подружки...не заниматься же самоудовлетворением? Нет, я бы хотел иметь Дар проника, для шпиона и тихого убийцы он очень полезен, вот только...лучше бы у меня проявился Дар разрушать дома и создавать землетрясения. Чтобы не одна сука и близко не могла ко мне подойти! Чтобы боялись! Чтобы соскочить с крючка!

Ладно, еще не вечер...мне всего пятнадцать лет, так что...у меня все впереди. Я вас всех переживу, твари! Если только выживу...

В мою комнату подселили парнишку, и слава богу — вполне приличного. Тихий парень из провинции, назвался Гором Хадаром. Небольшой, худенький, бледный, будто недокормленный, он говорил негромко, был очень вежлив и воспитан. Всегда наглаженный, чистый, аккуратный — даже до неприличия. Негоже мальчишке пятнадцати лет быть таким аккуратным и воспитанным. Вот Керл, хотя и перебирает с шалостями — вполне нормальный пятнадцатилетний мальчуган. А этот — как взрослый мужчина, рассудительный и мудрый.

Я первое время настороженно к нему присматривался — а вдруг в нем и правда сидит взрослый человек? Ну...мало ли как оно бывает. Поговорил с ним, задал кое-какие вопросы, и понял — нет, обычный парень. Только вот воспитанный. Говорит — отец у него строгий, привил любовь к порядку. И мать такая же. Все у них разложено по полочкам, все на своих местах, нигде ни соринки. Вот и он такой получился.

Вообще, мне он понравился. Я так-то никогда не отличался особой аккуратностью — если только это не создание снадобий, где любая неаккуратность может стоить тебе жизни. Носок брошу на пол, другой на стул, штаны шваркну в угол и так далее. Наставник ругался, мол — ты такой аккуратный, когда работаешь в лаборатории, а тут — свинья свиньей! То же самое я делал и у себя в комнате, пока не появился «сожитель». Я было и при нем стал так себя вести, но когда несколько

раз подряд обнаружил свои штаны аккуратно висящими на спинке стула, а ботинки ровно выстроенными у кровати — волей-неволей стал стараться соответствовать моему соседу. А то ведь как-то неудобно, получалось — он за мной прибирает. И что характерно — Гор мне и слова не сказал. Просто показал, как оно должно быть.

Парнишка был воздушником, и уже довольно-таки сильным. Он как-то продемонстрировал мне работу с небольшим облаком. На моих глазах оно меняло направление движения, а потом вдруг пролилось редким, но вполне ощутимым дождем. Я даже позавидовал — уж очень впечатляюще это все выглядело. Хотел бы я иметь мирную профессию воздушника. Делать хорошую погоду, разгонять тучи, заливающие посевы непрекращающимся ливнем, или наоборот — пригонять облака, чтобы поля не выгорели под палящим солнцем. Что может быть лучше? Убийство мне претит, я не хочу лишать жизни людей! Да и не только людей — любых живых существ. Да, я не плачу над куском жареного мяса, но пусть быка убьет кто-нибудь другой. Да, вот такой я противоречивый...с руками по локоть в крови.

Увы, мои способности мага никак себя не проявляют. Диссамбль говорил о том, что якобы я могу обладать ВСЕМИ способностями, какие есть у моих соратников-магов, но пока что максимум, что могу — это зажечь свечу и наслать порчу на противника. Да и порчу могу наслать только тогда, когда приду в совершеннейшую ярость. То есть на пике возбуждения своих эмоций. Потому мой Дар практически бесполезен.

В общем — учиться, учиться, и учиться...надеюсь — что-нибудь все равно у меня получится.

Глава 6

Вергу бесило все. Тупые парни, которые на нее пялились, тупые девки, которые выглядели одетыми в людскую одежду телками, Академия, в которой она совершенно не хотела находиться. Она рыдала, когда ее отправляли в Академию! Зачем ей эта дурацкая учеба, если она и так самая красивая в их провинции, и одна из самых красивых девушек столицы!

Верга любила разглядывать себя в зеркале, и не только одетой... Точеные линии бедер...высокая грудь с розовыми сосками... плоский живот с тонкой-претонкой талией...и лицо, прекрасное, как с картинки! Она великолепна. Она выше всяких похвал! И вот эту красоту загоняют в проклятую Академию на целых пять лет! Ооо...ууу...ааа!

А этот нищеврод? Этот наглец, тупой ублюдок, который на нее пялился так, будто хотел сожрать! Верга заметила, как он глядел на нее в столовой, и само собой, возмутилась: как он смеет ТАК на нее смотреть?! Как на шлюху какую-то! Разглядывает, видишь ли, мечта-ает!

Верга знала об отношениях мужчин и женщин все, что нужно знать девушке, вошедшей в брачный возраст. Ее просветили во всех подробностях — как и положено в воспитании дворянской девушки, которая должна вести домашнее хозяйство и как следует ублажать мужа, своего господина и повелителя. И да, втайне она мечтала о том, как станет хозяйкой какого-нибудь крупного поместья и станет там править, своей волей карая и награждая многочисленную челядь и рабов.

Да, ей придется рожать — но такова ее работа, ее жизнь. Она еще не была с мужчиной — детские поцелуйчики со сверстниками не в счет. По-настоящему не была с мужчиной. Замуж нужно выходить девственницей — мать вдалбливала ей эту истину с тех самых пор, как Верга стала что-то понимать, и каждый раз, когда им приходилось встречаться с мужчинами где-нибудь в гостях, на балу.

И вот какой-то никчемный мальчишка смеет смотреть на нее так, будто она ему принадлежит, и стоит свистнуть — тут же выпрыгнет из

платья и трусиков! Нет, тут надо сразу ставить себя на правильное место. На высшее место! Потому что большинство здешних студентов и ногтя ее не стоят!

Хорошо хоть родители оплатили ей одноместную комнату. Она бы не перенесла соседства с какой-нибудь идиоткой.

Верга сама не знала, почему пошла отмечать знакомство в компании бывших ее приятелей. Скучно было, наверное потому и пошла. А что делать в Академии, когда занятия еще не начались, студентов почти нет, а в город выход ей закрыт? Ибо приличные девушки по улицам города без сопровождения мужчин не ходят. Или без компании таких же как она девушек.

Как и предполагалось, Верга не выдержала соседства с этим мерзавцем и сбежала, напоследок рассказав все, что она думает об этом помоечном мальчишке. Да и не хотелось ей сидеть и слушать плоские шуточки Керла, и рассказы о том, как он купался голышом с этой малолетней шлюхой. И неважно, что тогда они были совсем мелкими детишками. Неприлично! Мерзко! И возбуждает...

Она не была душой. Потому бросившись на широкую, будто сделанную для молодоженов кровать у себя в комнате, стала размышлять, анализируя свое поведение. Почему этот парень ее так бесит? Почему ей хочется вцепиться в его рожу ногтями, и драть, драть ее, чтобы потекла кровь, чтобы он умылся слезами! И почему он так ее возбуждает...

Идеал. Его внешность — это идеал того парня, о котором они мечтала. Она видела в снах это лицо, эти припухлые губы, эти серые глаза, эту улыбку, похожую на улыбку кота! И вот она его встретила. Своего Императора Грез. И что? Он оказался нищим, убогим, неспособным даже пошить себе форму из приличного материала! Нищим, тупым ублюдком, который не умеет общаться с девушкой из приличной семьи! Хамом, который ногтя ее не стоит!

Теперь она и ненавидела его, и любила. И больше всего ей хотелось, чтобы он исчез из ее жизни и оставил в покое. А ко всему прочему он еще оказался черным магом! Да, да — тем самым черным магом, о которых ходят легенды, о встрече с которыми мечтают не то что курсанты — преподаватели! При ней Диссамбль сказал, что займется

Ольгардом персонально. Что весь преподавательский состав будет счастлив с ним пообщаться! И вот как это так?! Какой-то нищий мальчишка из захиревшего рода — и такие привилегии, за что?

Занятая своими мыслями, взбесившаяся окончательно после того, как сама себя распалила (скоро ЭТИ дни, и перед ними Верга была невероятно раздражительна), девушка неслась по коридору со скоростью беговой лошади, и как следовало ожидать — оставить ее смогло только препятствие.

— Ой! — девушка отбросило назад, и она бы упала, если бы ее не подхватила сильная рука.

— Ох! Крепкая у тебя голова, прекрасная девушка! Чуть дыхания меня не лишила! — на Вергу сверху смотрело красивое, гладкое лицо парня лет двадцати, а перед глазами блестел значок курсанта пятого курса Академии.

— Прости — Верга тихонько выдохнула, не сводя взгляда с мужественного, прекрасного лица парня, с его чувственных, сочных губ, с его белоснежных зубов, между которыми мелькнул острый розовый кончик языка, как-то особенно сладострастно облизнувший полные губы. Верга вдруг почувствовала тяжесть внизу живота и поняла, что вот-вот с ней случится...бежать надо! «Праздники» пришли! В комнату, бежать! Скорее!

Но не могла сойти с места, будто приклеенная к полу.

— Ты первокурсница, да? — улыбнулся парень — Мое имя Шогас Ляверн, из Клана Лявернов — слышала о таком?

Верга медленно кивнула. Кто же не слышал о Лявернах? Старший из них был министром торговли Империи, и поговаривали, что он обладает огромной властью, и огромным капиталом. Богаче его только сам Император.

— Хочешь в нашу компанию? — снова широко улыбнулся Шогас — Посидим, поболтаем...выпьем!

Он указал на трех парней, которые стояли чуть поодаль и тоже улыбались, и ожидающе посмотрел в лицо Верги. И снова она

почувствовала волнение, и...возбуждение. Ей ужасно хотелось пойти с этим парнем! Тем более что...это была бы хорошая партия. Все равно как выйти замуж за принца.

— Мне надо забежать в свою комнату! — пролепетала Верга, чувствуя страх от того, что парень может просто развернуться и уйти. Она никогда еще не видела такого красивого мужчину!

— Хорошо! — глаза Шогаса будто мерцали, и Верга не могла оторвать от них взгляда — Приходи...вечером, к восьми часам. Пообщаемся. Тебе же интересно — как тут все устроено. Я имею в виду в Академии. Новичкам ведь все интересно, правда?

— Правда... — кивнула Верга, и глаза ее затуманились.

— Иди! — прервал ее мечты Шогас — Комната один. Восемь часов. Только обязательно, не заставляй себя ждать!

Верга бежала в свою комнату так, будто за ней гнались демоны. Скорее, скорее!

Успела, прежде чем организм успел ее предать.

Часы до вечернего свидания она провела как в тумане — на лекциях сидела будто в полусне, практически не слыша того, что говорил преподаватель. И потом — в столовой, и после нее — ходила сама не своя. Будто после болезни. Ну а потом она надела свое любимое платье и пошла в комнату номер один.

Если бы Шогас был в комнате не один — она бы скорее всего ушла. Но никого, кроме хозяина комнаты не было. Стол ломился от всяческих яств (то-то она не видела Шогаса в столовой), и стояла высокая, красивая бутылка синего стекла, которая стоит так дорого, как если бы она была сделана из настоящего хрусталя. Впрочем, возможно что так оно и было — из хрусталя. При таком богатстве — почему бы и нет?

— Давай выпьем за знакомство! — Шогас разлил по бокалам золотистое вино, поболтал им, взяв бокал за тонкую ножку, и с наслаждением принялся — Драгоценное, столетнее! Из подвалов папенькиного дома! Представляешь, такого вина больше ни у кого нет. Виноградник, из плодов которого делается это вино, разбит на склоне

горы Маджори, а гора эта когда-то была вулканом. Виноград очень сладкий, такой сладкий, что челюсти слипаются от сладости. Вот из него и делают вино — всего несколько бочек, и только для нужд нашего Клана. Мы не продаем это вино! Выпей, и почувствуй сладость поцелуя, и терпкость любви! Нашей любви!

Верга как завороченная взяла бокал в руки, поднесла его к губам и медленно втянула содержимое бокала в себя. Вино и на самом деле было густым, терпким, но совсем не сладким. И даже слегка горчило. Впрочем, она не особо разбиралась в вине, максимум, что ей позволяли — разведенное столовое вино, да и то — если были где-то в гостях и опасались пить простую воду. Давно замечено — если в воду добавить вино, то шанс заболеть желудочными заболеваниями гораздо меньше. Мама Верги хорошо разбиралась в снадобьях.

Шогас рассказывал ей об Академии, шутил, смеялся, Верга вторила ему своим смехом, звучащим, как колокольчик. Потом он что-то спросил, вроде как в какой комнате она живет. Верга ответила. Потом он спросил, была ли она с мужчиной. И на этот вопрос Верга ответила, даже не удивившись — с какой стати он задает такие интимные вопросы. У нее даже мысли не возникло, чтобы осадить наглеца. Ей было хорошо и уютно в этом кресле, парень, что сидел напротив нее ей нравился, и наверное она была в него влюблена. Да, влюблена — и чем дальше, тем больше. Так что Верга просто не могла не ответить на его вопросы — на любые. Например — целовалась ли она с мальчиками. Трогает ли себя там, где трогать ради развлечения нельзя (мама не велит!). Ну и...всякое такое.

Верга будто засыпала. Через некоторое время голос собеседника слышался как сквозь вату, а еще позже — глаза девушки закрылись и она заснула...или впала в беспамятство.

Шогас встал с кресла, подошел к девушке, взял за руку и поднял ее на уровень лица. Отпустил. Рука повисла в воздухе. Он снова ухмыльнулся, и уже ничего не боясь, ухватил девушку за талию (она весила не очень много, хотя и не отличалась худобой), и поставил ее на колени в кресло, задом к себе. Руки девушки поместил на подлокотник, голову вперед. Полюбовался делом своих рук, хихикнул, и подойдя к двери открыл ее, и негромко сказал:

— Давайте, быстрее!

Трое парней, тех, что были с ним в столовой вошли в комнату, и с ухмылками стали разглядывать стоящую на коленях девушку. Секунд десять молчали, любясь открывшейся картиной, потом кузен Шогаса, Мадран Горк, довольно сказал:

— Красота! Умеешь ты убеждать! Дар, есть Дар! Даже мне не по себе, когда ты на меня ТАК глядишь! Силен, брат!

— Как бы проблем не было... — вмешался самый осторожный из парней, высокий худой парень, которого звали Хендрик Ройс — Посмотри, девчонка ухоженная, домашняя. Скандал может быть! Потом проблем не оберемся. После того раза еще не отошли. Мой папаша так орал, так орал...спасибо мамочке, отбила. Мол, дело молодое, девки ему на шею вешаются — так чего теряться? Вотженится, тогда, да. А пока пускай развлекается мальчик! Для здоровья полезно!

— Крутая у тебя мамахен — улыбнулся Шогс — Даже завидую. Моя как раз наоборот — разоралась. А папаша ее и остановил. Мол, девчонка жива? Жива! Ничего ей не повредили. А то, что сама пришла и отдалась парням, а потом передумала и решила денег с них собрать — так это ее проблемы. Но хватит время терять, у нас его не так много. Действие снадобья ослабнет через три часа. К утру и следа не останется от колдовства.

— Умеешь ты колдовать! Девка так смотрела на тебя так, что я едва не расхохотался! У нее совершенно мозги съехали! Так сучкам и надо... только и умеют, что ноги раздвигать! Тупые суки... — кивнул третий парень, низкий, кряжистый, с толстыми надбровными дугами, делающими его похожим на обезьяну. Он отличался огромной силой, и был очень, очень быстр. Шогас ценил его за то, что тот всегда признавал его, Шогаса первенство, а еще — исполнял кое-какие щекотливые поручения. Кого-нибудь тихонько избить, подкараулив в городе, и что-то вроде телохранителя. Мало ли что может быть...подкараулит отец или брат изнасилованной первокурсницы, и превратит рожу в старый сапог. Тогда ни одна девка на него точно не клюнет. Имя парня Сассель Хорг.

— Люблю первокурсниц! — выдохнул Мадран — От них еще молочком матери пахнет! Ах, какие сладкие...какие нежные попки! Какие упруги груди!

— Хватит причитать — хохотнул Шогас — Раз так тебя понесло,

разрешаю освободить эту девушку от оков одежды! Но только запомни — право первым войти в эту красотку у меня. Не оспариваешь мое право? Или оспариваешь?

Голос его был холодным, как лед, и в нем явно прослушивались нотки угрозы. Первый наследник Лявернов обладал огромной властью — ему достаточно лишь сказал своему отцу, и по мановению пальца того недруги сына понесут заслуженную кару. И Шогас был невероятно мстителен. Как и его отец.

— Никто не оспаривает твое право! — голос Мадрана дрогнул — Тем более что ты все и придумал. Ты — первый!

Мадран шагнул к девушке, застывшей в той позе, в которую поставили, и погладил ее зад. Девушка не шевельнулась — снадобье, которое использовал Шогас, позволяло лепить из тела жертвы все, что хотелось насильнику. Хоть узлом завязать. Главное — когда это делаешь, воздействовать на объект малой толикой магии, и когда сделал нужную позу — прекратить поток энергии. Тогда даже силой нескольких мужчин нельзя будет изменить положение тела — только если не сломать суставы и порвать мышцы и связки. В среде «золотой молодежи» это снадобье называлось «стоячка», и было запрещено к использованию не только в Академии, но и вообще во всей Империи — слишком часто с ним были связаны скандалы на сексуальной почве. У него был еще один побочный эффект, ради которого, собственно, несмотря на все запреты, за снадобье платили довольно-таки большие деньги: жертва изнасилования совершенно не помнила происшедшего. Вообще. О том, что с ней сделали можно было догадаться только по физическим последствиям — боль, и...беременность. Но последнего насильники старались избежать, насчет первого...тут уже труднодоказуемо. Мало ли что у кого болит! Может она сама себе порвала!

Марда поднял подол до пояса девушки, и...

— Тьфу! Да у нее же...месячные! Противно! Она нечиста!

— Проклятая девка!

— Ну и чего такого? — хмыкнул Шогас — Зато не залетит, можно без снадобья. Так даже интереснее. А если брезгуешь — есть и другие способы. Раздевай ее совсем! Ох, хороша! Хороший улов! Молоденькая!

Молочком пахнет! Ммм...

Шогас принялся, наклонившись к спине девушки, лизнул ее между лопаток:

— Сладкая! А груди какие твердые! Ну что, не будем терять времени! Парни, поосторожнее, постарайтесь не повредить эту сучку. Проблемы нам ни к чему...

Проснувшись, Верга долго не могла понять, где находится. Смотрела в потолок, пыталась собрать мысли в один твердый кулак, но они расплзались, исчезали, как черви в земле после дождя. Наконец, она вспомнила: свидание! Она была на свидании! И сейчас...лежит в постели!

Внутри екнуло, похолодело...неужели?! Откинула одеяло...она лежит в одних трусиках! И они уже совсем не первой свежести...постель испачкала. С ужасом оглянулась по сторонам, и...о Создатель, она дома! Не в постели Шогаса, а дома, в своей комнате! На стуле висит аккуратно сложенное платье, лежат чулки, стоят туфли. Значит, она пришла, сама разделась, повесила одежду и легла в постель? Но что было до того? Что было на свидании?

Но прежде — в душ. За окном темно, видимо ночь. Похоже, что посидев вечер с парнем, ушла и легла спать.

Верга подошла к зеркалу — большому, дорогому, его привезли и поставили по ее заказу. Она любила рассматривать себя в зеркале, убеждаясь в очередной раз, насколько совершенно ее тело. Встала, повертелась, поворачиваясь то передом, до задом, и вдруг...откуда у нее синяк на груди? Прямо возле розового соска?! Как будто...кто-то ее поцеловал?! И на шее! На шее тоже! Небольшой синяк, но его раньше не было!

Девушка охнула, стала смотреть внимательнее, и...синяки на бедрах! Точно, синяки, будто кто-то крепко их сжимал! А потом пришла боль. Болело внутри, и это была не та боль, которая бывает раз в месяц. Потому что болело и сзади...

А еще — губы припухли будто от поцелуев. И в уголке рта болячка, как если бы рот раздвигали как можно шире. И язык шершавый, будто долго грызла кедровые орехи.

Верга бросилась в душ, сдернула с себя трусики и стала лихорадочно отмываться, с замиранием в сердце не решаясь, боясь совершить последний шаг. Но наконец решилась, взяла с полочки зеркальце, раздвинула ноги, и...

Она рыдала, выла около получаса, сидя в пустой, холодной ванне. Не так Верга представляла свой Первый Раз. Ароматические свечи, полумрак, луны, свет которых проникает сквозь приоткрытые шелковые занавеси...шепот: «Я тебя люблю! Ты моя навсегда!» И сладость поцелуев, и томление внутри живота, и любовные судороги, сладость которых Верга знала — она иногда ласкала себя, когда думала о том, как именно встретит свой Идеал. Не так должно все было случиться, НЕ ТАК! Не на первом свидании с человеком, которого она совсем не знает! Не после бокала вина! И не так...грязно! Он ведь использовал ее как шлюху! Верга теперь это знала точно! Она совсем не была дурой, и знала все, что можно было знать об отношениях мужчин и женщин. Но никогда не думала, что ее, такую умную, такую продуманную, такую...такую...вот так просто и грязно поиметь!

И тут же похолодела еще больше — а вдруг беременность?! Да, во время месячных забеременеть трудно, она это знала. Но знала также, что такое случается. Ее об этом предупреждала мама, когда учила премудростям, которые должна знать каждая девушка, выходящая в свет. И что тогда будет?! Позор! Шлюха! Все будут показывать на нее пальцем! Нет, она поговорит с этим гадом Шогасом, и сегодня же!

Укрепившись духом Верга оделась, и едва дождавшись утра пошла в столовую с четким намерением спросить с Шогаса за происшедшее. Она еще не знала, что ему скажет, но что-то все равно должна сказать. Иначе это будет неправильно! А что именно скажет — это будет ясно по тому, как тот себя поведет.

С утра я просто зомби. Терпеть не могу вставать рано! Вот ночью чувствую себя замечательно, у меня просто-таки второе дыхание открывается. Наставник нарочно заставлял меня вставать раньше, чтобы

переломить такое мое...хмм...состояние духа. И не смог, сдался, махнул рукой. Вот и сейчас — тащусь в столовую едва волоча ноги. Тяжко мертвецу среди живых, живым и страстным притворяться! Кстати, как я читал про черных магов — они должны видеть мертвых, и даже поднимать мертвых. Вот бы научиться!

Пока шел — едва не запутался в хитросплетениях коридоров. Настроили тут...лабиринт, да и только! Завернул не туда, и вот тебе — тупик! Пришлось возвращаться назад, протирая слипающиеся глаза.

— Куда ты меня тащишь, мерзавец! Шогас, подлец! — вдруг услышал я знакомый голос, и на всякий случай завернув за угол, прижался к стене. Не хотелось мне ее видеть. Неприятна она мне, пусть и красавица.

— Вот что, сучка...тебе поимели, и тебе понравилось! Забыла, да? Сама просила, чтобы тебя имели во все дырки! И если ты начнешь болтать лишнего, и я, и мои друзья всем расскажем, как ты визжала, подставляя зад! Как ты просила в тебя войти! Как ты захлебывалась...

— Гад! Тварь! Мразь!

Звук пощечины, и тут же, через секунду еще один, и голос — вкрадчивый, нарочито-ласковый:

— Нравится? Я знаю, тебе нравится, когда с тобой поступают жестко! Так вот что, сучка...ты придешь ко мне еще пять раз, и отдашься мне и моим друзьям. И тогда мы забудем, оставим тебя в покое. А не сделаешь этого — мы всем расскажем, какая ты умелая шлюха. И как приятен твой крепкий пухлый задик. Как, кстати, он поживает? Побаливает, да? У Мардана большое хозяйство, не все шлюхи терпят! А ты ничего...

Рыдания, в которых слышится отчаяние и безнадега. Дикое, безудержное отчаяние.

— Как только месячные закончатся, так и придешь. Не люблю пачкаться! И захвати с собой что-нибудь от беременности. И смазку. Уж очень ты тугая сзади...хе хе хе... А теперь пошла вон отсюда, тупая провинциальная сука! Это тебе урок! Увидела красивого, богатого парня, и потекла?! Ну, вот и получи. Вас, сучек, учить нужно! Пошла, пошла, нечего на меня тарашиться! Или ты отсосать хочешь? Прямо здесь? Сейчас я тебе устрою это...

Рыдания, дробь каблучков, и...легкие шаги. Посвист — мотив известной скабрёзной песенки о дочери храмового священника, которая была недотрогой, но стоило ее изнасиловать трем наемникам, пустилась во все тяжкие. И теперь ей нужно самое меньшее двух мужчин сразу. Эту песенку я знал, она была популярна в тавернах, где обитали наемники, пираты и корабли (что впрочем частенько одно и то же).

Я перевел дух. Меня никто не заметил, это место посещали редко, так что... Услышанное меня не то чтобы потрясло...было противно. Мажоры — они везде мажоры. Во всех мирах и пространствах. Я и не такое видал.

И что делать? Да, девка говнистая, можно сказать тоже мажорка, но... разве можно так поступать с девушками? Ей всего пятнадцать лет! А если она покончит с собой? Кстати, может на то и расчет? Повесилась, или вскрыла себе вены — и все, концы в воду. Ну какие же мрази! Кипит мой разум...

А кто я? Я — судья и палач в одном лице, так мне некогда сказал Наставник. Так что я должен сделать? Да, с меня взяли слово, что я никого не убью без особой необходимости. Например — защищаясь.

Надо крепко, крепко обдумать все! Сколько времени у женщин уходит на...это самое? Три дня? Неделя? Да, примерно неделя. Значит, неделя у меня есть. За это время надо разузнать, что за парень, где живет, куда ходит и все такое. И обдумать, что делать.

Глава 7

— Это Артефакт Расширения Сознания — голосом лектора, каким он собственно и являлся, заявил Диссамбль — Или проще — АРС. Или «Соковыжималка», как его зовут студенты испокон веков. В чем суть этого артефакта: он расширяет каналы, по которым втекает и истекает магическая энергия, и делает объемистее резервуары для хранения этой самой энергии. Кстати, курсант Ольгард, судя по дошедшей до нас информации, изготовлением АРС занимались черные маги. Ибо в артефакте заключены все аспекты магии, которые только существуют в мире. Изготовлено десять артефактов — пять стоят в Академии простолюдинов. Увы, один АРС по неизвестным причинам перестал работать примерно двести лет назад. Вот он, тот, что в углу (все повернулись туда, куда указывал преподаватель).

— Господин преподаватель! — тут же выскочил с вопросом Керл — А почему сейчас так мало черных магов? Почему нельзя восстановить артефакт?

— Хмм... — лицо Диссамбля сделалось хмурым, губы сжались в тонкую полоску. Но он все-таки ответил — Вам нужно будет почитать Историю Магии, курсант Оссаг. И тогда вы узнаете, что не всегда магия использовалась так свободно, как сейчас. В нашей истории был позорный факт, что во времена правления династии Циндаль магия считалась чем-то позорным, печатью Нечистого, и магов некоторым образом ограничивали в правах, а при малейшем сопротивлении убивали на месте. Если могли, конечно. Доходило до того, что родители, дети которых в период перестройки организма для взрослой жизни проявляли признаки владения магии, убивали этих детей, дабы не навлечь на себя и свою семью всевозможных несчастий. Так, в конце концов, магов на нашем континенте почти извели в ноль. И только когда династия Циндаль была свергнута нынешней правящей династией Гардасан — да живут они до конца времен! — мы, маги, стали уважаемыми членами общества, и каждый ребенок, который проявляет магические способности считается благословением семьи, и тут же попадает под опеку государства. И в результате наша Империя живет и процветает, на зависть нашим врагам, которые вечно норовят отхватить

от Благословенной кусок политой потом наших крестьян земли. Но мы успешно даем им отпор, в том числе и благодаря тому, что у нас имеются и боевые маги, и лекари-маги, которые успешно поднимают на ноги раненых, которые в других условиях давно бы ушли за Черту.

— А черные, черные маги? Вы про черных не сказали! — не унимался Керл.

— Черных магов убивали сразу же, как только узнавали об их существовании — сухо пояснил преподаватель — В обществе сложилось превратное отношение к данному виду магов. Считалось, что они только и делают, что измышляют способы навредить людям. Что даже прикосновение такого мага нечисто, и после него надо идти в храм и отмаливать свои грехи. Увы, отголоски этих глупых верований дошли даже до нашего времени. В простом народе, темном и необразованном, так и клубятся эти грязные заблуждения, и неизвестно, сколько времени должно пройти, чтобы наконец-то исчезло предубеждение перед черными магами. Да что народ — даже у аристократов, всесторонне образованных, умных и развитых людей, существует предубеждение перед представителями «пятого аспекта», как иногда называют «черных» в среде магов. Впрочем, тут тоже понятно — тому, кому дано больше других, тому, кого Создатель озарил своей милостью, ограничив ее для других людей — обязательно будут завидовать те, кому этой милости не хватило. Такова человеческая натура, и с этим ничего не поделать. Есть одаренные, а есть — не очень, и с этим мы должны смириться.

Все посмотрели на меня, а я сделал непроницаемо-независимый вид. Ну а что я должен сказать? Ну да, черный маг! И что?! Я не просил этого! Более того, я НЕ ХОТЕЛ этого! Для меня вообще все эта чертовщина, магия-шмагия совершенно чужда! Я человек до мозга костей прагматичный, и никогда не верил во всякую такую чушь — колдунов, ведьм и магическую латату. И вот, будто мне в отместку за неверие — на тебе! Получи!

Заметил — Верга никак не отреагировала ни на лекцию Диссамбля, ни на то, что сейчас сказал преподаватель. Стоит вся такая бледная, глаза как блюдца, ничего вокруг себя не замечает. Нехорошо выглядит, честно скажу. Вот таких в гроб и кладут. Надо будет за ней последить, как бы чего с собой не сделала.

— Итак, АРС. Как им пользоваться — продолжил Диссамбль после небольшой паузы — Вы просто ложитесь на артефакт, мы его запускаем, и...вы чувствуете, как вас распирает энергия. Полежали десять минут — и побежали дальше, приплясывая и завывая.

— Почему завывая? — встрял неугомонный Керл.

— Узнаете, курсант Оссаг — ухмыльнулся Диссамбль — Вот вы и будете первым, кто ляжет на артефакт.

— Чо сразу Оссаг?! — возмутился Керл — Уж и спросить нельзя! Чуть что — Оссаг, Оссаг! Пусть лучше...вон, Верга! Она еще не проснулась, вот и разбудит ее! Кстати, мастер, а это не опасно? Ну...лежать на этой лежанке?

— Как вы изящно выразились...на «лежанке» лежать опасно. Да, да, опасно! Бывает такое, что и умирают! Лопнет в мозгу сосудик, и все, конец курсанту. Или может выжечь дотла. Полопаются невидимые каналы, проводящие магию, и все, ты обычный человек. Никакой магии.

— Я пойду первой! Я! — встрепенулась Верга, и глаза ее буквально загорелись лихорадочным, больным огнем — А каков шанс стать простой смертной? Или...умереть? Часто такое бывает?

— Бывает... — преподаватель серьезно, испытующее посмотрел в глаза девушки — Один на тысячу, так примерно. Иногда реже, иногда чаще. В основном все проходят испытание без вреда для здоровья. Мы ведь не идиоты, напряжение магического поля поднимаем медленно, смотрим за состоянием испытуемого. Не даем напряжение большее, чем он может выдержать.

— А как вы это определяете? — глаза Верги блеснули, а щеки уже не были бледными, наоборот, покраснели, девушка была невероятно возбуждена — Ну...как вы определяете, что...хватит? Что большего не выдержит?

— На АРС работают два служителя, которые по ауре определяют состояние пациента. Как только видят признаки перенасыщения энергией — тут же отключают артефакт, или снижают напряжение.

Диссамбль продолжал внимательно смотреть в лицо студентки, и на

его высоком лбу собрались глубокие морщины. Он о чем-то напряженно думал. Додумал, и отвел взгляд от Верги, продолжавшей кусать губы и облизовать их красным язычком.

Да, тут все ясно. Девчонке хочется прямо сейчас сорваться из Академии и покинуть ее навсегда. И я ее понимаю. Эти твари не отстанут, точно. Просто зуб даю — не отстанут! Шогус обещал, что пять раз онаходит к ним и развлечет? Да чушь собачья. Где пять, там и десять. Превратят ее в подстилку, готовую сделать все, что захотят эти твари. А потом еще и станут приглашать желающих развлечься с бесплатной шлюхой. Если она, конечно, не покончит с собой после всех этих «развлечений». Уверен, так и будет. И кстати — Верга, как мне кажется, это все прекрасно понимает. Она совсем не дура, хоть в мозгах у нее имеется большущая куча дерьма.

Интересно, а почему я вдруг решил, что мне надо принять участие в судьбе этой девки? Ведь она меня в грош не ставит! Считает куском говна! Врожденное чувство справедливости? Ну...есть такое. Терпеть не могу, когда обижают слабых. Несправедливости не терплю.

Ненависть к наглým мажорам? И это есть. Хотя мажоры всякие бывают — есть те, кто живут, и не гадают на окружающих. Просто им повезло родиться с золотой ложкой во рту, так что поделаешь? Живи, и радуйся жизни. И жалею тех, кому не повезло. Я сам-то можно сказать мажор — все-таки из аристократического рода, хотя и захиревшего. Мой Клан всегда был при дворе, мать прислуживала самому Императору. Я ни дня в своей этой жизни не голодал. Ну...не считая того случая, когда меня выбросили выживать на улицы города. Но и там — к вечеру я уже был с деньгами. Срезал пару кошельков у раззяв-купцов. Так что все оставшееся время (две недели), я жил вполне себе хорошо. Даже лучше, чем в поместье Наставника. Ни тебе тренировок, ни изнуряющих ночных кроссов с последующими спаррингами. Отпуск, вот как можно назвать этот период.

А еще...навверное я все-таки боюсь себе признаться, что...нравится мне эта маленькая дрянь! Красивая, чертовка. И когда ее пытаются вывалить в грязи — для меня это все равно, как если бы розу окунали в выгребную яму. Так нельзя! Нельзя так поступать с красотой!

И последнее...может это гордыня? Может, я хочу таким образом самоутвердиться, приподнять себя в своих же глазах? Показать себе, что

я самостоятельный, что сам могу решать, кого карать, а кого миловать? Но скорее всего это не так. Не могу же я себе признаться в том, что у меня имеется комплекс неполноценности! Фу!

Но...все это чушь. Я бунтую! Это бунт! Мне сказано ни во что не влезать, никого не трогать — а я трону. И пусть попробуют меня поймать, если такие умные. И даже если поймают — ну что вы мне сделаете? Убьете? После того, как вложили в меня столько сил и средств? Сволочи...вы еще меня припомните, гады!

И все-таки первыми засунули именно Вергу и Керла. Ну и еще двух ребят из нашей группы. Остальные вышли и наблюдали за происходящим через глазок-окошко во входной двери.

Впрочем, наблюдать особо было и не за чем — как я вскорости и убедился. Что такое артефакт? Каменная глыба, судя по всему, выточенная из куска базальта. Серая такая глыба длиной метра два с лишним, шириной и высотой около метра — точно не знаю размеров. Я почему-то думал, что студентов перед сеансом будут раздевать — ну чтобы контакт с АРС был лучше. Но ничего подобного, все в одежде, никаких голых задниц и торчащих сисек. Легли, и лежат себе, смотрят в потолок. Вот только ремни, которыми их притянули к ложу, кажутся чужеродными. С ними обычная глыба превращается то ли в ложе для пыток, то ли в алтарь для жертвоприношения. Но факт, есть факт — руки и ноги притянули к камню, голову в обруч, и тоже закрепили. И вокруг пояса петля. То-то я думаю — зачем в камень вделаны эдакие металлические проушины? Вот в них и продевают ремни. Картинка получается довольно-таки...хмм...устрашающая. Не сбежишь ведь, черт подери! Диссамбль объяснил, что привязывают для нашего же блага — чтобы не дергались и не повредились. Не повредились, видишь ли! У меня даже мурашки по коже забегали в предвкушении...

А дальше все было еще хуже. Те, кого привязали на артефакты, вначале лежали спокойно, потом начали тихонько повизгивать, постанывать (Я даже вначале подумал — может кончают? А почему бы и нет? Ну...мало ли какое действие? Хе хе...), а затем начали вопить в голос и требовать, чтобы их отвязали. Все, кроме Верги. Она лежала почти спокойно, только иногда подергиваясь в судорогах, когда ее особенно крепко доставало. Только губы кусала, да глаза закатывала.

— Я не хочу туда! — всхлипнула одна из девчонок, мелкая

шмокодявка, густо усыпанная веснушками — Я боюсь!

Девчонку звали Герса Сиверс, и она тоже была с Севера, Керл ее знал. Говорил — она глупенькая, но хорошая, не стервозная. И фигурка у нее ничего, аппетитная. Насчет фигурки — ему виднее, это он целыми днями девичьи задницы разглядывает, а насчет глупости...ну...не знаю. Девушка, как девушка — чуть что, в слезы, но это такое их бабское дело. Оружие, так сказать. Поплакала, и победила. Но только не в этом случае.

— А в могилу хотите, Сиверс? — жестко и холодно спросил Диссамбль, который стоял рядом и время от времени поглядывал в окошко-глазок — Не будете исполнять правила Академии — вас отчислят. А если отчислят — вам не жить, ибо необразованные маги отправляются за Черту. Потому не нойте, а терпите!

И тут же смягчился, сбавил тон до мягкого, утешающего:

— Да нет ничего страшного! В первый раз трудно, а потом — как по смазке пойдет! Это как первый раз с женщиной — вначале ужасно больно, а потом...только и думают о сексе. Ох...простите, забылся.

В группе захихикали, а девушки, коих было ровно половина, или чуть меньше, в большинстве своем зарделись. Ну да, препод перегнул палку. Это все-таки не старшие курсы, студенты которых видали все и вся, эти детишки только-только вырвались из-под родительской опеки, и если и думали о сексе, то лишь ночью, вспоминая места из любимых книжек о любви и осторожно трогая себя...там где не положено. Домашние цветы, вот кто эти дети! Вырвали из горшков, и бросили на грядки — живите, и радуйтесь жизни такой.

— Да, приношу свои извинения...но...вы поняли, о чем я. Повторюсь — в первый раз сложно и болезненно, а потом привыкаете. Не больше, чем как если бы ногу отсидели — такие ощущения.

И тут же, видя как отстегивают первую партию мучеников, с улыбкой добавил:

— Вот видите! Никто не умер, и даже никто не обмочился!

— А что, и такое бывает? — спросил парень рядом со мной, высокий, с почти белыми волосами ребенка — Неужто?!

— А вот попробуйте, курсант Денель, тогда и узнаете — ухмыльнулся Диссамбль — Хорошо, если не обделаетесь. Кстати, лучше всем заранее сходить в туалет. Потом артефакт отмыть — нет никакого удовольствия. Сами будете мыть, если что...

Тут же с места сорвались несколько девчонок и трое парней, и сопровождаемые насмешливо-сочувственными взглядами, понеслись в сторону заветных дверей. Я тоже — подумал, подумал...и пошел следом. И правда, что-то как-то...лучше заранее сходить. Так-то наплевать, что обо мне подумают, но...вдруг такое случится? А тут девчонки, да и среди парней авторитет не хочется уронить. Его, этот самый авторитет, еще и не поднявши на должную высоту.

Меня вызвали под самый конец занятия — к моему совершеннейшему неудовольствию. Я ведь рассчитывал отстреляться, и пойти немного передохнуть перед обедом — как другие курсанты, к примеру. А вот ни черта! Даже сам вызывался, но препод только отмахнулся, мол, успеешь, потом! Я и ждал. Даже когда осталось всего два человека, я и худосочный парнишка с вечно плаксивым лицом (Юсар Одган, из столицы), вначале пропустили его, а потом уже взялись за меня. При этом Диссамбль довольно потирал руки, заводя меня в лабораторное помещение.

— Ну что, друг мой...вот вы и попались! Черный маг! Да это счастье, что я удостоился лицезреть такую редкость! Сейчас мы попробуем, попробуем!

От его радостного воркования у меня в животе холодело все больше. И я порадовался, что заранее сходил в сортир. В противоположном случае я бы уже сейчас наложил в штаны от страха. Даже не страха — иррационального, сидящего глубоко в мозгу — Ужаса. И нефиг мне рассказывать о первой брачной ночи и все такое. Знаю, как после «соковыжималки» становятся овощами. А некоторых просто разрывает, как переспелый арбуз, брошенный в стену. Ведь не зря здесь все стены заключены в керамическую плитку, а на полу дырки для стока грязной воды. Это пусть он студентам втирает о том, что сюда смывают дерьмо, вытекшее из трусливых студентов. Я-то знаю, что в эти дырки смывают самих студентов. Вернее — вытекшие из них мозги.

Поверхность артефакта холодная и твердая — камень же. Было бы неплохо, если бы на него хоть матрасик положили, раз плотный контакт с

телом не обязателен. И чаю с лимоном дали. С детства люблю чай с лимоном...

Меня привязали, и я остался лежать глядя в потолок и раздумывая о том, каким карам я бы подвергнул Диссамбля, с его идиотической жизнерадостностью и полным отсутствием моральных устоев. Проводить эксперименты на детях — это что, нормально?! Да, по законам империи четырнадцатилетний подросток — это уже совершеннолетний подданный, который может все и вся. Но черт подери, они же не думают, что в таком возрасте человек соображает так же, как и взрослый? Это же дети!

Впрочем, это для меня дети, а для них...совсем не дети. Знаю точно — это официально те же девчонки выходят замуж с 14 лет, а на самом деле полно случаев, когда выдают и в 11, и даже в 10 лет. Сговорились родители — и понеслось! Мужу двадцать пять, жене — десять. Ну ни хрена же себе! Вот тебе обычаи, вот тебе дикость. Хорошо, если муж хотя бы пару лет подождет, прежде чем заняться с ней сексом. Иначе все плохо. Здешняя религия не предполагает особой свободы воли у женщин, и свободу для совсем молодых юношей. Все они должны строго исполнять приказы старших — родителей, дедов, даже старших братьев. И браки по любви среди аристократии — это не обыденность, это как сорвать большой куш в игре. В основном здесь выходят замуж по расчету, расчету, произведенному родителями или опекунами.

Ну что сказать...ощущение, когда тебя подвергают воздействию «соковыжималкой»...я не знаю, с чем это сравнить. Зуд, будто тебя кусают миллионы комаров, потом начинает гореть кожа, и это похоже на то, как тебя натрут самым острым из перцев. А вот когда дело доходит до костей...это уже серьезно. Больно! Нет, вот так: БОЛЬНО!

Зубная боль, вот что приходит в голову. Только тут болят не только зубы, а все тело, все кости — даже самые маленькие. И я теперь понимаю, что Диссамбль серьезно говорил о тех студентах, которые делали под себя, впервые попробовав это «удовольствие». Пытка. Это все-таки пытка! И я не верю тому, что ПОТОМ я буду воспринимать происходящее так, будто всего лишь отсидел ногу. Хорошо хоть «соковыжималка» только раз в неделю — по пятницам. Если бы каждый день — эдак точно сдохнешь.

Сколько это все длилось — не помню. В конце концов я похоже что

потерял сознание, просто-вульгарно вырубился, позорно не выдержав испытания. Очнулся от резкого запаха аммиака — сунули мне тряпку под нос, чтобы очухался. Веселые такие, довольные! Козлы душные... Вон, как радуются. Чтоб у них чирьи на жопах выскочили...

Стоп! Не надо! Не надо чирьев! Точно меня обвинят!

Ффуххх...успел затормозить. Проклятье готово было выскочить, ощущение — как при поносе. Ты не хочешь, но...главное, успеть штаны снять и присесть.

— Молодец! Силен! — радовался один из служителей при артефактах — Я говорил Дисссамблю — не надо, не выдержит! Тройная нагрузка! А он — это черный маг, надо проверить его устойчивость! Он и больше выдержит! Я уж думал, тебе конец, а ты тройную выдержал, и вроде как в пике нагрузки даже больше было!

— Пять! Пятикратная нагрузка! — торжествующе вскричал Диссамбль, выбегая откуда-то из боковой двери — Я же говорил! У черных магов повышенная регенерация, и они выносят нагрузку на свои каналы гораздо большую, чем другие маги! А все потому, что в них слились все аспекты, которые есть в природе! И это открытие! Это тянет на хорошенький такой трактат! В научном обществе обделаются от ярости, когда подтвердятся мои предположения. Сам Создатель прислал тебя ко мне, парень! Мы с тобой перевернем науку!

Я смотрел, и мне хотелось плюнуть в доброе, холеное, высоколобое лицо препода. А потом ударить, да так, чтобы сломать ему нос. Но я об этом ничего не сказал. Тут не слова нужны, тут хорошо бы использовать кастет...

Кормят тут хорошо. Пирог, рагу, всевозможные макаронные изделия, овощи — обед очень обильный, и ты можешь брать столько, сколько захочешь. Никто не ограничивает в количестве съеденного. Магия отнимает много энергии, и ее нужно восполнять. То-то же среди магов практически нет толстяков — жир просто не держится в теле, сжигаемый хранимой в нем магией. Да и вообще среди аристократии быть толстыми — суть оскорбление и унижение достоинства, ибо только простолюдины ходят толстожопыми, ибо они не занимаются

единоборствами, не следят за своим телом, а еще — у них недостаточно денег на магов-лекарей, которые даже из уроды могут сделать настоящего красавца. Или красавицу. За большие деньги, само собой разумеется, и не все, а только архимаги. Но так-то для высших кланов удовольствие стать красивым вполне доступно и ничего в этом такого сложного нет.

Я дождался, когда в столовую придет Шогас со компанией, и только потом пошел к раздаче, чувствуя, как живот мой протестующе бурчит, жалуясь на непредвиденную задержку. Руки тряслись после «соковыжималки», и меня слегка подташнивало — все, как и требовалось для дела.

Набрал на поднос — горой. И немудрено, что ослабевшие после нагрузки руки не выдержали, и вся эта гора вкусной еды взяла, да и вывалилась на голову сидящему в центре зала Шогасу. Совершенно случайно! Кто мог подумать, что так случится?!

Бам! Дзынь! Бабах!

С головы, с лица парня стекает тягучий соус, приправленный острым перцем. На ушах висит лапша, на плече, как эполет устроился здоровенный кусок отбивной свинины.

— Ой! Простите! — лепечу я, пытаюсь стряхнуть с парня лапшу и размазывая соус по его лицу — Я сейчас все сотру! Простите! Я после «соковыжималки» сам не свой! Руки не держат!

В зале воцарилась мертвенная тишина. Все прекрасно знали Шогаса, и знали, что сейчас последует. И в этой тишине раздался сдавленный смех нарушителя (меня!):

— Ха ха ха...простите, курсант! Ой, не могу сдержаться! Вы такой смешной — как генерал с эполетом! Только зачем-то размазавший по лицу дерьмо! (соус-то коричневый). Простите, я готов компенсировать вам чистку костюма, если у вас неостанет на это денег...я так неловок! Я смою, смою!

— Тварь! — Шогас медленно встал, и с высоты своего роста (гаденыш выше меня на полголовы) посмотрел так, что было понятно — мне кранты.

— Тварь мерзкая! Грязь! Дуэль! Я вызываю тебя на дуэль! Как твоё имя, говно?

— Говно? Приятно познакомиться. Какое у вас интересное имя. Мое — Эдвин Ольгард. Дворянин. Вы легко меня найдёте. А пока что я пойду ещё чего-нибудь возьму, не хочу оставаться голодным. Ещё раз — извиняюсь за неловкость. Дуэль, так дуэль.

И я пошел к раздаче. Почему-то думал, что он начнет драку прямо здесь, но...забыл, что аристократы вообще-то так просто кулаками не машут. Не простолюдины в таверне. Им надо все обставить театральным образом, чтобы вокруг зрители, чтобы он в белой рубашке с кружевами, и пятнышки крови на ней — как медали. Крови противника, конечно. Свою кровь они проливать не любят.

Глава 8

«Ретроспектива»

— Не трогай ее! Пошел вон, гад!

— Что-о?! Ах ты ж мелкий поганец! Да как ты смеешь перечить старшему?!

— Не трогай маму, скотина!

Мужчина ухмыляется, и демонстративно бьет заплаканную женщину по лицу — с оттяжкой, больше толкая, чем хлеща ладонью. Она запрокидывается и падает, гулко ударяясь головой о столик. Валятся чайные чашки, сыплются ложки и тарелки, на которых лежат маленькие пирожные в розовой глазури.

— Ну и что ты мне сделаешь? — мужчина скрипуче хихикает, и толкает ногой бесчувственную женщину — Проклятая подстилка!

И тут же, мальчишке:

— Проклятый бастард! Зря император не приказал тебя удавить! А я предлагал! И кстати — еще не поздно!

Мальчишка стоит смирно, и серьезно смотрит в глаза мучителю. Лицо семилетнего мальчика бледно, пальцы сжаты в кулачки. Мужчине кажется, что малец напуган так, что едва не напустил в штаны. Он совершенно его не боится — ну что может сделать семилетка? Если только ботинки оплевать.

Отсмеявшись, визитер поворачивается к лежащей женщин и вероятно хочет сказать что-то эдакое, назидательное, что-то вроде: «И будешь кобениться — будет страдать твоя глупая голова!» — но не успевает. Мальчишка, уловив момент, подскакивает и со всего размаха носком ботинка бьет мужчину в пах. Подлый удар, и очень эффективный — противник складывается пополам, не в силах вздохнуть, да и просто увидеть что-либо перед собой. Перед глазами лишь красные круги, а

боль такова, что приниживает все тело, лишая его возможности двигаться.

А потом — вспышка, и темнота. Навсегда.

Тяжело дыша, мальчик опустил тяжелую каменную вазу, и та выскользнула у него из руки — покрытая кровью и кусочками плоти, та тяжело плюхнулась на покрытый ковром пол, а мальчик уселся в кресло, опустошенный, с трясущимися руками, весь забрызганный тягучей красной жидкостью. Из-под разбитой головы мужчины, одетого в богатую, расшитую золотом одежду, растекается темно-вишневая лужа, тут же впитываясь в короткий ворс драгоценного ковра, стоящего больше, чем крестьянин зарабатывает за всю свою жизнь.

Посидев, мальчик поднимается с кресла, идет к женщине. Щупает шею, кивает своим мыслям. Пробует переместить женщину на кожаный диван. Получается у него плохо, хотя мальчик для своих лет довольно-таки крупный и сильный. Дело в том, что мертвые и бесчувственные люди делаются гораздо более тяжелыми, чем те, кто находится в сознании. Мальчик это хорошо знал.

Женщина не отличалась массивностью, скорее наоборот — хрупкая, стройная, она казалась совсем невесомой, но...только с первого взгляда. Взгляда взрослого, сильного мужчины. Но не мальчика, которому только-только исполнилось семь лет.

Все-таки уложил, ощупал ее голову — ничего, будет жить. Ссадина (рассекла кожу при падении), шишка, припухлость на щеке — бывает и хуже. Заживет, даже если не займется лечением. Ссадину промыть вином — и все будет норма. Главное, чтобы не было заражения. Вино хоть и слабое, но кое-какой алкоголь в нем есть. Если нет других вариантов — промыть рану можно даже мочой — это знает любой боец.

Промыл вином, аккуратно промокнул салфеткой. Все, теперь ждать. Чего ждать? А когда обнаружат этого мерзавца, и «поганого бастарда» удавят.

«Ретроспектива»

— Что-о?! Как — убил?!

— Разбил ему голову каменной вазой.

— Да я не спрашиваю — как именно! Я спрашиваю — как это все могло быть?! Ему всего семь лет! И ты говоришь, что он убил взрослого человека?! Да он бы и до головы не дотянулся! Это бред!

— Мой господин...позвольте, я подробно изложу вам, как все случилось?

— Излагай! — мужчина с размаху плюхнулся в кресло так, что оно заскрипело. Слуга тут же налил в бокал синего стекла белого холодного вина, и господин отпил, морщась и поедая глазами собеседника так, будто хотел его ударить.

— Допрос бывшей наложницы, и допрос ее сына дал такой результат: господин Стард допустил некорректные высказывания в адрес бывшей благородной наложницы, и судя по словам допрашиваемых — ударил ее по лицу. Сын наложницы нанес ему удар в пах, а когда тот склонился от боли — разбил голову.

— Вот как... — господин задумчиво поболтал содержимым запотевшего бокала, посмотрел на просвет и быстрым движением поставил его на стол, едва не разбив — Мальчишка! Семи лет! Легко, как муху давит — убивает взрослого мужчину! Моего советника! Да вы никто! Вы бесполезный мусор! Не знаю, зачем я вас держу! Вот боец!

Вскочив, ходит по комнате, и через минуту ходьбы внезапно останавливается и задумчиво говорит:

— А что...это выход. Зачем зря пропадать такому таланту? Если он в семь лет умеет ТАК убивать, так что будет в двадцать? Вот что, Сорбан... вот что ты должен сделать.

— Вкусно! — улыбнулся сосед по комнате — А ты чего не пьешь?

— Тебе оставил. Я уже напился — хмыкаю я — Допивай, все равно за ночь прокиснет. За что заплатил — должно быть проглочено. Народная мудрость!

— Не слышал такой поговорки — усмехается Гор — Но по сути верно. Деньги на ветер бросать — это неправильно.

Он медленно, с наслаждением выцедил остатки компота из кружки, и я отставил кувшин в сторону. Я после обеда успел сходить на рынок и купил питья на вечер. А еще — пирожных, чтобы было чего запивать.

Мы еще посидели, обсудили наши успехи в «Соковыжималке». Гор пожаловался, что никаких последствий кроме боли так и не ощутил. Я его поддержал — у меня тоже никаких проявлений расширения каналов и увеличения емкости резервуара — только боль, только страх, только неприязнь к мучителям. Сошлись на том, что те, кто заведует этой гадостью скорее всего настоящие извращенцы, ибо кто сможет вот так, целыми днями наблюдать за мучениями людей.

Потом у Гора начали слипаться глаза, и мы улеглись спать, договорившись, что уберем за собой завтра. Все завтра! Утро вечера умнее, ведь так же? Гор посмеялся моей поговорке, и заплетающимся языком сказал, что я кладезь всяких забавных высказываний. И что мои слова надо записывать и объединить в одну книгу...хр-р-р...

Хорошее снадобье. Кстати — очень простое. Две травы, небольшой наговор — с амулетом, вот тебе и снотворное. Утром будет как свежий огурчик — бодрый, хрусткий, только без пупыров (ну...почти — без) и цветка в макушке. Ну а мне бодрствовать, до тех пор, пока миром не завладеет Час Демонов. Да, тот самый час, когда они вырываются из Ада и носятся над землей в поисках своей жертвы. В это время лучше сидеть дома и не высовывать носа на улицу.

Не знаю, как насчет демонов, но и в самом деле в это время обычному человеку лучше всего не ходить по улицам — точно нарвешься на неприятности. Или захватят, и в рабство продадут, или по башке дадут, а там уже что угодно — можно и в рабство, можно просто трахнуть, а потом башку разбить окончательно, а можно пустить голым по улицам и радостно гоготать вслед. Это уже у кого какая будет фантазия.

Академическая лаборатория, конечно, просто выше всяких похвал. Не чета той, в которой я работал под руководством Наставника. Но есть у нее и недостаток — ты привыкаешь к хорошему, и тебе уже труднее на обычной кухне соорудить нужное снадобье. Тут и спиртовки, и колбы, и

всякая химическая посуда. А на кухне у тебя только ступка для растирания ингредиентов, да кухонная посуда, которая может быть отмыта не так чисто, как это требуется для химического опыта. Попадет в состав кусочек жира, вот тебе и вместо бодрящего снадобья самое настоящее слабительное. Нет, так-то бодрить оно не перестанет, но сидеть бодрым и полным сил на горшке целый день до вечера, а может и до утра следующего дня — это не есть хорошо.

Трудно не уснуть, когда минуты тянутся так долго. А они, когда ждешь, становятся просто-таки тягучими, будто густая патока. Ждать и догонять — что может быть хуже? В конце концов я впал в состояние, напоминающее полудрему. Вроде все и понимаю, не сплю, но...сознание заторможено, и еще немного — проваляюсь в сон.

Но не провалился. Третий удар колокола, разнесшийся в темноте уснувшего города поднял не хуже чем если бы на меня вылили ведро ледяной воды. Все-таки в молодости есть свои, агроменнейшие преимущества. Вот вроде и не спал, а свеж и бодр, как...как...как пятнадцатилетний парнишка, для которого двадцать минут дремы все равно как для взрослого мужчины целая ночь сна.

Итак, веревки у меня готовы, так что остается только лишь закрепить конец одной из них за ножку кровати и выбросить наружу. Окна здесь на ночь не закрывали — всякую летающую кровососущую погань отпугивали специальные амулеты, стоящие совсем небольших денег (относительно небольших), и работающие целый год. Мы с Гором сложились и купили один такой — ну не кормить же своей сладкой кровью ночных москитов и здоровенных комаров, непонятно откуда взявшихся на территории Академии (из пруда лезут, что ли?). Вторую веревку закрепил на себе, обмотав ее вокруг пояса.

Теперь главное не наследить. Вряд ли в три часа ночи по коридорам будет шастать дежурный, но можно ожидать всего, чего угодно. Любые, самые продуманные планы могут сорваться из-за дурацкой случайности. Ну, например — наелся дежурный по этажу несвежей рыбы, и всю ночь бегают в сортир. Может такое быть? Запросто. Или просто выспался днем, и не захотел дремать ночью — бродит по коридорам. Или вообще у него вдруг приступ служебного рвения. Все может быть.

Но...дежурного не было, в коридоре тишина и порядок. Мир во тьме, мир спит. И только я крадусь по темным коридорам, надев носки, но

оставив в комнате ботинки. К темноте я привык, вижу вполне недурно, да тут и не споткнешься — каменные полы ровные, как стол, и никаких тебе кадок с пальмами, как в провинциальных трактирах.

До комнаты «мишени» добрался без приключений. Встал у двери, прислушался...вроде спит. И рядом никого. Кстати, этот отрезок коридора упирается в тупик, в нем и находится дверь в нужную мне комнату. Мажоры не любят, чтобы мимо их двери топотали чьи-то там ноги, эта комната находится в самом тихом уголке общежития.

Стучу в дверь — тихо, редко, потом настойчивее и настойчивее. Вот тут один из самых опасных моментов моей эпопеи. Если на стук появится дежурный — буду плести какую-нибудь чушь о том, как я пришел извиняться за инцидент. Откроет, нет? Стучать кулаком, и уж тем более пинать ногой нельзя.

— Кто? Чего надо? — хриплый голос из-за двери, и тут же щелкнул замок. Замки, кстати, в большинство своем препоганые. Я бы такой вскрыл отмычкой за считанные секунды. Не умеют они делать хорошие внутренние замки. Впрочем — как и висячие. Выглядят сложными, а на деле — полная ерунда. «Медвежатнику» вроде меня — никаких затруднений. Другое хуже, почему я и не стал заморачиваться насчет отмычек (их можно заказать, сделают — хотя и не задешево). У магов есть дурная привычка укреплять замки специальными заклятиями. Сунешься с отмычкой — и получишь заряд-молнию в тупую башку. Только дым из ушей пойдет. А оно мне надо?

— Господин...я пришел извиниться за инцидент! — голос делаю как можно более жалким, добавляю слезу и страдания — Я не спал всю ночь! Простите меня!

— Да ты рехнулся, дерьмо ты собачье! — собеседник мгновенно приходит в ярость, и я его понимаю — в четвертом часу ночи к тебе приходит жалкий придурок, и лепечет какую хрень! Нет, эту тварь надо показательно наказать! Но прежде — унижить, растоптать!

Дверь распахивается, передо мной стоит абсолютно голый Шогас. Нет, так-то я давно знаю, что у здешней аристократии принято спать голыми — что мужчины, что женщины, все едино. Жарко! Климат очень жаркий, потому любая тряпочка на теле может портить тебе сон. Опять же — странное поветрие среди высших: почему-то считается, что

одетыми спят только простолюдины и рабы. В основном — рабы. Вероятно считается, что они спят одетыми потому, что у них нет постельного белья. Замотался в свои тряпочки, и спишь. Аристократ же дает своему телу отдохнуть — у него альков с противокомарной сеткой, либо амулеты, отпугивающие насекомых — какие не могут себе позволить бедняки.

Меня, кстати, с самого детства мать приучала не только спать нагишом и не стесняться своего тела. Сама она — не при людях, конечно — ходила дома нагой не стесняясь ни меня, ни само собой — служанку и рабов. Впрочем, для аристократа прислуга и рабы вовсе не люди. Так, живые механизмы, роботы. Стоят денег, потому ломать их просто глупо, но и кто стесняется, к примеру, телевизора? Или микроволновки?

Да, мне, попавшему в тело мальчишки трех лет от роду, воспринимать все это было довольно-таки странновато. Особенно когда тебе уже за шестьдесят. Ходит передо мной фактически девчонка (мать родила «меня» в шестнадцать лет), сверкает задом, а я должен изображать из себя несмышлениша, совершенно ничего не знающего о жизни.

За эти годы я уже привык к своему новому существованию, и стал воспринимать это тело как свое, привык к порядкам, заведенным в этом мире, но...нет-нет, да и прорываются земные воспоминания, земные понятия о жизни, казалось бы, давным-давно похороненные на дне моей памяти.

Шогас схватил меня за шкурку и буквально забросил в комнату. Затем тщательно закрыл за мной дверь — на засов, на замок, и...я это заметил — активировал амулет, блокирующий запоры. Да, я мысленно похвалил себя за предусмотрительность — вот я был бы идиотом, если бы попытался войти с помощью отмычек! Мало того, что себя засветил, так еще и покалечился, и это как минимум. Некоторые амулеты-блокираторы отличаются очень уж категоричным злонравием. Например — могут отгореть пальцы рук. Вот так — бах! И вместо пальцев черные палочки. А чтобы восстановить утраченное придется заплатить огромные деньги магам-лекарям. Лечение таких повреждений стоит денег!

— Извинить тебя, говоришь? — Шогас довольно осклабился, и я с отвращением заметил, что этот типус возбудился. Похоже, что ему пофиг, кого иметь. Очень разносторонние у него понимаешь ли интересы.

— Сделаешь мне хорошо, так и быть — я может тебя и прощу — продолжил, ухмыляясь, хозяин комнаты — Только если мне не понравится, тогда не обессудь! Ты должен хорошо постараться!

Я молча кивнул, съежился, чем вызвал широкую улыбку Шогаса, шагнул к нему, и без замаха, молниеносно нанес удар в солнечное сплетение противника — один, другой!

Надо отдать ему должное — он даже успел чуть податься назад перед тем, как кулак пробил его мышечную броню, все-таки аристократов с детства учат единоборствам, и не только на холодном оружии, считая кулачные драки уделом простолюдинов. Как там про самураев? «Самурай без меча, это все равно как самурай с мечом, только без меча». Избитая истина, но она справедлива. Умеют черти, чего уж там...

Бил я очень быстро, настолько быстро, насколько мог, а что касается силы удара — так у меня это дело отработано за годы и годы тренировок. Я спокойно ломаю нетолстую доску. Конечно же не сорокамиллиметровую, но достаточно толстую. Особенно, если у меня на руках перчатки с металлическими бляшками на костяшках — вот как сейчас.

Эти старые перчатки видали виды, на них имелись несмываемые темные пятна — похоже, что ими поработали по-полной, и обошлись они мне всего в маленький серебряник. Видимо, были сняты с трупа. Но у меня нет ни малейшей брезгливости — отучили. И в первой жизни, и в этой. Труп, он и есть труп — не кусается и нож в спину не воткнет. А чего тогда его бояться? Кстати, перчатки для моего дела очень важны. Не хочу оставлять следов. О папиллярных узорах в этом мире не имеют ни малейшего представления, но хороший маг по оставленному пятну пота найдет злоумышленника не хуже, чем по капельке крови. Магия штука хорошая...если уметь.

Парень вырубился практически мгновенно, и очнется не раньше, чем минут через пятнадцать. Так что время у меня есть, хотя и немного. Первым делом достаю веревку, обмотанную вокруг пояса. На ее конце уже сделана петля. Петлю завожу на шею Шогаса, и...затягиваю изо всех сил. Он даже не дернулся, будучи без сознания. Жду, потом проверяю пульс — не слышно. Готов!

Ну что сказать...назад дороги нет. За такое не просто казнят, а как-нибудь особо прихотливо казнят. Тут есть очень «забавные» способы казни, которые давно не используют, но вполне могут применить к такому подонку, как я. Ведь родители Шогаса аристократы самого высшего уровня. Олигархи местного разлива.

Вообще, мне всегда было странно — почему это мажоры, и их родители считают, что они все бессмертны? Что никто не осмелится их тронуть? Неужели думают, что деньги и власть всегда уберегут от возмездия? Как сказал один из персонажей книги про гангстеров: «Человек может владеть миром, строить империи, но если найдется простой парень, который осмелится выстрелить ему в голову, тот умрет так же как и все остальные».

Вот пример — парень зарвался, обнаглел от безнаказанности, и как результат — наказан. Кто виноват в том, что он стал таким подонком? От плохой яблони не родятся хорошие яблоки. И наказания без вины не бывает — это я как старый опер говорю.

Ладно. Потом обдумаю все как следует. Время летит, как трамвай без тормозов с крутой горы. Только искры во все стороны!

Аккуратно обшариваю комнату, со всеми возможными предосторожностями. Нахожу драгоценности — на удивление много. Перстни, цепи, кулоны и всяческая такая лабуда. Парень любил покрасоваться. Еще — три кошелька, набитые деньгами. Никакой меди, только серебро и золото. Отсыпаю монет, из каждого понемногу — выходит солидная кучка. Все брать нельзя — такой мажор не мог не иметь денег. Скорее всего, это «карманные» деньги, которые выдали его родители перед поездкой в Академию. Часть он мог прокутить, но все — вряд ли, потому конфискация всех монет может вызвать подозрение. Драгоценности не беру — они скорее всего приметные. Не дай бог устроят обыск — тут мне и хана. Монеты я мог и сам добыть, на них не написано имя владельца, а вот кулоны и перстни...нет, я против глупого риска. Жадность еще никого не доводила до добра. Хватит мне. Все равно преизрядная вышла сумма — на первый взгляд не меньше десятка золотых и десятков крупных серебряников. Для богачей ничтожная сумма, для нищего школяра — целое богатство.

Но деньги не главное. Не за тем я делал обыск. Нашел! Вот оно. Рабочий дневник курсанта. У каждого из нас такой есть, очень похожий

на земные школьные дневники. Сюда записывают расписание, и сюда ставят замечание преподаватели.

Почерк у покойника хороший, круглый такой, как женский! Проверил — вдруг это не его дневник? Нет, точно — его. Надпись на обложке об этом недвусмысленно говорит. Ладно, смотрю...впитываю. Теперь лист бумаги в руки, и...

«Никого не вините...мне все надоело! Будьте вы прокляты, идиоты!»

С восьмого раза получилось. Не знать, что это не он писал — никогда не отличишь. Я неплохо рисую, а изготавливать фальшивые подписи и тексты меня научили. Я же не просто палач, я еще и шпион. Шпион должен уметь подделывать почерк. Хороший шпион...

Листок с пробными надписями сую в карман, и как можно аккуратнее. Не хватало, чтобы он выпал по дороге.

А теперь самое противное. Подхватываю тяжеленное мертвое тело, и...переваливаю его через подоконник. Хоп! Готово. Веревка, привязанная к ножке кровати, натянулась, как струна, но выдержала. Я выглянул из окна, и невольно поморщился — от рывка голова покойника практически отделилась от позвоночника, и труп теперь висел на коже и мышцах, вытянув их на невероятную длину — отвратное зрелище. Зато не будут видны следы удушения.

Конечно, экспертов-криминалистов у них тут нет, но не надо считать людей дураками только потому, что у них нет смартфона. Здесь и сыщики есть очень даже недурные. И собачки, которые идут по следу. Кстати, о собачках...надо им усложнить работу. Вернее — полностью их ее лишить. А для того от окна выдуваю в пространство облако тончайше истолченного порошка — пудра по сравнению с ним грубая щебенка. Он скоро впитается в пол и стены, и если собака его понюхает — порошок блокирует ее способности идти по запаху. В этой комнате блокирует. Я так-то старался ничего не касаться без перчаток, но...есть такие собачки, от которых лучше заранее себя оградить. Уничтожил запах — вот и спи спокойно.

Ну вот, теперь можно и сваливать. Аккуратно перебираюсь через подоконник, берусь руками за тонкую веревку. Соскальзываю по ней и с

отвращением чувствую, как мои ноги упирают в голову покойника. Спрыгиваю с него на землю и медленно, не делая резких движений, иду по направлению к своему окну. Без резких движений потому, что в темноте не очень-то заметишь медленно движущийся объект, а вот дергающийся и быстро перемещающийся — запросто.

Веревка на месте, на ней заранее навязаны узлы. Но даже с узлами подниматься довольно-таки трудно, так что подъем точно не выглядит взлетом обезьянки по лиане, хотя и бегомотом меня назвать никто не решится.

Забравшись, прислушался к дыханию соседа по комнате, убедился — мирно спит. Отвязываю веревку, и прячу ее в отдушину над кроватью. Пойду в город — выброшу. Можно было сжечь, но...не решился. Вонь от сгоревшей веревки будет такая, что от запаха дыма поднимется все общежитие. А вот листок с пробами почерка сжигаю, благо что для этого мне не нужны ни спички, ни зажигалка. Я все-таки какой-никакой, а маг.

Ффухх! И листка нет, только пепел. Пепел сдул с подоконника и вытер то место, где он лежал.

Дело сделано. Теперь осталось огрести последствия своего поступка. Или преступления? Но это кому как. Я считаю — хороший поступок. Разве не этому меня учили все те годы, пока я находился в поместье Наставника? Находить и карать — вот моя работа.

Забавно...примерно то же самое я делал и на Земле. Видимо это пример того, как судьба распоряжается человеком. Не ты выбираешь судьбу, а она тебя. Вот и говори после этого, что бога нет, и что человек хозяин своей судьбы. Как бы не так...уж я-то это знаю наверняка.

Глава 9

Утром началось светопреставление. Меня разбудил топот ног, и это было похоже на то, как если бы по коридору пронеслось стадо бизонов. Прежде чем продрал глаза, усевшись на кровати и почесывая макушку, в дверь забарабанили так, что я на самом деле испугался — как бы не сломали! А потом услышал голос Керла.

— Вставайте! Скорее вставайте!

Почесываясь и зевая абсолютно непритворно, я пошел к двери, сопровождаемый взглядом совершенно очумелого соседа по комнате (возможно что я слегка переборщил со снадобьем — разоспался парень).

Керл ворвался как вихрь — потный, красный, блестя глазами и задыхаясь, будто пробежал три километра со спринтерской скоростью.

— Сидите, и не знаете! — торжествующе выпалил он, и я спросонок едва не ляпнул известное продолжение фразы — насчет того, что чем называется. Но не ляпнул. Все-таки я в этом мире уже очень давно, и за прошедшее десятилетие волей-неволей научился скрывать мысли и действия, не допуская слишком уж грубых ляпов. Просто была бессонная ночь, и поспал я после казни максимум пару часов. Так что мозг мой слегка тормозит.

— Чего орешь? — совершенно нелюбезно спросил я, зная, почему Керл так орет. И в общем-то, зачем он сюда пришел. Парень Керл неплохой, ему бы еще трезвого ума, а то все его хорошие черты теряются на фоне тотального недержания слов и поступков. Иногда так и хочется врезать ему по башке — аж кулаки чешутся. Но...не трогаю. У всех есть в голове тараканы, и Керл, честно сказать, совсем не худший из людей. А еще, вероятнее всего, я соскучился по нормальному общению с людьми. Все последние годы моей компанией были или те, кому я безразличен, или те, кто меня истово ненавидит. За что ненавидит? Да просто за то, что я такой вот...существую на белом свете. Бастард, который незаслуженно живет и процветает. Вместо того, чтобы нормально

отправиться в канализацию, к крысам, с затынутым на шее куском пенькового «галстука».

— Там...там твой недруг повесился! — завопил Керл, и я едва не поморщился после его крика. Голова болела после ночных приключений, а тут еще этот концентрированный сгусток воплей.

— Какой еще недруг? — вздохнул я, недовольный таким долгим выжиманием информации. Сказал бы сразу, в чем дело, я бы поужасался, поохал, да и забыл об этих ужастиках.

Следующие полчаса Керл взахлеб рассказывал мне обо всех перипетиях дела — о голом трупе, о записке, о том, как выглядело синее лицо покойника, о том, как откачивали девушку, которая проходила мимо и увидела висельника. И о скандале в ректорате, в который нагрянула целая бригада сыскарей, во главе с известным всему городу магом-сыщиком Линденом Гроу, известным тем, что никогда не сбивается со следа, и всегда находит преступника.

Про этого Линдена Гроу Керл говорил так восхищенно, так взахлеб и радостно, что у меня по коже пошли волны мурашек. Неужели и правда никогда не сбивается и всегда находит? Очень уж не хочется попасться, хотя я и предпринял все возможные меры.

К обсуждению присоединился и сосед по комнате, держась за голову так, будто это была расколотая и снова склеенная ваза, грозящая развалиться на части. И хорошо, что присоединился — я потихоньку отвалил в сторону, и занялся своими делами, лихорадочно обдумывая то, что может произойти. Так-то я уже все продумал, но теперь перебирал возможные последствия того, что делом занялся такой крупный специалист в расследованиях. Я прекрасно знаю, что совсем не все преступления раскрываются, что бы там не говорили представители МВД. Хорошо подготовленное и четко выполненное преступление раскрыть очень трудно, если вообще возможно, и если в дело не вмешался случай. Дилетант горит сразу, а профи живет криминалом долгие годы, в конце концов, превращаясь в «авторитетного бизнесмена». «Плавали, знаем!».

Не дождавшись окончания информационного фонтана, исторгаемого Керлом, я пошел в душ, где и продолжил предаваться размышлениям, поливаемый прохладными после ночи струями живительной влаги. Вода

бодрила, смывая с потной кожи усталость и тревогу, так что когда я растерся жестким полотенцем, настроение мое поднялось на десяток пунктов. Ну а чего? Казнь провел практически безупречно, следов не оставил, да еще и денег подзаработал, так что можно не заботиться о финансах в ближайшие несколько месяцев. Я ведь скромнен в быту — вот только костюм приличный сошью, ботинки помоднее куплю, ну и...все. Больше мне ничего и не надо. Травок бы еще кое-каких приобрести, но это чуть попозже, когда все стихнет. Вот с этими мыслями, бодрый и довольный я отправился в свою комнату.

И как оказалось — бодриться было рано. В комнате, кроме Керла и моего соседа находились два мрачных, кряжистых типа с лицами дегенератов-убийц. Поразительные морды! Я такие видел только в фильме про Штирлица, где одного генерала собрались арестовывать агенты гестапо. Мне эта морда агента, будто грубо вырубленная топором из дубового пенька, просто-таки врезалась в память. И вот — этот агент стоит передо мной. Сподобился узреть!

— Курсант Ольгард? — обратился ко мне один из «агентов», буравя меня маленькими глазками.

— А вы ожидали, что придет Старший настоятель храма Создателя? — хмуро осведомляюсь я, чувствуя, как внутри все холодеет в предвкушении неприятностей — Не стоит ли вначале представиться?

— Старший следователь Энгель — после трехсекундной паузы рекомендует спросивший, видимо вспомнив, что находится в общежитии магов, которые к тому же еще и дворяне — все, как один. Если не сожгут, так неприятности устроить могут. Даже если бастард.

— Вам придется пройти с нами — продолжает Энгель — Ведется расследование смерти сына уважаемого дворянского рода, а вы имели с покойным кое-какие незакрытые...хмм...отношения. Короче — идите за нами, и у вас не будет неприятностей.

С последним заключением я бы поспорил. Неприятности, они такие — ррраз! И появились неизвестно откуда. А тут все известно — или меня расколют, на что они и рассчитывают (я ведь самый лакомый претендент на роль убийцы!), или я бы сейчас мог убить их на месте. Обоих, и не особо напрягаясь. Каждый весит в полтора раза больше меня — тяжелое, грубое мясо — но десять лет тренировок кое-что да значат. И

мое мясо очень жилистое. Я гораздо сильнее, чем кажусь на первый взгляд.

Да ладно...не собираюсь я их убивать. Глупость, конечно. Просто в голову пришло. Как всегда — мечты, мечты...поубивать неприятных людей, и скрыться где-нибудь в провинции, да так, чтобы не нашли. Я ведь умею, меня этому учили. Вот только не хочется всю жизнь прожить крысой, скрывающейся в канализации. Хочется жить на виду, обрести какой-никакой социальный статус. Жить, черт подери!

По коридору, потом переходом в административное здание, туда, где находится кабинет ректора. Один «гестаповец» идет впереди меня, другой сзади. Идут близко — треснуть по башке и свалить отсюда не составило бы особого труда. Не умеют конвоировать — учить их, да учить. Расслабились, черти драповые...

В кабинете — сам ректор, его зам по безопасности, который контролирует охрану Академии, и не только, заведующий кафедрой Огня (почему-то!), и незнакомый мужчина лет сорока. Взгляд. Знакомый взгляд! Когда человек долго занимается сыском, у него образуется именно такой взгляд — нет, не подозрительный. Скорее...испытующий, внимательный, пронизывающий тебя как рентгеном. Может пока и не подозревает, но точно оценивает и взвешивает. Я сам был таким. Впрочем — почему «был»?

«Гестаповцы» закрыли за мной дверь, и я остался стоять перед разглядывающими меня...не знаю, как их назвать. Следователями? Допросчиками?

— Курсант Ольгард — грозно начал ректор — До нас дошли сведения, что у вас имелся конфликт с одним из наших курсантов. Он даже вызвал вас на дуэль. Что можете пояснить по этому поводу?

— А что мне пояснять? — пожал я плечами и нервно сглотнул — Ну...вызвал, да! Я сам виноват, испачкал ему одежду. Хотел сегодня пойти к нему, попросить прощения — как только увижу его. А вон оно как вышло!

— Курсант, насколько я понял, вы уже в курсе происшедшего, так? — вмешался тот мужик сорока лет с острым взглядом старого мента — Откуда знаете?

— Однoгруппник прибежал с утра... — хмыкнул я — Орал так, что трудно не узнать. И что вы хотите знать? Где я был ночью? Спал, конечно. Занятий много, устаем, особенно после соковыжималки, так что...

— Что такое соковыжималка? — человек недоуменно посмотрел на ректора.

— Это специальный артефакт для расширения системы приема магической энергии — поморщился тот — Жаргонное название артефакта. После него будто соки из тебя выжали. У вас в Академии такого нет. По крайней мере раньше не было.

О как...а мужик-то маг. Но из простых, не аристократ. Впрочем — и это понятно, какой аристократ пойдет работать сыскарем? Это же неуместно! Благородный человек, и вдруг — сыщик. Ужас! А вотубийцей — запросто. Какая-то извращенная логика...

— Ладно...я понял — мужчина поджимает губы и секунды три смотрит на меня. Потом снова принимается за допрос.

— Давайте, я угадаю...вы спали, и ничего не видели. И совершенно не представляете, кто бы мог это сделать. Так?

— А вы ждете, что я выдам вам убийцу? — искренне удивляюсь я.

— Что-то вроде этого — кивает сыщик — Или осознаетесь.

Я с интересом смотрю на серьезного, с непроницаемым лицом сыщика — то ли прикалывается, то ли на самом деле рассчитывает, что я вдруг вот так возьму, и расколюсь? Похоже, что он не такой уж и умный, как мне говорили.

— Покойный весит в полтора раза больше меня — усмехаюсь я — Расскажите, как это я бы смог повесить его за окно? Каким образом?

— Каким образом? — так же серьезно отвечает сыщик — Вы пришли к нему, избрав поводом вашу ссору. Потом неожиданно ударили его, лишив сознания, а затем выбросили в окно, набросив на шею веревочную петлю. По веревке спустились на землю, и ушли по своим делам. Вы кажетесь хрупким, но я вижу крепкого, жилистого молодого человека с тренированным телом. И вы вполне могли поднять груз, который в полтора раза превышает ваш вес. Теперь что мне скажете?

Сука! Ведь все точно обрисовал, будто присутствовал в комнате во время событий! Вот же гад!

— Не знаю, как вас звать... — медленно сказал я, и видя, что собеседник не торопится себя называть, продолжил — Я что, идиот? Ведь накануне имел стычку с этим парнем! И зная, что первый, на кого подумают, буду именно я — отправился убивать этого несчастного?! Я уже оставляю в стороне тот факт, что парень был и сильнее, и тренированнее меня! И как маг, и как обычный боец! Логика нет! И еще — а ЗАЧЕМ я бы это сделал? Я увидел его впервые в столовой! У меня к нему никаких дел! Ну да, я случайно облил его супом, так что с того? Ну неловкий я, да! Так что с того?

— Я бы мог привести вам не одну версию — скучно заметил сыщик — Например ту, в которой вы нарочно устроили скандал в столовой, чтобы потом все подумали на вас — мол, он боялся дуэли, вот и убил противника.

— И зачем же я НАРОЧНО поскандалил? — улыбнулся я, чувствуя, как внутри все сжимается.

— А чтобы как раз и напустить тумана — усмехнулся сыщик — Мол, он бы не стал убивать из-за какой-то там дуэли. Слишком уж очевидно, и все указывает на ваш мотив. Я узнал — у парня было много недоброжелателей. Он не пользовался любовью в Академии.

— Я попрошу вас! Не надо распространять всякую чушь! Покойный мальчик родом из уважаемой семьи! И его все тут уважали! — восторженно воскликнул ректор, но сыщик не обратил внимания на его выступление, только махнул рукой:

— Да перестаньте! Я успел опросить часть курсантов, и большинство считали покойного совершеннейшим подонком. На условиях анонимности, конечно. Он насиловал девушек, избивал парней — между прочим, при вашем попустительстве! Под видом дуэлей, да и без вида — просто ловил и бил в коридорах. Или унижал. Его не уважали, его боялись. Потому тех, кто желал ему смерти было превеликое множество. Да, он из уважаемой и могущественной семьи. Но это не означает, что покойный был хорошим человеком.

Ректор ничего не сказал, только поморщился и недовольно помотал

головой. Мол, я отказываюсь понимать такие слова!

— Вот вы, курсант, сильно жалеете о смерти вашего...хмм... товарища? — сыщик криво усмехнулся.

— Мне наплевать — пожимаю я плечами — Не знал его, и не хочу знать. Наглый парень, агрессивный, и...да, хорошо, что мне не придется с ним драться. Откровенно говоря — боялся. И это та правда, которую вы хотели знать.

— Я так и думал — с нотками удовлетворения в голосе заметил сыщик — А теперь, курсант, я прошу вашего согласия на испытание снадобьем правды. Слышали про такое? Нет?

Я поежился, но голос мой не дрогнул:

— Слышал. И не даю своего согласия. Чтобы потом у меня болела голова? Нет уж, сами пейте!

— Печально... — вздохнул сыщик, и посмотрел на молчавшего ректора — Придется выходить на высший уровень. Вас все равно заставят принять снадобье, даже если вы этого не хотите. Статус семьи покойного настолько велик, что они могут вытребовать разрешение подвесить вас вверх ногами и выпотрошить — если это потребуется для дела. Так что лучше не сопротивляйтесь — если, конечно, вам нечего скрывать. Поболит пару часов, да и пройдет. Кроме того, это же Академия, уверен, тут найдется минимум десяток магов-лекарей, которые мгновенно снимут вашу боль. Зато мы все будем уверены в том, что вы непричастны к преступлению, и вас больше не будут беспокоить. Ну как, согласны? Примете снадобье?

— И не подумаю! — фыркнул я — Несите разрешение от канцелярии Дворянского собрания, в котором будет четко указано, что мне, дворянину древнего рода, указом Императора предписывается принять снадобье правды. Я дворянин, и вы не можете заставить меня принять снадобье! Это унижение моего достоинства!

— Я почему-то так и думал — вздохнул сыщик, и взял со стола бумагу с императорским гербом, отливающим золотом — Прочитайте, курсант!

Я взял бумагу, хрустнувшую в пальцах, и стал вчитываться в строки,

написанные каллиграфическим почерком.

«...предписывается всем подданным Империи всемерно содействовать расследованию, всеми возможными способами. В том числе — не препятствовать следствию отказом в применении специальных магических средств дознания, как-то: «снадобья правды».

Ну и так далее. Бумага не удивила своим содержанием, поразило то, насколько быстро можно было получить такой документ.

И заканчивалось это безобразие нехорошей фразой:

«...каждый, кто попытается препятствовать дознанию, будет считаться государственным преступником, со всеми вытекающими из этого последствиями».

Ну ни хрена себе! Как он сумел добиться этой бумаги? Стоп. Известный сыщик, и как я слышал, в фаворе у власти — а не выдали ли ему эту бумагу заранее, без привязки к сегодняшнему преступлению? Он что-то вроде сыщика по особо важным делам, так что ему запросто могли выдать эту штуку. Серьезный дядька, ничего не скажешь!

— Ладно — упавшим голосом сказал я, передавая бумагу назад, ее владельцу — Только пускай господин ректор распорядится позвать кого-нибудь из врачей. Мне не хочется по вашей милости получить размягчение мозгов.

Сыщик усмехнулся, повернулся к ректору, и тот согласно кивнул:

— Сейчас позову!

И дернул за шнурок звонка.

Безвкусное, никак не отличишь с обычной водой — если не считать легкого онемения языка и глотки. Достаточно пятидесяти граммов, чтобы твой мозг выплеснул наружу все, что хочет знать собеседник. Выпиваю без колебаний, глядя перед собой, и устраиваюсь поудобнее. Я знаю, что сейчас будет. В голове звонко и пусто, а все мысли о том, что...

Додумать не успеваю. Сознание меркнет, и я исчезаю из этого мира.

Очнулся от резкого запаха — здесь тоже применяют аммиак, то бишь что-то вроде нашатырного спирта. Очнулся, но вида не подал — лежу, прислушиваюсь, обдумываю.

— Странная реакция! Почему он потерял сознание?!

— Все люди реагируют на снадобье по-разному. Никто не может предсказать, как в точности оно подействует. Человеческий мозг вообще почти не изучен, что происходит в его глубинах — кто может сказать?

— А не мог он сам себя лишиться сознания?

— Господин сыщик, вы задаете странные вопросы. КАК я могу ответить на этот вопрос? Я что, курсант Ольгард? Вот его и спросите! (смешок)

— Безобразие. Что за лекари в этой Академии?!

— Лучшие лекари в Империи. А если вам что-то не нравится — ищите других лекарей. И вообще, почему вы так неуважительно со мной разговариваете? Я вообще-то вхожу в правление Гильдии Лекарей, к моему мнению прислушиваются многие и многие целители. Я вам что, уличный костоправ? Потрудитесь обращаться ко мне как подобает!

— Простите, Мастер. Увлёкся. Сами понимаете — такое важное расследование, дело дошло до ушей самого Императора. У меня предписание — разобраться в деле во что бы то ни стало. А у меня ни одной ниточки, чтобы зацепиться!

— Но это не означает, что нужно набрасываться на тех, кто вам помогает — голос стал помягче — Мы все понимаем, что семья не хочет смириться с тем, что наследник покончил с собой без видимых причин. Им хочется отыгаться на так называемом виновнике, найти кого-нибудь, кто мог бы подойти под эту категорию. Но это же глупо! Мало ли парней и девушек кончают с жизнью?

— Подождите, Мастер...почему все-таки он потерял сознание? Я не раз, и не два пользовался этим снадобьем, и все было отлично!

Идиот! Потому что мне поставили блок против этого снадобья! —

захотелось крикнуть мне, но само собой, я прикусил язык. Глупо было бы делать из человека шпиона, и не озаботиться тем, чтобы поставить блок против сыворотки правды. Поймали меня, к примеру — раненого, потерявшего сознание, и я не успел покончить с собой — и давай поить заветным снадобьем. И я выдал все и всех, следуя путем, указанным мне проклятой сывороткой. Так что был вызван специальный маг-лекарь, который вдолбливал мне в голову установку на то, что как только я почувствую приближение словесного поноса, тут же вырубаясь и лежу, пока действие сыворотки не закончится, и я смогу держать язык за зубами. Все просто, и одновременно сложно.

— Повторюсь: НЕ ЗНАЮ. Возможно, это произошло потому, что этот мальчик особенный. Он черный маг, как мне сообщили в ректорате. Что вы так смотрите? Не знали? Хмм...как же вы тогда ведете расследование, если не знаете информацию о тех, кого подозреваете в преступлении? Да, мальчик проявил способности черного мага, и кстати — вы бы поостереглись строить ему козни. Он еще совершенно не умеет контролировать свои способности. Выпустит проклятье — и у вас нос отгниет, отвалится. Или еще какая-нибудь часть тела. Кстати, как мне рассказали, он с этого и начал. У того, кто его обидел, отвалился...ну, вы поняли. Хотите стать евнухом? Хе хе...

— Перестаньте, Мастер. Не до шуток. Скажите, а если повысить дозу снадобья? Увеличить ее в два, или в три раза? Это поможет?

— Это убьет его. Или сделает инвалидом. Будет валяться, пускать слюни и делать под себя. Считайте, что я официально вас предупредил: этого делать нельзя. Попробуете такое совершить, и я подам рапорт в министерство внутренних дел, а также в Департамент Аристократии. Мальчик вообще-то аристократ, из древнего рода. А кроме того...вы знаете, что он бастард брата Императора? Того, что казнен за попытку свержения?

— Не может быть! В таком случае уничтожают всю родню бунтовщика!

— Вот и подумайте — если его оставили, то кто и зачем его оставил? Чья воля распорядилась его судьбой? Поняли? То-то же. И вы еще собираетесь опоить его опасным снадобьем? Семья покойного конечно же влиятельна, и может причинить множество неприятностей, как и наградить сверх меры, но...есть и кое-кто и повыше этой семьи. И что

будет, когда вы вдруг вызовете неудовольствие Самого?

— Откуда вы все знаете? И про бастарда в том числе?

— Долго живу. Много знаю. Запоминаю. И вот вас немного учу. Я слышал, что вы удачливый и умный сыщик, что вам благоволит министр внутренних дел, и даже император знает ваше имя и наградил вас за ваши успехи. Но...все может рухнуть в один миг, если вы сделаете неверный шаг. По большому счету мне все равно — кто мне этот парень? Один из курсантов. Интересен лишь тем, что он является черным магом, и Академия имеет на него большие исследовательские планы. Наши ученые руки потирают, предвкушая, как будут исследовать его кровь, его способности. Для него даже индивидуальную программу обучения разработали, насколько я слышал. Даже комнату отдельную освободили — там будут его исследовать и учить одновременно. А по большому счету — он мне никто. А вот вы...вы нужны людям. Кто-то ведь должен расследовать преступления, наказывать негодяев! Так что я о вас забочусь.

— Спасибо за заботу.

Молчание, затем шаги, хлопнула дверь. Снова шаги, и голос:

— Ну что, мальчик...пока что мы тебя отбили. Вот дальше... Но я сделал все, что мог. Портить твой мозг я им не дам, но тебе теперь надо будет побережься, семейка еще та...ублюдки! Я их хорошо знаю, сталкивался. Да вставай уже, я знаю, что не спишь...хе хе.

Открываю глаза. Мужчина — седой, стройный, глаза веселые. Смотрит на меня доброжелательно, покачивается с носка на пятку, заложив руки за спину. На груди золотой значок лекарской ассоциации — цветок и скальпель на голубом фоне.

Встаю, ощупывая голову, и глядя на улыбающегося лекаря. Что-то надо сказать, но я не знаю — что именно. И тогда просто благодарю:

— Спасибо, Мастер! Я ваш должник.

— Сочтемся, курсант! — смеется он, и на душе у меня немного теплеет. В общем-то учеба в Академии началась вполне недурно. А что будет дальше — посмотрим. Отобьемся, чего уж там...вспомню, чему

меня учили. Впрочем, я этого и не забывал. И хотел бы, да не забуду.

Глава 10

Ретроспектива.

— Я его просто боюсь!

— Кого? — мужчина в дорогом, расшитом золотом камзоле недоуменно вытаращил глаза — Мальчишку?! Мальчишку четырех лет от роду?! Ты что, Сенхель, с ума сошел?!

— Господин, он Нечистый! Вернее — в него вселился Нечистый! Мальчик не может быть таким!

— Каким?! — мужчина продолжал недоуменно и раздраженно поедать глазами учителя.

— Понимаете, господин...он не мальчишка. Он только играет мальчишку! А как забывается — говорит как взрослый.

— Говорит? Ты же только недавно мне рассказывал, что он вообще ничего не понимает и говорить не может. После падения с террасы, после ушиба головы он вообще не приходил в сознание до тех пор, пока не был вылечен магом-лекарем. И теперь он болтает как взрослый?!

— Теперь болтает, господин. Он за полгода выучился говорить. Мало того — выучил грамоту. В четыре года! Ребенок не может быть таким умным. В нем точно Нечистый! Он как посмотрит на меня, как усмехнется — и я вижу рога и копыта, и чувствую запах серы. Его надо сжечь!

— Да ты с ума сошел! — построжел лицом мужчина — Я прикажу тебя висеть, чтобы ты соображал, что говоришь! Я ведь уже сказал — следить за мальчишкой, учить его всему, чему можно научить. И чтобы ни один волос не упал с его головы! А ты что говоришь?! Меньше надо пить настойку на желтых ящерицах. После того как выпьешь — мерещится всякое. Иди, Сенхель, и работай как следует. И я тебя вознагражу. Или башку тебе снесу, если ты еще раз придешь ко мне с такой чушью! Нечистый вселился...ты разве не знаешь, что в жилах парня

течет кровь правящего Клана! Императорская кровь! И ты считаешь, что Нечистый может вот так взять, да и вселиться в человека с императорской кровью?! Вот так запросто?! И это притом, что такая кровь и пролитие ее есть государственное преступление?! Ох, и рассердил ты меня! Слуги! Выведите его, и дайте ему десять палок! Чтобы не забывался! Вон отсюда, дурак! Ох уж эти ученые мужи...такого напридумают — в голову не укладывается.

Мальчик оторвался от толстой, в кожаном переплете книги, посмотрел на женщину, которая стояла перед зеркалом. Усмехнулся кривой усмешкой и недоверчиво помотал головой. А когда она обернулась к нему и со смешком спросила, идет ли ей это платье, рассеянно ответил:

— Оно хорошо для высокооплачиваемых шлюх, но не для благопристойной дамы, рассчитывающей на хорошую партию.

Женщина пискнула, глаза ее вытаращились, она громко задышала, успокаивая дыхание, и сдавленным голосом спросила:

— Что ты сказал?

— А что я сказал? — недоуменно переспросил мальчик и досадливо зажал нижнюю губу зубами. Затем пробормотал что-то неразборчивое, как если бы ругался на неизвестном языке, и тут же поправился — Сказал, что тебе, мама, будет холодно в этих тряпочках. Сезон дождей, ты не забыла? Может, оденешь что-то...хмм...поплотнее?

— Дурачок! — женщина хихикнула, подошла к сыну, наклонилась над ним так, что не очень большие, но полные и крепкие полушария груди едва не вывалились из лифа — Это же бал! Бал невест! На него все одеваются легко, чтобы мужчины могли оценить их формы. Он бывает раз в году, и на него все одеваются так...хмм...ну...как я! Потому я не могу закутываться в толстую ткань! Тем более что в зале будет жарко. Знаешь, сколько там горит светильников? Сотни! И люди дышат!

— И не только дышат — иронично заметил мальчик, стараясь не смотреть на упругие полушария, мотающиеся перед его глазами. Мать же, в конце-то концов! Но платьице у нее...это же надо! Да еще и без

трусов. Товар лицом, точно. Впрочем, какого черта? Ей вообще-то двадцать с небольшим лет, всего-навсего. Для этого мира она можно сказать перестарок, а для «настоящей» Земли — молодая девчонка, отправляющаяся на тусовку в ночной клуб. Что ей, паранджу надевать, что ли?

— И не только дышат! — хихикнула женщина, и усевшись рядом на мягкую скамейку обняла мальчика и прижала к себе — Ну какой же ты у меня умный! Никогда не думала, что мой сын будет таким...таким... мудрым! Иногда, когда с тобой говорю, мне кажется, что разговариваю с взрослым человеком. С братом, или отцом. Даже страшно становится. Сынок, ты...поосторожнее, ладно? А то болтают всякое... Индра мне вчера рассказывала, что слуги считают — в тебя вселился демон, и тебя на самом деле нет. Только пустая оболочка. Мерзавцы! Завидуют, конечно.

Мальчик криво усмехнулся и подумал о том, что не такой уж он и демон. Ну да, было за шестьдесят лет всякое, чертовщина и демонизм, и кое-что не заслуживающее похвалы, но чтобы вот прямо-таки демон — это никак.

— Дураки они все, мама! — ехидно заметил мальчик, и негромко хихикнул. Мать покосилась на улыбающееся лицо сына и чмокнула его в щеку:

— Создатель! Какого замечательного сына ты мне дал!

И тут же посмурнела, потухла:

— Не знаю, сколько я еще проживу, сынок...уж больно вокруг нас много такого, что...в общем — опасно. Постарайся не дать себя убить. Учись защищаться, а самое главное — нападать. Главная защита — нападение. И вот что тебе скаже еще...не жале! Никого не жале! Они нас не пожалеют, это точно! Учти — вокруг враги. Друзей нет. Только я и ты — мы свои, мы родня, мы верим друг другу. Остальным верить нельзя. Каждое слово — взвешивай. Прежде чем что-то сказать — думай. А если что случится со мной...отомсти. Нельзя оставлять врагов без мести!

— А если со мной что-то случится — тоже посерьезнел мальчик.

— Вряд ли они тебя тронут — грустно усмехнулась женщина — В тебе течет кровь императорского клана. Твой отец был бунтовщиком, но...ты все-таки племянник императора. Если он оставил жить, значит имеет какие-то на тебя планы. Потому — не бойся. Главное — не бойся! Знаешь, это как звери — учуют, что ты боишься, и набросятся, порвут. Так и эти людишки. Они завидуют тебе, мне.

— Мам...а можно вопрос? — мальчик посмотрел в глаза женщине.

— Любой! — тут же откликнулась она — Я отвечу на любой твой вопрос!

— А зачем тебе...это? — он кивнул на полуобнаженную грудь женщины, на ее голое бедро, обнажившееся до самого пояса и выше — Только ради...постели?

— И ради постели — тоже! — улыбнулась женщина — Я еще молода, зачем отказывать себе в удовольствии? Но главное — нам неплохо было бы обрести могущественного покровителя. Который в случае чего может и прикрыть, замолвив слово перед...в общем — женщина без мужчины есть только товар, вещь, игрушка. Она и с мужчиной игрушка и товар, но в этом случае принадлежит ему, а значит, он будет ее защищать, беречь, не даст испортить. Понимаешь?

Она улыбнулась, вздохнула:

— Маленький ты у меня еще, а я тебе такие вещи говорю. Все время забываю, что ты не взрослый. Ну а с кем мне поговорить по душам? Уж точно не со слугами!

— А служанка? Индра? Ты же с ней вроде как...хмм...дружишь?

— Индру приставили ко мне, чтобы она доносила — улыбнулась женщина — И я знаю об этом. А раз знаю, значит вооружена. И нельзя дружить с простолюдинкой. Мы слишком разные. У черни свои интересы, у нас — свои. При случае они ни на миг не задумавшись отрежут нам головы. Ибо завидуют и ненавидят.

— А за что ненавидят? — глаза мальчика суть сузились, и по губам прошла легкая улыбка. Но женщина не обратила на это никакого внимания, и серьезно ответила:

— Ты просто не видел, в каких условиях живут те же крестьяне. От рабов они отличаются только тем, что имеют право владеть каким-то имуществом. У раба все принадлежит хозяину, как и он сам. Само собой, они ненавидят хозяев. А мы их презираем.

— За что? За что презираете? — серьезно спросил мальчик, и женщина удивленно подняла брови:

— Ну как за что? Они противные...воняет от них. Они плохо выглядят, тупые...почти животные. Как их не презирать? Их судьба такова, что они должны содержать своих хозяев. Делать все, чтобы нам было хорошо. Если как следует потрудятся — в следующей жизни тоже могут стать хозяевами. Ну...или простолюдинами, но зажиточными. Главное — слушаться своих хозяев и хорошо работать. Ты же знаешь, что написано в Сутре, посвященной отношениям хозяев и простолюдинов.

— Какая удобная религия — серьезно сказал мальчик — Тому, кто ее придумал, надо в голову гвоздь...хмм...надо дать ему награду!

— Все сутры вышли из-под пера Первосвященника Тодура Кассанского, а ему их вложил в голову сам Создатель. Это знает любой человек. И ты знаешь.

Женщина вздохнула и потянулась:

— Что-то мы с тобой заговорились, а время-то идет! Надо к балу подготовиться как следует! Кстати, ты со мной пойдешь.

— Зачем это?! — опешил мальчик — На кой демон мне смотреть на расфуфыренных девок и мужиков, похожих на петухов?

— Ха ха ха! — женщина мелодично рассмеялась, и на ее гладких, будто выточенных из мрамора щеках образовались ямочки — Ты иногда так пошутишь...ну как взрослый, дворцовый гвардеец! Хоть стой, хоть тут же пади на пол от смеха! Ха ха ха... Да, расфуфыренные, да, мужчины тоже разодеты. Но таковы правила игры! И тебе уже пора выходить в свет. Все-таки вчера семь лет исполнилось, пора! Там будут другие дети — так что ты можешь с кем-то поиграть, завести знакомства. Будут очень важные гости, и значит — очень важные дети. Ты же понимаешь, что дети высокопоставленных родителей в будущем займут важные государственные должности, как и их родители. Так почему бы тебе не

подружиться с будущими властителями Империи? Может и тебе какое-нибудь место перепадет! Знакомства в этом мире значат даже больше, чем деньги! Иногда, даже имея деньги ты не сможешь получить товар, или услугу — если у тебя нет нужных знакомств.

— И не только в этом мире — тихо пробормотал задумавшийся мальчик, и тут же поправился — Да мама, конечно, понимаю. Я пойду с тобой!

И опять же, тихо добавил, бормоча себе под нос:

— Будто кто-то спрашивал мое мнение по поводу этого шабаша...

Огромный зал мальчика поразил. Не размерами, нет — вычурной, дикой роскошью, на которую хозяева зала не поскупились. Главным украшением помещения была статуя богини любви Сонъян — обнаженная девушка субтильного сложения держала в руках какой-то плод, напоминающий земное яблоко. Похоже что история о запретном плоде тождественная всем мирам. Возможно, что когда-то миры были одним целым, и разделились после некоего катаклизма. Но это только предположение.

Статуя, кстати сказать, была выполнена с таким изяществом и с таким тщанием, что по ней можно было изучать анатомию женского тела, с самыми его интимными подробностями. Из «одежды» на статуе только пояс, покрытый золотом и накидка на сгибе локтя левой руки — само собой, выполненная из мрамора. Розового мрамора. Глаза, брови статуи выкрашены черным, как и волосы, нарисованы зрачки, соски груди тоже подкрашены, в общем — сделано все, чтобы статуя смотрелась как можно более похожей на живую женщину. И у них получилось. Мальчик даже вначале опешил, заметив возвышающуюся над толпой голову красивой женщины, которая застыла в позе танца. Перед ней стоял столик, или алтарь — на который гости клали подношения, иногда довольно-таки дорогие. Золотые монеты, перстни, цепочки. Мальчик так и не понял — зачем, ведь это место отнюдь не похоже на храм.

Решив потом спросить у матери и вдоволь полюбовавшись на «обнаженку», он нашел глазами свою мамашу, беседующую с мужчиной в дорогом одеянии, и поспешил показаться ей на глаза. Что довольно-

таки негативно было ей воспринято — похоже, что с женщиной у нее начало что-то налаживаться, и появление «прицепа» маму не очень-то и обрадовало.

— Эдвин, милый, ты не знаешь, куда пойти? — нарочито ласково спросила она, но в голосе прослеживались нотки досады — Вон там есть зал с угощениями, можно вкусно поесть. Правда стульев не положено, но стоя ведь больше влезет? (она дробно-серебряно расхохоталась). А вон тот зал для детей. Там можешь познакомиться со своими новыми друзьями, завести знакомства! Иди, милый, погуляй! Мне с господином нужно кое-что обсудить.

И «милый» пошел гулять. Ему и в самом деле не хотелось стоять тут и смотреть, как мамочка воркует, старательно привлекая потенциального кобеля в свои сети. Так-то все понятно — природа, самка всегда ищет себе настоящего самца, способного удовлетворить ее во всех отношениях — дать пищу, защиту, кров и секс — но...тому, кто сидел в теле мальчика все это было до тоски противно. Он видел всякое за свою долгую и бурную жизнь. И брачные игры для него не в диковинку.

Угощение ему понравилось, благо что он хорошенько проголодался. В этом мире уже умели делать что-то вроде бутербродов, только вместо дешевых фастфудовских ингредиентов применяли нечто гораздо более приятное. Например — морепродукты. Бутербродики с мясом краба ему понравились. Как и с жирной соленой рыбой. Как и с икрой, коей тут было необычайное разнообразие. Ну и само собой на столе имелись зажаренные тушки птиц и птичек, громоздились на серебряных блюдах целые бараньи и говяжьи бока. А про сладости и фрукты говорить нечего — без счета, и самого лучшего качества.

Хорошо быть богатым! Даже если ты изгой и бастард. Впрочем — об этом тут еще никто не знал. По крайней мере, так думал мальчик.

Наевшись, довольный и повеселевший он бездумно пошел бродить по залам. В первую очередь посмотрев и послушав то, что происходило в основном. Понаблюдав за действием, мальчик хмыкнул и буркнул себе под нос что-то вроде: «Ну чисто ночной клуб! Разлагаются, мерзавцы!» — его хватило на двадцать минут. А на что смотреть? Был бы взрослым половозрелым парнем, а то...первоклассник, чего ему смотреть на едва прикрытых одеждой теток? Срамota одна.

Через пять минут ноги сами привели его в «игровую комнату», так он для себя ее назвал. Большущий зал был полон детьми, судя по их виду от пяти до десяти-одиннадцати лет. Худенькие и полные, красивые и не очень — дети бегали, шумели, скакали, вопили, разговаривали и смеялись — в общем, делали все то, что делают все дети, собравшись в ограниченном пространстве, и не имея никаких других способов повеселиться.

Эдвин тихо прошел между мечущимися детьми туда, где стояли столики со сладостями. Сладостей тут было больше, чем в зале с угощениями, и даже эта толпа детей не смогла все съесть — осталось и на его долю. «То-то они забили на угощение в соседней зале! После сладкого-то!» — подумал мальчик, и усмехнулся, протягивая руку за маленьким розовым пирожным. Он был сыт, но ему захотелось слегка подсластить свое настроение. Тоскливо вот так бродить в толпе, будучи совершенно одиноким и никому не нужным. Ужасно захотелось в свой, привычный мир — к смартфонам, интернету, к автомобилям и самолетам, к тому, что составляет жизнь современного человека, и что он замечает только тогда, когда этого лишится. Четыре года уже в теле мальчишки, а все ни как не может с этим смириться. Вернее с тем, что попал в дикий мир уровня средневековья, а возможно и раньше.

Но полакомиться ванильным пирожным с взбитыми сливками ему не дали. Удар по запястью выбил пирожное из руки — рука заныла после ушиба, и Эдвин произвольно ойкнул и поморщился.

— Что, бастард, не нравится?! А ты не тяни руки к угощению нормальных людей! — радостно завопил крепкий мальчик года на два-три старше — Предатель! Пошел вон, предатель!

Эдвин осмотрелся по сторонам...вокруг него и парнишки образовался круг, пузырь, в стенках которого виднелись любопытные мордочки детей. Они жадно смотрели на происходящее, и на их лицах был написан такой жгучий интерес, какого вряд ли найдешь у взрослых. Детям незачем скрывать свои чувства. Жестокое зверята, они думают только о вкусной еде, развлечениях, и о том, какой статус занимают в этом мире. Стая, самая настоящая стая!

— Откуда узнал? — спокойно спросил Эдвин, который был на два пальца ниже обидчика — С чего взял, что я бастард?

— А то я не знаю! Отец только вчера о тебе говорил — возмущался, мол, зачем это сына предателя, бунтовщика оставили в живых! Ничтожество! Ты — мерзкое, грязное ничтожество! Пшел вон, пес!

— Во мне течет императорская кровь — спокойно, так, чтобы все слышали, заметил Эдвин — Называя меня ничтожеством, ты наносишь оскорбление самому Императору. Ты вообще задумываешься о последствиях?

— Что-о? Да пошел ты! Ничтожество! Ничтожество! Плевал я на твою кровь! — запрыгал перед ним мальчишка, показывая пальцем, тыча им едва не в глаз «ничтожеству». К обидчику присоединились еще несколько мальчишек, и они, как стая обезьян стали улюлюкать, визжать, тоже показывая пальцами на Эдвина. А потом зачинщик плюнул. Смачно так, собрав сопли и слюни в один тугой, зеленый комок.

Эдвин успел уклониться, плевков прошел мимо, но это так его взбесило, что он не выдержал — мгновенно выбросив вперед руку, уцепился за палец мальчишки, и. раздался хруст. Палец замер под углом в девяносто градусов.

АААА! — завопил мальчишка, глядя на изуродованный «отросток».

— Ты чо это сделал, мерзавец?! — завопил грузный парень из «стаи», и попытался ударить Эдвина кулаком по голове, но делал он это так медленно, так размашисто, по-детски, что Эдвину не составил ни малейшего труда уклониться, а затем и ударить — коротко, сильно, без замаха — в поддых. Так не бьют дети. Для этого нужно годы провести в боксерском зале, отточить удар, сделать его совершенным, *правильным*. И неважно, что была детская рука. Правильно поставленный удар, плюс занятия физкультурой (зря что ли все эти годы отжимался, подтягивался, устраивал бой с тенью, когда никто не видит) — и вот тяжелый, на первый взгляд не сравнимый по мощи соперник сгибается пополам и валится вперед. Чтобы еще получить коленом прямо в хрустнувший нос.

А затем произошло то, чего никто не ожидал, и чего совершенно не мог предвидеть. Мальчишка должен быть стоически принимать оскорбления, или плакать в углу, оплеванный и забитый, но...получилось то, что получилось. Он прыгнул вперед и коротким, подлым движением воткнул носок ботинка в пах следующему сопернику. А выведя из строя его — кинулся к другому, исвалил его на пол размашистым крюком.

Само собой — со взрослыми это бы не прошло. Но перед ним стояли дети — не тренированные, не обладающие крепким костяком. Просто задиристые, глупые дети. А в теле Эдвина находился мастер спорта по боксу, рукопашник, участник множества матчей и еще большего количества уличных драк. И за те четыре года, что землянин пребывал в теле несчастного бастарда, отправившегося на перерождение, он таки сумел подтянуть «физику» парнишки. И пусть так и выглядел худеньким и беззащитным книжечком, но это была лишь маска. Удобная маска, которую он никогда еще не снимал. До этого случая.

Восторг! Его охватил восторг! Ну наконец-то может выйти из образа беззащитного мальчугана, который только и может, что наедине с мамашей отпускать взрослые шуточки, которым она искренне радуется!

Нырок! Удар! Еще удар! Захват, бросок через спину — стол со сладостями с грохотом валится на пол!

Визги! Вопли! Разбегающиеся в стороны дети, и посреди пола, усеянного неподвижными и шевелящимися телами — дьяволенок в разорванной одежде, с текущей из ноздри кровью, грязный, но непобежденный!

— Сколько?! Десять человек?!

— Десять, господин. Пятерым пришлось оказывать помощь мага-лекаря — сломанная челюсть, отбитые гениталии, перелом пальца, сломанные ребра, сломанные носы и выбитые зубы.

Молчание. Прерывистое дыхание ошеломленного господина, и тихое, неслышное — докладывающего слуги.

— Как такое может быть?! Его же никто не учил!

— Возможно, это его мать. Она прошла курс обучения единоборствам перед тем, как отправилась служить Императору. Все служанки проходят этот курс, чтобы в случае опасности встать на защиту господина и дать ему возможность уйти или организовать сопротивление.

— Да что ты мне рассказываешь?! КОМУ ты это рассказываешь?! —

раздраженно бросил господин, и задумался, постукивая пальцами по драгоценному дереву столика. Один такой столик, инкрустированный золотом, серебром и костью северного зверя стоил столько, сколько целая деревня зарабатывает за несколько лет каторжного труда.

— Простите, господин... — слуга поклонился и замер со склоненной головой.

— А парень-то хорош! — усмехнулся господин — Его талант нуждается в огранке!

— А что тогда делать с...бастардом? Уважаемые люди, детей которых он покалечил, требуют расправы. Готовы дойти с прошением до самого Императора!

— Кто начал драку? Ты выяснил? Как вообще это случилось?

— Я опросил почти всех, кто присутствовал на месте происшествия. Выяснилось, что сын главы Клана Сергаль Драдан ударил по руке бастарда, когда тот взял в руки пирожное, и сказал, чтобы Эдвин убирался прочь. Что он ничтожество, и ему нет место среди людей. На что бастард ответил, что в его жилах течет кровь Клана Императора, и если Драдан считает того, в чьих жилах кровь императора ничтожеством, значит, он не уважает кровь властительного клана. Драдан сказал, что ему плевать на эту кровь, и что бастард — ничтожество. И плюнул в бастарда. И ткнул пальцем в глаз Эдвину. Тот сломал этот палец.

— Молодец! — крикнул господин, и криво усмехнулся — Надо было и руку сломать!

— Он и сломал. После. А также отбил ему гениталии и сломал нос.

— Хмм...интересно. Значит, сын Главы Клана Сергаль не уважает императорскую кровь? Нет ли в этом отголосков бунта? Дети слышат то, что говорят родители, но в отличие от них не могут держать в себе тайну. Составь доклад, изложи все подробно. Обязательно — про то, что Драдан плевал на кровь Клана Императора.

Господин задумался, кивнул каким-то своим мыслям, продолжил:

— Значит, он ударил только тогда, когда этот мальчишка оскорбил Императорский Клан?

— Именно так. Доподлинно известно. Далее друзья Драдана попытались схватить бастарда и наказать за нападение. Со слов свидетелей — Эдвин бил их так профессионально и с такой силой, что одного удара хватало, чтобы выбить дух. Но он не успокаивался, и если видел, что они шевелятся — добивал, руками и ногами, а также подручными средствами, как-то: блюдами, кувшинами, а одному, самому активному, воткнул в зад двузубую хлебную вилку.

— Ха ха ха! Вилку?! Ну, молодец! Хорошо, что еще скажешь...очень хорош! Там ведь и постарше были?

— Были. Прибежал брат одного из побитых, ему четырнадцать лет. Он как раз впервые участвовал в бальных танцах. Так вот бастард швырнул его через себя каким-то хитрым приемом, и тот сломал себе три ребра, ударившись о край стола. Утихомирили бастарда только гвардейцы, угрожая ему копьями. Впрочем, он и не сопротивлялся.

— Мда... — протянул господин — Грех не использовать такие умения! И кстати, видишь, как я был прав, когда говорил, что живой бастард лучше мертвого? Что он поможет выявить ересь и бунт в среде аристократии! Вот Сергаль и раскрылся. Хорошо! Удачно вышло. Итак: полный доклад мне на стол, как и показания свидетелей. Убитых нет? Нет. Ну и хорошо. Пусть это будет детской дракой. Дети всегда дерутся, и глупо ограничивать их возню. И...найди Учителя. Да, да — того самого. Пригласи его ко мне для беседы. Будь уважителен. И на завтра, в полдень — бастарда с его матерью. Хватит ему бездельничать, пусть учится. Кстати, ты спросил его, где он научился драться?

— Спросил. Он сказал, что читал книги, в том числе старые, отыскивал там приемы единоборств и разучивал в одиночестве. Про мать ничего не сказал.

— Может и специально не сказал...а зачем он будет про нее говорить? Всю, иди. К завтрашнему дню доклад должен быть у меня.

Глава 11

Спал я тревожно. Болела голова после приема проклятого снадобья, мелькали картинки из прошлой жизни. Вернее — из прошлых жизней. Почему-то приснилась «здешняя мама» в шортах и майке. Вроде как мы с ней шли по широкой улице мимо витрин магазинов, и моя голова была аккурат ей в подмышку. А мимо проносились машины, навстречу шли девчонки со смартфонами возле уха, а я предвкушал покупку нового телефона — мама обещала! Глупый сон. Смесь всех моих воспоминаний.

Жаль мне «здешнюю маму». Хорошая была девчонка, это точно. Прожила совсем ничего...двадцать с небольшим лет. Меня не было с ней, когда она умирала. Меня после драки на балу увезли, и поселили в глухом поместье, где я общался только со слугами, и с теми, кого ко мне допускали. На целых восемь лет моим главным собеседником (если не считать других учителей), стал Учитель. Как его звали на самом деле, я не знал, и не знаю сейчас. Да его все так и звали — Учитель. Сухощавый, жилистый, невероятно сильный и ловкий — он был похож на многоборца на пенсии, который так и не бросил свои занятия спортом. Ни одной лишней жиринки, ни дня без занятий. Он бегал рядом со мной, делал все то, что делал я, только...лучше меня. Гораздо лучше. По крайней мере — до тех пор пока я не перешагнул рубеж четырнадцати лет.

Если нас поставить рядом, можно подумать, что мы родственники — оба сухие, жилистые, оба ничем не примечательные, даже взгляды, и то похожи. Учитель постарался за эти восемь лет сделать из меня то, что я сейчас из себя представляю. Сделать своей копией.

Впрочем, я и сам не знаю, что из себя представляю. Тот, прежний я — давно уже слился со мной нынешним. Невозможно жить в некой среде и не пропитаться ее духом, ее понятиями. Хотя конечно же мировоззрение меня-тогдашнего преобладает в моем мозгу. Например, я уже не удивляюсь тому, что в этом мире существует рабство. Принял это как факт, и таковое положение дел меня не шокирует. Вообще, я уже давно живу по принципу: наслаждайся каждым прожитым днем, и если ему следуешь — все становится на свои места. Я уже умер, так что каждый

прожитый день в новом, молодом теле — это подарок. И еще — зная, что смерти на самом деле нет — жить легче. Даже если я умру...то совсем не умру. Переселюсь в новое тело, да и снова буду жить. Так легче, правда. Все-таки те, кто верил в реинкарнацию как оказалось были правы.

О смерти мамы мне сообщили, но поехать на похороны не разрешили. Сказали, что уже все сделано — тело сожгли, а в родовом поместье поставили памятник. Почему сожгли? Потому что заболела странной болезнью — сгнила заживо в считанные дни. И не смогли помочь маги-лекари.

Может и к лучшему, что я ее не видел *такой*. Лучше пусть она останется в моей памяти красивой, сексуальной шальной девчонкой.

А еще — подозреваю, что ее убили. Ну, хоть убей не верю, что маги не смогли ее вылечить! Тут такие маги...удивительно, что богатые люди еще умирают. Маги-лекари творят с телами такое, что не и приснится земным врачам. Какой там рак, какие иммунные заболевания?! Тут даже конечности отращивают, чуму излечивают одним прикосновением! Только деньги плати, и немалые...

Зачем, за что убили? Да кто знает...может что-то увидела, услышала, когда служила Императору. А может из-за моего папаши. Когда он устроил бунт, собрав кучу своих сторонников, погибло много верных трону людей. Гражданская война, чего уж там...никто никого не жалеет. Хотя честно сказать, я не понимаю, какое отношение наложница имеет к своему господину — кроме как постельное дело. Если некий человек провинился перед государством — что, перестрелять всех наложниц, его собак, кошек и попугайчиков? Ну бред же, в самом деле. Хотя...тут другой мир, и есть в его понятиях кое-что от востока. А на востоке свое понимание справедливости.

Утром, в столовой, на меня косились, и едва не показывали пальцем. Ну да — подозреваемый в убийстве! Таскали на допрос, применяли сыворотку правды! Точно — убийца! И неважно, что не смогли доказать, народу-то виднее.

Никого знакомого не встретил, быстренько поел, не глядя по сторонам, и отправился на занятия. Уже перед самой аудиторией встретил сыщика, который вчера допрашивал. То ли он меня нарочно

ждал, то ли так получилось, но факт есть факт — мы едва не столкнулись у входа. Я попытался его обойти, но сыщик мне этого сделать не дал — ухватился рукой за плечо (я бы мог легко вывернуться и разбить ему лицо, но...само собой, это было бы опрометчиво), и наклонившись к уху, тихо сказал:

— Я знаю, что это сделал ты! Меня не обманешь! У меня чуйка, как у собаки!

— А вы не пробовали выслеживать оленей? — буркнул я, только ради того, чтобы хоть что-нибудь сказать. Очень уж не люблю оставаться в долгу.

— Мои олени — это такие, как ты — хмыкнул сыщик, все еще держа меня за предплечье — И я никогда не ошибаюсь. Не схожу со следа. И ты напрасно думаешь, что сумел ускользнуть. Семья умершего парня очень мстительна и жаждет крови. И неважно, что он был полнейшим говном. Это был их близкий человек. Сын, брат, племянник. Так что теперь жди ответного удара. Ходи, и оглядывайся.

После такого радостного сообщения сыщик выпустил мою руку и не прощаясь повернулся и пошел по коридору. Ну а я смотрел ему вслед, чувствуя, как внутри поселился предательский холодок. Будто только что выпил бутылку ледяного, на грани замерзания — пива. Ну что же...этого следовало ожидать. А что, если бы я убил этого парня на дуэли, было бы лучше? Вообще-то я собирался сделать именно так, но...потом все-таки передумал. Стоило мне влезать в судьбу девчонки, которая по большому счету мне безразлична? Я думаю — стоило. Я бы себя перестал уважать, если бы не предпринял какие-то шаги к ее спасению. И не жалею о том. Будь что будет. Зато поднял карму на несколько пунктов. Если меня все-таки убьют — возможно, что в новом теле жить мне будет гораздо комфортнее. Главное, чтобы в девку не засунули...хе хе хе...

— Студент Ольгард! — окликнул меня преподаватель, и я невольно подтянулся, едва не встав по стойке «Смирно!». Вот сколько лет прошло, а никак не могу избавиться от привычек служачи. Хорошо хоть рука не тянется отдавать честь.

— Студент Ольгард! Вам нужно пройти в медицинскую часть! —

скомандовал тот же преподаватель, и я невольно скривился, подозревая не самое лучшее. Здоров ведь, какого черта мне делать в медчасти?

«Предчувствия его не обманули!» — помню этот мультик про зайца — «Ты съел мою морковь!». В общем, в медсанчасти мне сообщили, что необходимо выпить вот это снадобье, не уточняя — что за снадобье, и какие плюшки мне за это свалятся. Само собой, что пить *это* я отказался — до тех пор, пока мне не объяснят, зачем такое надо. И что собственно от меня желают получить. На что получил раздраженный ответ от лаборанта, студента пятого курса, что я не должен кобениться, а просто взять, и опрокинуть содержимое мензурки в мой болтливый рот. В противном случае он сообщит о моем поведении в ректорат, и мне попухнет за мою строптивость. Само собой, я взбеленился на такое хамство, и посоветовал лаборанту засунуть мензурку себе в анус, а потом идти и жаловаться — можно даже в министерство внутренних дел. Или в министерство сельского хозяйства. А лучше всего — хозяйке портового борделя. Результат будет примерно тем же.

Скорее всего дошло бы до драки, но тут вмешался появившийся в лаборатории заведующий кафедрой лечебной магии, маг высшей категории Эрдель Жиссон. Так он мне представился. Мужчина статный, красивый, седовласый — как и большинство высших магов, он обладал умением втираться в доверие, чему способствовали его обворожительная улыбка и бархатный голос, так что ему не стоило большого труда погасить ссору и убедить меня принять лекарство. Я еще немного поартачился, но снадобье все-таки выпил.

С слов Жиссона, это снадобье на время увеличивало мои возможности как мага примерно раз в пятьдесят, доводя их до уровня высшего. И что это снадобье стоит больших денег. И вот чтобы «погонять» меня на высоких скоростях, мне устроили что-то вроде турбонаддува. Ну вот любопытно им, что же такое может из меня получиться!

Мой организм после принятия снадобья должен был войти в пик своей силы примерно через полчаса, так что осталось время отвести меня в подвальную лабораторию для испытания опасных или сомнительных по действию артефактов, представлявшую собой что-то вроде противоатомного бункера — с толстенными стенами, сложенными из грубых камней, сцепленных раствором, замешанным на куриных яйцах (по крайней мере, я о таком читал!), с дверью, окованной

толстыми листами бронзы, и четырьмя артефактами поглощения, стоящими по углам длинной комнаты, очень похожей на тир.

Я бывал в подобных тирах не раз, и не два — как минимум раз в полгода мы сдавали зачеты по стрельбе, ну а желающие оттачивали свое мастерство стрелка уже самостоятельно. Я хорошо стрелял, на уровне мастера спорта. Что немудрено — опер, который не умеет хорошо стрелять (как и драться), это желанная и законная добыча преступника. Кому нужен «беззубый» сыскарь? Который и задержание не может провести, и сам того и гляди попадет под раздачу.

В подвале было довольно-таки людно. Не менее десятка мужчин и женщин возбужденно переговаривались, когда я вошел в лабораторию, и замолчали, увидев меня. Я даже поежился — маньяки, да и только! Глаза горят, румяные, возбужденные — как коты, обступившие клетки с попугайчиком. Ну так хочется выволочь голубую пернатую гадину и поиграть, поиграть с ней! Пока не издохнет с жалобным писком. Воти я сейчас и был этим самым попугайчиком.

Поприветствовал толпу желающих получить комиссарское тело легким поклоном и громким возгласом: «Приветствую вас, господа!», что было воспринято благосклонно — кивками, а одна женщина, на вид лет около двадцати пяти-тридцати — очень красивая, ухоженная, модельного вида — помахала мне ручкой, будто давно знакомому и желанному кавалеру. После чего удостоилась нескольких быстрых взглядов от коллег.

— Студент Ольгард! — обратился ко мне профессор Диссамбль — Вас пригласили сюда для того, чтобы вы продемонстрировали уважаемому собранию, какими способностями обладает черный маг. Мы получили разрешение использовать снадобье, усиливающее ваши способности до некоторого уровня, превышающего ваш нынешний во много раз. Я предлагаю вам попробовать использовать ваш потенциал разрушения, попытавшись уничтожить некоторые предметы из тех, что установлены... во-он там (он показал на дальнюю стенку «тира»). Вы должны выбрать один из предметов и уничтожить его, послав в него проклятье, то есть — напустить порчу. А мы будем смотреть на то, как вы это делаете, считывать вашу ауру и записывать на зрительный артефакт. Это вам понятно?

— Понятно — хмыкнул я — Одно только непонятно: а каким образом

я могу все это сделать, если черное колдовство просыпается у меня только тогда, когда я сильно разозлюсь?

— Хмм... — озадачился Диссамбль — Я как-то об этом не подумал. У вас же еще ментальный барьер не сломан... Ладно, все равно попробуйте. Даже если не получится — мы понаблюдаем за происходящими в вашем организме процессами. Даже недовершенное заклятие уже изменяет ауру.

— Диссамбль, все-таки стоило вначале сломать барьер! — с досадой заметила там самая красавица, которая мне махала — Какого демона не озаботились этим сразу?!

— Собирались — так же досадливо ответил профессор — Но тут произошло событие...понаехали следователи, сыщик всех допрашивал, и...упустили из виду.

— Все как всегда! — язвительно заметила женщина, и помотала головой, будто отгоняя дурные мысли. Ей это наверное удалось, потому что лицо ее снова стало приветливым и прекрасным. А вот мне еще больше стало не по себе. Так не по себе, что захотелось встать, послать всех нахрен и уйти. И к черту эту поганую Академию! Сбежать, спрятаться в провинции, и...промышлять воровством и грабежами? А чем я еще могу заняться. Если только играть на лютне в тавернах — но мне нельзя будет появляться при больших скоплениях народа. Так что альтернативы нет — только криминал. А я не хочу грабить и убивать людей. Есть еще путь — пойти в наемники, но опять же — я не хочу убивать невинных людей!

— Сейчас мы все поправим! — радостно возопил Диссамбль, и наклонившись к лаборанту, что-то ему сказал. Тот кивнул, глядя на меня, и растворился за тяжелой дверью.

— Сейчас принесут снадобье, и мы начнем. Не беспокойтесь, господа — еще три часа пациент будет находиться на пике своей силы, так что мы успеем все увидеть. Если кто-то хочет пить, или слегка перекусить — вон там, на столике, есть все, что вам нужно — вплоть до легкого красного и белого вина. Сидящие тут же зашевелились, и несколько человек подошли к столику с угощением. Мне ничего не предложили.

Новое снадобье было иссиня-черным, густым, жгло глотку и

разогретым металлом опустилось в желудок. Чем-то похоже на водку, которая холодна, но горячит пищевод.

Как и в случае с первым снадобьем, я ничего, абсолютно ничего не почувствовал — опять же, кроме неприятного вкуса (стараясь не думать, из чего его варили. Очень похоже на дождевых червей). Как определить, действует снадобье, или нет? Да черт его знает! Ох, какие у них радостные рожи...как у детей в предвкушении получения мороженого. Какого черта? Неужели ЭТО на самом деле ТАК интересно?

Хмм...а это что? Что за свечение? Оп-па! Я ауры вижу! Точно! Я вижу ауры!

— Вы видите ауры, курсант? — Диссамбль видимо заметил мое смтение, и то, как я разглядываю толпу. Немудрено заметить, если у меня челюсть отпала. Одно дело неосознанно, в полусне, или в приступе злобы кого-то проклясть, и другое, когда ты ВИДИШЬ. Когда по твоему желанию творится колдовство!

— Вижу... — буркнул я, не особо заботясь о приличиях. Не добавил: «профессор», не добавил «господин преподаватель». Разговариваю на равных, как со своим товарищем по группе.

— Отлично! — обрадовался Диссамбль — Теперь получите конкретное задание! Видите вон тот обрубок бревна? Ну тот, на котором какой-то умник нарисовал глупую рожу (зрители захихикали). Выпусти в него заряд проклятья. Представь, что это бревно болеет, превращается в труху, рассыпается. Господа! Приготовились! Начинаем! Давай!

Я посидел, соображая, что же мне делать, и...стал фантазировать. Вот это бревно чернеет, делается старым, ветхим, вот оно...

Бревно рассыпалось в порошок с легким шелестом, почти не слышным с моего места! А может и вообще не слышным, а шорох был мной выдуман. Или это выдохнули зрители, увидевшие, что именно я сотворил с бревном, которое казалось почти несокрушимым.

— Отлично! Замечательно! — восхитился Диссамбль — Вы заметили, господа, как переменилась аура студента? Красные и черные линии возникли в самый последний момент, так, будто где-то лежали на хранении! Теперь вы поняли, почему черные маги практически никогда

не попадают в поле зрения наблюдателей? Их аура ничем не отличается от ауры обычного мага!

— Не совсем так — заметила с места красotka — Я отметила тот факт, что линии синего цвета, и линии зеленого цвета были толще, чем у мага даже уровня архимага. Имеется уклон в магию земли, что сейчас и доказал наш студент. Вначале запульсировали синие и зеленые линии, затем уже поднялись красные и черные. Делаю вывод — все эти цвета в организме черного мага взаимосвязаны.

— Хорошо, спасибо за комментарий — кивнул Диссамбль — теперь попробуем черную магию на металле. Студент, попробуйте то же самое с полосой металла. Давайте!

Я посмотрел...да, полоса металла толщиной в палец. Кстати — денег стоит. Металл, есть металл. Железо дорого, особенно хорошее железо. Неужели они ради того, чтобы посмотреть на мои способности уничтожат металл на несколько серебряных монет? А недурно обеспечивают Академию, не бедствует, точно.

Итак, поехали! Представляю, что железо рассыпается...раз, два, три...опа! А ничего и не происходит!

Еще раз!

Нет, эффект нулевой.

Та-ак...в чем дело? Начинаю закипать, злость тихонько вползает в душу...это что за черт?! Какая-то там железяка смеет сопротивляться?! Дана! Получи!

Полоса вдруг вспыхивает ярким, искрящимся светом и нагревается добела! Запах окалины, тепло, пахнувшее даже через расстояние, свечение — как от светильника!

Это что еще за чертовщина?! А ну-ка, держись, гадина! Кипящая, радостная ярость овладевает всем моим существом! Это как на ринге, когда противник не сдается, сопротивляется так, что только искры летят. А тебе не страшно! А ты не можешь думать ни о чем, кроме как о том, чтобы выбить дух из этого упрямого пацака!

И вот сейчас я уже жажнул, да так, что заболела голова и перед

глазами закружились черные мухи. Даже слегка затошнило — так я напрягся. Чем напрягся — не знаю. Но ощущение было такое, как если бы я поднял штангу запредельного, никогда еще не поднятого мной веса.

Искры! Треск! Полоса металла рассыпалась, опав на пол светящимися красными точками. Запах окалины усилился, а я рухнул на стул без сил. По лицу течет пот, руки мелко дрожат, в коленях слабость. Неужели я так слаб? Какая-то жалкая полоска металла?!

— Профессор, это что такое было?! — это подала голос женщина на вид лет пятидесяти, а на самом деле...может и двухсот. Кто у этих магов определит возраст — Я зафиксировала выброс магической энергии не менее чем в пятьдесят мегамадов! Мальчик едва не выгорел, вы только посмотрите на него! Ему плохо!

— Хмм... — Диссамбль слегка смутился, но тут же взял себя в руки — Успокойтесь, господа! Студент в порядке, я не сомневался, что он справится с заданием. Зато теперь мы знаем его потенциал! А что касается металла...как вы поняли, он был защищен от воздействия магической энергии. Я заранее подготовил эту полоску к работе, сделав из нее нечто подобное артефакту, сопротивляющемуся воздействию. Сделано это было с целью раскрыть потенциал студента, исследовать его способность преодолевать защиту объекта. Теперь мы знаем, что черный маг способен пройти через магическую защиту на уровне пятьдесят-семьдесят мегамадов. Кстати — в пике студень выдал именно около семидесяти мегамадов, что и зафиксировал считывающий артефакт. Сейчас я дам ему укрепляющего и мы продолжим. А пока — прошу вас делиться информацией о том, что заметили в ауре пациента во время его магической активности.

Они мучили меня еще два часа, подогревая бодрящими снадобьями. Наконец, когда я уже практически лежал пластом, меня сопроводили в общежитие, сказав напутственные слова, вызвавшие у меня желание бежать на край света:

— Замечательно поработали! Через неделю продолжим!

Почему через неделю? Потому что это самое снадобье усиления

способностей нельзя применять чаще, чем раз в неделю — иначе можно напрочь лишиться своих способностей. «Выгореть», как говорят маги.

Кстати сказать, я бы не особенно и протестовал против выгорания. Магом я быть не собирался, не хотел, и никогда не думал, что им стану. Да еще и черным магом. Лишнее внимание к своей особе — зачем? Все то время, что меня тренировали, делая из мальчика убийцу без страха и сожаления, затачивали под полное отсутствие магических способностей. И вот теперь я должен перестраиваться, что дается не очень-то и легко. Не знаю, с чем и сравнить...наверное, это как человека, долгие годы обучавшегося стрелять из всех видов легкого стрелкового оружия начинают учить стрелять из пушки. Тоже стрельба, тоже смертельно для противника, но...все ведь совсем другое.

Добравшись до постели я упал ничком, и тут же провалился в тяжелый, темный сон. Именно темный, черный, как угольная шахта без освещения. Оле Лукойе меня точно не любит, ведь я плохой мальчик, шалун, а значит для меня темный зонтик...

Проснулся уже под утро, еще до рассвета. Дурная привычка. Сотни раз я просыпался именно так — до рассвета, и клацая зубами от утреннего холода (или от лившихся за шиворот капель дождя) отправлялся бегать кросс. Надо отдать должное Учителю — он бегал рядом со мной, молчаливый и угрюмый, как сама смерть. Впрочем, это обстоятельство никак не извиняло взрослых, издевавшихся над ребенком так, будто это был половозрелый, взрослый призывник, который по долгу своему обязан был исполнять их дурацкие приказы. А я ведь был всего лишь домашним мальчуганом, который в своей жизни видел только дворцы, и мать, ветреную, хотя и совсем не глупую женщину.

Не знаю, что было бы, если бы в этом мальчишеском теле сидела душа настоящего Эдвина. Скорее всего он покончил бы с собой, не выдержав издевательств учебы. Впрочем — если бы в теле сидел настоящий Эдвин, до такой учебы точно дело бы не дошло. Не было бы драки на балу, а если бы и была, то не с таким разгромным счетом в мою пользу. А значит, не было бы и учебы.

Но все эти многочисленные «бы» не имеют никакого значения. В истории нет сослагательного наклонения: «что было бы, если бы...» Оставляю это для шустрых писателей-фантастов. Все так, как оно есть, и

по-другому быть не могло. Не знаю, существуют ли боги, но у меня большие, просто-таки огромные подозрения, что они есть, и что почему-то эти сущности занялись моей судьбой. Играют со мной, как ребенок с котенком. Могут погладить, а могут сделать больно. Потому что жестоки как дети...или как боги.

Глава 12

Интерлюдия

«...итак, что же такое магия? Никто не знает, что такое магия. Ну и чего смеетесь? Но...вообще-то и правда смешно — читаем лекции по магии, и сами не знаем, откуда она берется. Понимаю, да. Вот только смешного тут мало. Мы пользуемся магией, и не знаем, что это такое — это неважно. Мы знаем, что если нам нужно сделать что-то с помощью магии, надо просто захотеть это сделать. Но почему у нас получается это действие?

Профессор помолчал, задумался, помотал головой:

— В древности люди полагали, что магические действия можно произвести только тогда, когда ты произнесешь некое заклинание. То есть — набор слов, иногда осмысленных, иногда совершенно бессмысленных. И только уже в нашей современности ученые доказали, что никакие слова не могут повлиять на исполнение магического действия. Слова являются лишь способом концентрации внимания мага, способствуют наилучшему исполнению действия. Только недавно маги старой школы утверждали, что без нужных заклинаний невозможно работать чисто, максимально эффективно выдавая необходимую дозу магической энергии. Но...новая наука, представителем которой являюсь и я, наглядно доказала — магическое действие суть производное воли мага, управляющего природными стихиями. Как так получилось, что некоторые люди вдруг обретают способности к магии — это знает только Создатель. Но факт, есть факт: примерно в четырнадцать лет от роду человек иногда обретает способность делать такое, что недоступно большинству из людей.

Помолчав секунды три, собравшись с мыслями, профессор продолжил:

— Способности к магии различают по стихиям, хотя разделение это грубое и совершенно не соответствует действительности. Одни лучше управляются с воздухом, другие с водой, третьи с огнем и четвертые с

твердыми предметами, то есть — маги земли. Но это разделение имеет значение только для нас, преподавателей. Так мы отмечаем тех, кто лучше работает с определенной стихией, и уже на втором курсе делаем разделение по группам, давая каждой из них то, что пригодится для работы в будущем. Например — зачем магу воздуха особые знания о том, как работать с пламенем, и существами, которые в нем обитают? И наоборот — зачем магу огня знать все тонкости работы с воздушными элементами, и с северными ветрами, приносящими на землю благодатные дожди.

— А к кому относятся черные маги? — с места крикнул Керл, с улыбкой поглядывая на каменно-спокойного Ольгарда — В какую группу вы запишете их?

— Для черных магов...черного мага у нас есть индивидуальная система обучения, сопряженная с научными изысканиями, предпринимаемыми нашей Академией. Не забывайте — Академия не только, и не столько учебное заведение, каждый год выпускающее несколько сотен магов. Это еще и крупный научный центр, занимающийся исследованием магии, и разрабатывающий наилучшие способы ее приложения для вящей славы нашей Империи и ее великого Императора! Да славятся его дни! Чтобы как следует изучить феномен черной магии, мы должны ее полноценно исследовать. Увы, под сенью Академии имеется только один черный маг, так что статистические данные не могут быть полными. Нам просто не с чем сравнить данные, полученные после тестирования этого мага. Но мы будем вести работу и дальше! Уверен, что в скором времени мы продвинемся в исследовании магии настолько, что такое нам не могло и присниться.

Итак, сейчас мы поговорим о каждом из видов магии, рассмотрев их подробнее, и определив в каждом виде магии подгруппы, которые вполне свободно могут и пересекаться. Все получили в библиотеке «Основы магии»? Отлично. Тогда внимательно слушайте. Имейте в виду — ваша успеваемость, это не просто успеваемость. Это ваша жизнь. Если вас отчислят из Академии за хроническую неуспеваемость, министерство магии, гильдия магов могут принять решение о вашей ликвидации, как вредного и опасного человека. Не способного контролировать свою магию. Это очень серьезно, не думайте, что я вас пугаю. Такие случаи были, хотя и редко. На моей памяти трое отчисленных из Академии студентов умерли, казненные по решению

высшего руководства империи. И я поддерживаю это решение. Дурак со способностями мага — это страшно. Один даже попытался спрятаться где-то в провинции, но...его нашли. В Академии хранятся ваши кровь и волосы, так что найти вас не оставит никакого труда. Маг — это не только способности, власть над стихиями, богатство и уважение в обществе. Это еще и ответственность. Общество много вам дает, но и много спрашивает.

Ну что же...вводную часть заканчиваю, перехожу к отдельным видам магии. И начнем мы с «воздушников»...

— Господин Диссамбль! Я отказываюсь участвовать в ваших экспериментах — спокойно говорю я, твердо глядя в лицо профессора. Тот неприятно удивляется, и слегка нервно спрашивает:

— В чем дело, курсант Ольгард? Вчера вы отнеслись к нашей работе спокойно, без возмущения. Что изменилось? Почему вы не хотите участвовать?

— Потому, что это отнимает слишком много сил и времени — так что спокойно говорю я — А почему я должен бесплатно работать на Академию? Меня поселили в одну из самых убогих комнат! У меня нет денег, чтобы жить в платной комнате. И у меня за окном не сад, а внутренний двор, можно сказать — помойка. Я живу не один, а со своим соседом, который хоть и хороший парень, но храпит и пердит, что твоя лошадь. Я не получаю от Академии ни медной монеты за то, что меня исследуют, будто какой-то артефакт. И разве это справедливо? Нет, господин Диссамбль, это неправильно. Я так не согласен.

— Ну и что ты хочешь? За свою работу в качестве подопытного? — слегка с интересом и нотками иронии спросил расслабившийся Диссамбль. Похоже что он ожидал худшего. Ну а сейчас пошел нормальный торг, а где торг — там бывает и соглашение.

— Отдельную комнату на одного! — отрезал я — С окнами в сад! С туалетом и ванной комнатой! Плюс еженедельное содержание — пять монет серебра! Ну...в общем-то и все.

— Хмм... — Диссамбль подумал, пожал плечами — Почему бы и нет?

Ты делаешь важную работу, и в самом деле — должен получать за нее вознаграждение. Я могу устроить тебя лаборантом, и тогда ты будешь получать законную заработную плату. Что же касается комнаты...это в ведении Ректора. Я поговорю с ним. Думаю, мы это решим.

— Когда поговорите? — спрашиваю я, сдерживая радость, рвущуюся наружу.

— Да сейчас и поговорю — кивнул профессор — Мне все равно надо к нему зайти по своим делам. Вот и еще повод пообщаться. Иди на занятия. О результате разговора я тебя извещу.

Повернувшись, профессор ушел не оглядываясь, а я, дождавшись, когда его спина скроется за поворотом, радостно ухмыльнулся, а потом подпрыгнул и рубанул воздух ладонью: — Йес! Получилось!

— Чего у тебя получилось? — как из воздуха материализовался Керл — Неужто кончил пять раз подряд?

— На тебя, что ли? — фыркнул я, и Керл радостно заржал, от чего две студентки ускорили шаг и едва не побежали по коридору, помня, какими способностями обладает этот парень. Неужели увидел у них под одеждой что-то такое, что вызвало его громкий смех?

— Зачем на меня? Кстати, с тобой хотела поговорить Верга.

— О чем? — поморщился я — В последний раз, когда мы виделись, она много чего мне наговорила.

— Насколько знаю — сильно жалеет, что наговорила тебе гадостей. Хочет извиниться. Я тебе уже говорил — она так-то девчонка совсем не плохая. Болтанула лишнего — так девчонка же, башка дурная. Девчонки они все такие — наговорят всякой чуши, а потом переживают. Их надо прощать! И...это...по секрету...фигурка у нее — отпад! Такие ножки! Такая грудь! О Создатель, да если бы даже она мне не то что наговорила — помочилась на голову со второго этажа — я бы ей простил, лишь бы дала потрогать сисечки! И не только сисечки...у нее...там...все гладкое, как у младенца, представляет! Никакой растительности!

— Откуда знаешь? — нахмурился я, и тут же спохватился — Ах да...забыл. Я уж думал, что у тебя что-то с ней есть.

— Какое там! — вздохнул Керл — Я подкатывался, но она ни в какую. Недотрога! Какие там сисечки — за руку-то взять не дается. Я разозлился, и говорю: эдак вечной девственницей останешься, парней отшиваешь! Говорят, что с годами девственность утолщается и ее только лекарям убирать. Да и то не всегда можно. Надо пораньше ее лишиться! А она ТАК на меня глянула — думал, убьет! Аж побелела вся, затряслась! Говорю же — недотрога хренова. И видишь что — тобой заинтересовалась. Ну конечно — ты у нас человек известный, о тебе только и говорят! Немудрено, что она в тебя втюрилась.

— То есть? — неприятно удивился я — Вот с этого места подробнее. Что значит — человек известный? Чем известный? И кто это обо мне говорит?

— Хмм... — смутился парень — Ну...поговаривают, что ты бастард какого-то известного человека, чуть ли не королевского рода. А еще — что это ты убил того парня! Ну...чтобы в дуэли не участвовать. Он вообще-то был говенным человеком, но его все боялись — из-за родителей. Уж больно у него родители могущественные. С ним никто не хотел связываться, а ты не побоялся. А еще — ведь ты единственный черный маг на две Академии! погоди еще — скоро преподаватели из Академии простолюдинов приедут на тебя смотреть. Так что ты у нас личность очень даже популярная. И кроме того...красавчик! Ты в зеркало на себя давно смотрел?

— Смотрел — пожал я плечами, придавленный грузом информации — И чего такого? Провинциал, дурно одетый, дурно постриженный, нищий — кому я такой нужен?

— Ко мне уже пятеро парней подваливали, про тебя расспрашивали — хохотнул Керл — И семеро девчонок! Две, кстати, со старших курсов! Одна, правда, толстушка...но ты сам знаешь — сейчас толстушка, а завтра станет красоткой. Кто откажется по-дружески помочь коллеге-магине? Обстругают — будет самая лучшая красавица в округе! А ты или прикидываешься, или правда не понимаешь: на самом деле ты красавчик. Тебя приодеть, постричь — так вообще будешь как с картинки в любовном романе!

— На лекцию пойдем...сейчас колокол ударит — фыркнул я, совершенно не представляя себя в роли героя-любownika.

— Так что Верге ответить? Будешь с ней разговаривать? — крикнул мне вслед Керл.

— Так я и не переставал с ней разговаривать! Это она со мной отказалась говорить — ответил я на ходу, и поспешил войти в аудиторию. Только я вошел, занял место в середине ряда — и ударил колокол, возвещающий начало занятия. Вовремя успел. Терпеть не могу опаздывать.

Меня вызвали в ректорат после окончания последней лекции, на которой нас учили, как нужно вводить себя в транс, и вообще — зачем это нужно. В транс я входить умел, и получше чем многие из магов. Это почти что первое, чему научил меня Учитель. Казалось бы — какое отношение имеет это умение к искусству убивать? А самое прямое. Тот, кто входит в транс — не промахивается. Тело действует автоматически, и значит — не допускает ошибок. Кроме того, человек, находящийся в транс, может драться даже получив смертельную рану — до тех пор, пока не истощатся его жизненные силы. Он не чувствует боли, его не отвлекают внешние раздражители, он ничего не боится. Транс — это не только, и не столько состояние организма подобное сну. Это особое форма восприятия мира, когда ты отбрасываешь все чувства, все желания — кроме одного: сделать то, что обязан совершить. Убить, и остаться в живых. Так что меня не надо учить вхождению в транс, я сам могу кого хочешь этому обучить. Потому всю лекцию я в полудреме наблюдал за передвижением преподавателя у демонстрационной доски. Вернее — преподавательницы, ибо это была женщина. Та самая женщина, красotka, которая присутствовала на испытаниях объекта под названием «Эдвин Ольгард». Как оказалось, ее имя Содия Альфарец, и специализация дамы — магия воздуха и психология. Соответственно, она читала лекции воздушникам, и тренировала студентов в медитации, и всякой такой латате.

Следить за дамой было приятно — великолепная фигура, круглая попа, торчащая грудь и очень красивое, холеное лицо — все это способствовало концентрации внимания на ее организме. Собственно на медитацию оставшегося интереса не хватало. Сдается, что преподавателям вроде нее надо запретить работу в Академии, или заставить портить свою внешность дрянной одеждой и уродливым макияжем. Иначе кроме как к слюноотделению (и не только) у

половозрелых, мечтающих о сексе подростков ее лекции не приведут.

Отвык я вот так учиться. Аудитория, студенты, преподаватель...прямотаки ностальгия по молодости. Хмм...той, молодости, прежней. Хотя и уже привык жить в этом мире, а все равно нет-нет, да и закопошится в душе червячок ностальгии, тоски по родному дому. Здесь все чужое, не мое... А иногда вообще вдруг кажется, что это не настоящее, вроде как живу в игре. Вот только боль и кровь настоящие, не игровые.

— Студент Ольгард! Вы же студент Ольгард?

Оглядываюсь — девушка, миленькая такая — небольшого роста, ниже меня сантиметров на десять, и очень, очень приятная. Секунды две вспоминал, где же ее видел. Вспомнил — в канцелярии! Сидела в углу, когда я оформлял бумаги. Видимо что-то вроде офисной девушки, которая и за кофе сбегает, и за пирожками, и курьером поработает.

— С утра был студентом Ольгардом — колюсь я, и тут же добавляю — С кем имею честь разговаривать? Кто вы, благородная дама?

— Хмм... — девушка слегка зарделась, поклонилась, уставившись взглядом в пол — Я простолюдинка, господин Ольгард. И не дама, а девица!

— Это обнадеживает — лучезарно улыбнулся я — Значит, ваше сердце еще не занято. Хотите, я на вас женюсь? Будем вместе растить наших семерых деток!

— Семерых?! — девушка вытаращила глаза, потом звонко расхохоталась — Я вам что, ферма?! Вы решили, что я свинья?! Чтобы семерых детей!

— Ну как я могу назвать вас свиньей?! — возмутился я как можно натуральнее — Такую прекрасную, такую желанную, такую...такую...

— Ой, перестаньте, господин Ольгард! — девушка снова зарделась, прикрыла ладонями лицо — Совсем меня смутили! У вас небось куча поклонниц благородного происхождения, зачем вам дочь писаря канцелярии?! Да я и маленькая совсем...не расту. Все парни любят высоких девушек!

— Ну прямо уж все... — запротестовал я — Мне вот нравятся

маленькие, миленькие, стройненькие девчонки. Ну в точности такие как вы, милая...как вас звать? А то как-то даже неудобно — вы меня знаете, а я вас нет.

— Милена Здрагна — тут же откликнулась девушка.

— Ваши предки пришли с севера? — кивнул я — Здрагны, это северная фамилия. Только там все такие...хмм...

— Здоровенные, да? — хихикнула девчонка, который от силы было лет шестнадцать. Впрочем — могло быть и больше. Такие милашки выглядят младше, чем есть на самом деле.

— Ага! Сколько ни видел северянок — они просто пугают. Говорят, на крайнем севере, за границей, северянки воюют вместе с мужчинами. То-то они такие огромные! Пугающие. А вы, милая Милена — ах, какое у вас милое имя! — меня не пугаете. Вы меня притягиваете, как паук муху в паутине! Накинули на меня липкую нитку, и тянете, тянете, а потом... ам! (я выкрикнул громко, так, что несколько студентов оглянулись, а Милена вздрогнула и захихикала) И сожрала! Такие миленькие как вы только и ждут, чтобы полакомиться несчастными влюбленными парнями! Сознаться, сколько парней сожрали в своих любовных сетях?

— Ох... — Милена красная, как пунцовая роза, с улыбкой осуждающе помотала головой — Ну у вас и язык, господин Ольгард! То-то говорят, по вам девушки сохнут! А я простая девушка, и не умею так красиво говорить. И никаких я парней не съедала. И вообще у меня нет парня. И не было. У меня папенька строгий! Никуда не отпускает — ни на балы, ни по городу гулять. Иногда даже плачу потихоньку — вот же дал Создатель папеньку! Эдак девственницей и помрешь! Ой!

Она зажала рот рукой, и вытаращив глаза посмотрела на меня — Да чего это я разболталась-то?! И с кем?! Простите, господин, я забылась... простите!

Милена поклонилась, повернулась, видимо собираясь уйти, и тут вдруг вспомнила:

— Ой! Я для чего приходила-то?! Меня прислали сообщить, что за вами закреплена комната — до конца обучения в Академии. Все оплачено за счет учебного заведения. Ключи можете получить в

канцелярии. Поздравляю вас! С новосельем!

— А что за комната? — слегка опешил я (неужели так быстро решился вопрос?) Какой номер? И вот что...придешь ко мне на новоселье?

— Нет, не приду — со вздохом ответила девушка — Папа меня просто убьет. Он строго-настрого запретил заходить в комнату к студентам. Говорит, что как только зайду — меня тут же и...в общем — нельзя заходить. Знаю, что вы не такой, вы порядочный! Я чувствую это, но... нельзя.

— И что, в город совсем не выходите? Даже на рынок? — усмехнулся я, а барышня мило закусила нижнюю губку и вздохнула так, что казалось — лиф ее платья сейчас треснет до пояса, подpiraемый вполне себе приличной грудью.

Всегда нравились маленькие девушки, эдакие дюймовочки. Может потому что сам не отличался особо большим ростом. Да и сейчас я вовсе не Гулливер. Как говорил Учитель — человеку среднего возраста легче затеряться в толпе, он ничем и никак не выделяется. А если перед этим еще изменить рост... Как изменить? Да запросто! Например — надеть мешковатую одежду и сгорбиться. И ты будешь выглядеть едва ли не карликом. И наоборот — надень плотно сидящую на теле одежду, сапоги на высоких каблуках, измени осанку, сделай спину прямой, как кол проглотил — и все свидетели потом скажут, что тот, кого ищут, был худой и высокого роста, выше среднего. Простейшая маскировка, но очень, очень действенная.

— Выхожу. С мамой, или с отцом — вздохнула девушка, и посмотрела на меня влажными оленьими глазами. Помолчала, и грустно добавила — Пойду я...господин Ольгард.

— Стой! — вдруг скомандовал я, и тихо сказал, убедившись, что нас никто не слышит — А где ты живешь? Окна куда выходят?

Девчонка вытаращилась на меня, как на явление посланника Создателя, и отрицательно помотала головой:

— Нет, нет, что вы! Как можно?! Нет, нет! В Староконюшенном, дом пять...только у нас собака! Окна в сад выходят, на моем окне...кукла на

подоконнике. Только вы не приходите! Папа не пустит! А еще жалобу напишет в ректорат, и вас накажут! А если поймают на месте — может и застрелить! У него всегда под рукой лук имеется, он ведь бывший военный. А еще у него меч есть, и не один. И копье. Знаете, он сильный какой? Он два мешка с зерном поднимает, и с ними идет, как будто они ничего не весят! Вот!

— А в кого же ты такая маленькая? — улыбнулся я.

— Не знаю... — вздохнула девчонка — Мама меня поздно родила, сама не ожидала, что может забеременеть. Я слышала, как они с папой разговаривали. Я поскребыш, то есть меня наскребли напоследок. А братья и сестры у меня обычные, большие. А я вот не расту! Ой! Опять я несу что-то непотребное, ну все вам рассказала, чего и нельзя было! Все, отпустите меня, господа! Мне нужно идти!

— Я бы увел тебя на край света — почти искренне сказал я — Взял бы за руку, и не отпустил, никогда и ни за что! Потому что другой такой нет на всем белом свете!

Девушка судорожно вздохнула, коротко поклонилась и быстро пошла по коридору — пунцовая, с внезапно заблестевшими глазами, прижимая собранные в кулачки пальцы к груди. Ну а я пошел следом, выждав, когда девушка скроется в паутине коридоров. Шел, и ругал себя последними словами — зачем я это сделал? Хотел проверить, как работает магия? Проверил. А теперь что? Влюбил в себя девушку — на кой черт? Ну почему мне в голову стукнуло подпустить в мой голос вибрации, вызывающие доверие и приязнь? Я умел это делать и до того, как стал магом, но теперь...теперь это умение вышло на новый уровень. Заговорить, вызвать к себе доброжелательное отношение, не выглядеть опасным — это искусство, этому учат. Этому меня научили очень даже хорошо. И плюс магия! Страшная сила. Надо все обмозговать — как использовать и где. И ведь магии применил всего ничего — так, подпустил слегка в голос, представил, что эта девушка в меня влюблена, что она мне доверяет, как самому близкому другу, что...она меня хочет. Мечтает обо мне! И у меня получилось. И я вроде бы рад тому, что получилось, а с другой стороны...нехорошо. «Поматросил и бросил».

С этими мыслями я и дошел до канцелярии, где хмурый здоровенный мужик со шрамом на щеке выдал мне ключи от комнаты, где я теперь буду жить. Кстати сказать, похоже это и был отец Милены, и

походил он больше на гориллу, чем на отца миленькой Дюймовочки, мечтающей о плохом парне, который ночью взлезет в ее окно. (Я что, дурак?! Да не собираюсь я лезть в окошко к девственнице! У которой папаша запросто может надеть кавалера на копьё...)

Когда я узнал, какую именно комнату мне предоставили — узнал из подписанного мной договора — мне слегка поплохело. Не то, чтобы я был очень уж мнительным — наплевать на всякие там...хмм...суеверия, но... В общем — жить я буду в той комнате, в котором ранее проживал убитый мной мажор. И я знаю — почему именно там. Мне была обещана отдельная комната...хмм...нет, не обещана, я потребовал, и мне обещали рассмотреть просьбу. Рассмотрели! И как замечательно рассмотрели! В этой комнате скорее всего никто не соглашался жить, ведь в ней убили человека! Она опоганена! Так что убили двух зайцев — и мою просьбу выполнили, и в деньгах не потеряли. Вот так надо работать! Бах-бах, и...готово. Молодцы, чего тут еще сказать...

Глава 13

Ретроспектива

— Меня звать — Учитель.

— Просто учитель?

— Не учитель, а Учитель! Так меня зовут все.

— А я не хочу звать учителем! Я хочу звать вас настоящим именем!

— У меня нет другого имени, кроме как Учитель. Я же тебя буду звать Ученик.

— Мое имя Эдвин Ольгард! И только так!

— Мне безразлично, как тебя звали раньше. Теперь ты Ученик. И прекрати свои попытки вывести меня из равновесия, это бесполезно. Ничто на свете не может вывести меня из равновесия. Если ты будешь хорошим учеником — станешь таким же, как и я.

— Убийцей?!

— Мы не говорим — «убийца». Мы говорим «мастер».

— Но это же отвратительно!

— Что именно?

— Убивать людей!

— Почему?

— Ну...нельзя убивать людей! Это неправильно!

— Почему?

— Да что вы заладили «почему, почему»...неужели сами не

понимаете, что это нехорошо — лишать людей жизни! Уж на то пошло, лишь тот, кто дал людям жизнь, вправе ее забрать! Создатель, например!

— А с чего ты взял, что мы не руки Создателя? И скажи мне, ты на самом деле считаешь, что все люди заслуживают жизни?

— А разве нет?

— На этой неделе казнили разбойника, который грабил караваны. Он убивал всех, кто там был. Но прежде забирали к себе в логово женщин, девочек, молоденьких мальчиков. В логове их насиловали — все, толпой, а потом устраивали игрища. Я не буду тебе рассказывать, что с ними делали, скажу лишь, что умирали они долго и трудно. Очень трудно. А потом их ели.

— Что-о?! Как это — ели?

— Как едят свиней. Баранов. Коров. Готовили специальным образом, и ели. Вожак любил человечину, и приучил к ней всю свою шайку. Их все-таки нашли. Пришлось задействовать гильдию магов. Уж больно страшные ходили рассказы об их художествах. Так что пришлось хорошенько потратиться на поиск, задействовали даже летающие корабли.

— Летающие корабли?! — поразился мальчик — А что, такие есть?!

— Есть. Но очень мало. Их осталось пять, или шесть, я точно не знаю. Вообще-то количество этих кораблей государственная тайна. Корабли остались от прежней цивилизации, которая была до нас. Но речь не о том. Итак, разбойников поймали, часть их перебили на месте — они отчаянно сопротивлялись, бросались на солдат как стая безумных шакалов, знали, что с ними будет. Но примерно треть шайки уцелела. Правда ненадолго — когда солдаты увидели, что творили эти мерзавцы, когда нашли маленькую девочку над костром на вертеле...большинство разбойников остались на кольях вокруг логова. И умирали они долго. И ни один офицер ничего им не сказал. А вот главаря и его ближних подручных не убили. Взяли с собой. А после суда казнили на Имперской площади. Главарю вспороли живот, вытащили внутренности, но не позволили умереть — за этим следили маги. Потом содрали с него кожу. А затем посадили в ящик и оставили на площади, и дежурный маг

следил, чтобы этот негодяй продолжал жить. Месяц он продержался. Когда вытащили его из ящика, он был весь покрыт личинками мух, которые ели его живьем.

— Меня сейчас вырвет... — срывающимся голосом сказал мальчик — За каким демоном вы мне рассказали эту дрянь? Вы что, извращенец? Наслаждаетесь рассказами о зверствах?

— Вот теперь скажи мне, мальчик...этот человек заслуживает жить, или нет?

— Не надо меня путать! Само собой разумеется, что такая пакость не должна жить! Мы-то говорим о совсем другом! Например — если кто-то отдаст приказ убить своего политического противника, что это будет?

— Хорошо, давай разберем этот случай. Ну, вот представь, что некий высокопоставленный придворный решил захватить трон. В Империи стабильность, работают законы, люди живут вполне неплохо. Нет войны, есть у людей будущее. А этот бунтовщик хочет ввергнуть империю в хаос, пролить море крови, уронить экономику страны так, что людям нечего будет есть. Когда начинается война — горят посевы, вытаптываются поля, армии не смотрят на то, что жители голодают и умирают. Главное — достигнуть цели. Или отбиться от бунтовщика, или, наоборот — захватить трон. Всем плохо. И это только потому, что некий человек решил нарушить закон в угоду своим амбициям. Так вот скажи мне, Ученик...если устранение этого человек сохранит жизнь сотням тысяч, миллионам невинных людей — ты сделаешь это? Спасешь людей?

— Вы как-то все выворачиваете...с ног на голову ставите — угрюмо буркнул мальчик, и глаза его дернулись в сторону, будто он не хотел встречаться прямым взглядом с Учителем — Ну да, согласен...это стоит того.

— Так почему ты тогда сопротивляешься? Почему говоришь глупости о ценности жизни ВСЕХ людей?

— Честно? — хмыкнул мальчик, и глаза его блеснули — Чтобы вас позлить. Меня раздражаете вы, меня раздражает это дурацкое глухое поместье, меня бесит то, что не спросив моего мнения, меня увезли от матери, с которой мне было вполне недурно жить, и собираются сделать

из меня палача! Понимаете?! Я что вам, вещь? Почему все решают за меня, не спросив, чего я хочу?

— А чего ты хочешь? — неожиданно, и так же спокойно спросил Учитель.

— Чего хочу? — слегка растерялся мальчик — Жить, разумеется! Жить как все люди! Как все дети, демоны вас задери! Уж на то пошло — я из древнего, благородного рода, и делать из меня палача просто... хмм...неприлично!

— неприлично? — позволил себе усмехнуться Учитель — Забавное слово. Для тебя теперь нет этого слова. Все, что способствует достижению цели — прилично. Говоришь, что хочешь жить? А как ты думаешь, почему тебе, бастарду бунтовщика, позволили жить?

— Откуда я знаю? — помрачнел мальчик — Вам виднее. Нет, не знаю.

— И я не знаю — пожал плечами Учитель — Такова воля Императора, и никто не может его послушаться. Ослушание — смерть. Ты хотел бы умереть? Не отвечай. Я знаю ответ. Так какого демона ты задаешь глупые вопросы? Ты должен исполнять волю Императора, так же, как и я. Ты живешь по воле Императора. А если ослушаешься — умрешь. Ты понимаешь это?

— Понимаю — вздохнул мальчик.

— Будешь учиться?

— Буду.

— Чему будешь учиться?

— Всему.

— Без нытья и рассказов о жалости к людям?

— А вот этого не обещаю. Я не цепной пес, чтобы грызть всех, на кого укажет хозяин. Я должен понимать, что делаю, и чем провинился человек. Если хотите превратить последнего в древнем дворянском роду в палача — как я вам могу помешать? И выбор ясен — смерть, или

жизнь. Так пусть они сдохнут сегодня, а я — завтра.

— Интересное высказывание! — усмехнулся Учитель — Где-то слышал, или сам придумал?

— Где-то слышал — отрезал мальчик, не глядя на учителя.

— Хорошо. Тут мы добились прогресса. Теперь расскажи мне, где ты научился драться так, как дрался на балу?

— Читал книги, тренировался сам с собой. Делал бой с тенью. Ну я же уже рассказывал! Неужели вам не довели?

— Запомни, мальчик — я спрашиваю, ты отвечаешь. И без лишних слов.

— Ну, я и ответил. Сам изучил.

— Тогда иди сюда, покажи, что умеешь. Ударь меня! Ну что смотришь? Бей! Ты ненавидишь меня, ненавидишь всех, кто отнял тебя у матери. Отомсти! Ударь меня!

Мальчик наносит, вернее изображает удар правой рукой в поддых, отвлекая внимание, и тут же резко выбрасывает ногу, пытаясь попасть носком ботинка в пах седовласому учителю. Именно пытаясь, потому что у него ничего не получается. Учитель ловко останавливает его ногу своей, упираясь подошвой мягкой туфли в голень выше ступни.

Мальчик мгновенно меняет стойку, и в развороте бьет пяткой в живот противнику. Пытается ударить. Тот вроде как и не двигается, но в последний момент каким-то непостижимым образом уходит от удара, и пятка проскальзывает по твердому, как доска животу, оставив на светлой рубаше темную полосу.

— Достаточно — кивает Учитель — Ты кое-что умеешь, но скорость движения у тебя настолько мала, что... Посмотри на стену, что там видишь?

— Деревянную обшивку — отвечает мальчик, переводя дыхание — Оружие.

— Выбери то оружие, которое тебе подходит — кивает Учитель — То,

что лучше всего подходит для твоей будущей работы.

— Хотите понять, не совсем ли я дурак? — криво усмехается мальчик — не возьму ли я вон то копье? (указал на трехметровое древко с длинными листовидным наконечником) Или этот меч? (показал на двухметровое чудовище, орудовать которым может только исполин).

— Я что тебе сказал ранее? — Учитель отвердел лицом, и в его руке будто по волшебству появился тонкий кожаный хлыст на небольшой, обитой кожей рукоятке — Одно предупреждение уже было, но ты продолжаешь болтать. Это недопустимо.

Хлыст-кнут свистнул, и мальчика обожгло резкой, острой болью, так что мальчугана перекосило. Рубашка на плече лопнула, и на белой ткани расплылось красное пятно. Мальчик с ненавистью уставился на мучителя, и его рука непроизвольно сжалась в кулак. Но Учитель не обратил никакого внимания на гнев ученика.

— Иди, и выбери оружие. А потом я позволю тебе попробовать меня им убить.

Глаза мальчика на мгновение сузились, губы скривились в неприятной, многообещающей улыбке. Он предвкушал месть!

Первым в руку лег острый как игла стилет, рукоять которого, совсем простая, без каких-либо украшений, за долгие годы была вытерта до блеска чьей-то ладонью. Похоже, что стилет постоянно был под рукой, и некто во время ходьбы держал на нем свою руку. Крепкий трехгранный клинок с крестовидной гардой позволял принять на него и довольно-таки тяжелый меч, но все-таки основным назначением стилета было тихое убийство. Раны от стилета почти не кровоточат, ткнул человека, и шагай дальше, а все вокруг так и не поняли, почему тот вдруг упал.

— Правильный выбор — кивнул Учитель — Видишь бороздки? В них может находиться яд. Выбирай еще оружие.

Вторым был пояс с небольшими метательными ножами. Они явно не могли сильно повредить человеку сами по себе — так, легкие раны, если, конечно, не попасть в артерию, или в глаз. Скорее всего, их окунали в яд, о чем и говорил темный налет на их лезвии (мальчик выдернул из перевязи пару ножей и осмотрел).

— И это верно. Еще!

Третьим был самый обычный нож из стали, которую на Земле называют «дамаск». Многократно, десятки, сотни раз прокованная сталь лезвия, собранная из пучка тонких стальных прутьев, имеет на своей поверхности специфический рисунок, похожий на морозные узоры. И этот нож выглядел совсем простым — если не знать его настоящей цены.

— Вот тебе три вида оружия, которое ты будешь применять. Можешь использовать все три против меня. Когда будешь готов — скажи.

Мальчик недоуменно посмотрел на учителя, потом дернул левой бровью вверх, и решительно надел на себя перевязь, хотя и не очень умело. Учитель наблюдал за его действиями стоя спокойно, будто статуя. На перевязи было место будто специально сделанное для стилета — мальчик сунул клинок в узкие ножны, потрогал — не выпадает ли, нож он держал в левой руке. Задумавшись, будто что-то вспоминая постоял на месте, опустив голову, потом как бы спохватился и посмотрев на учителя, негромко сказал:

— Готов!

Глаза парнишки снова на мгновение прищурились, будто он выбирал себе мишень, и когда Учитель сказал: «Начали!» — рука мальчика дернулась к перевязи и первый нож отправился в полет. Чтобы загреметь по каменному полу.

Та же судьба ждала и остальные пять ножей — Учитель уклонялся от них легко, будто танцуя, и ясно было, что убить его можно, только если напасть на него со спины.

Когда метательные ножи закончились, мальчик ловким движением перебросил нож в правую руку, а стилет в левую, и осторожными шагами стал приближаться к Учителю.

Через несколько секунд два клинка звеня покатались по полу, а мальчик стоял на колене, прижав руки к солнечному сплетению и тяжело, с натугой дыша. Из глаз его катились слезы, а лицо было искажено гримасой ярости и боли.

— Больно? — участливо спросил Учитель, и тут же довольно кивнул

— Это хорошо! Ты должен запомнить, что если на кого-то нападаешь, пусть даже он и безоружен, ты не должен считать его слабее себя только потому, что у тебя есть оружие, а у него нет. Возможно, что он может отобрать у тебя ножи и засунуть их тебе в зад. Это был лишь тычок пальцами, а ведь мог быть и нож. Да и тычка пальцами иногда хватает, чтобы убить наповал, не хуже чем стилетом. Как бить...

Он помолчал, и после минутного раздумья выдал заключение:

— Итак, кое-какие выводы в отношении тебя уже можно сделать. Первое, что заметил — да, ты кое-что умеешь. Дети твоего возраста с тобой не сравнятся. Для них ты бог войны. Ты быстрее и ловчее многих. НО! Многие из тренированных бойцов размажут тебя по мостовой, как соплю. Просто потому, что твои удары недостаточно сильны, и рассчитаны на бой со своими одноклассниками. Понимаешь, нет? Понимаешь. Ну, хорошо. Идем дальше. Ты умеешь метать ножи — что меня удивило, но потом я понял, кто тебя учил. Мать, да? Она прошла курс для телохранителей, как и положено каждой служанке властителя. И как правило все служанки великолепно владеют ножами, в том числе и метательными. Это их отличительная черта. Маленький ножик, смазанный ядом, всегда имеется в высокой прическе служанки или наложницы. Стилетом и ножом ты тоже владеешь недурно. На уровне... хмм...обычного бойца. Тренированного бойца. Видно, что ты уделил внимание этому оружию. Опять же — похоже что мать тебя обучила. Но...это низший уровень владения ножом. Само собой, чтобы уметь как следует работать ножом и стилетом, нужно посвятить этому годы и годы. Полугодового курса для этого недостаточно. Вот, сейчас я тебе продемонстрирую. Смотри, что можно сделать одним ножом.

Учитель легко подобрал с пола нож, шагнул к мальчику и нанес ему молниеносный удар, остановив кончик ножа у глаза «мишени». Эдвин успел отреагировать, но недостаточно быстро, он это знал. Плохо, когда тело не успевает за командами мозга. Тренировок недостаточно, чтобы как следует привязать тело к новой душе.

А потом нож стал порхать вокруг мальчика — жая, чертя по рубашке и штанам полосы, и как бы Эдвин не пытался уклоняться, нож всегда находил щель в его защите. Если бы клинок касался ткани режущей кромкой — мальчик сейчас бы фонтанировал красной пахучей жидкостью. А через несколько минут умер. Несколько полос прочертили и бедренную артерию...

— Вот так, мальчик... — Учитель отступил на шаг, и почти не глядя, запустил нож в мишень, стоявшую возле стены. Нож со стуком вонзился в центр мишени.

— У нас впереди долгие годы — усмехнулся Учитель — Я не знаю, поднимешься ли ты до уровня мастера, но то, что тебя непросто будет одолеть — это я обещаю. А еще — я научу тебя готовить яды, снадобья, ты будешь знать травы, научишься скрываться в толпе, будешь лазить по стенам, как паук, и стрелять из лука, как профессиональный лучник. Все впереди. И запомни — не будет никакой жалости, никакого снисхождения. Ты будешь ненавидеть меня, желать мне смерти. И чтобы твоя мечта убить меня могла осуществиться, я приложу все возможные усилия. Теперь ты мой — до тех пор, пока я не решу, что ты готов. Или пока судьба не разлучит нас. А теперь пойдем обедать. Время пришло. Полдень уже...

— Привет, студент Ольгард — я обернулся, и замер. Ранее я видел эту женщину только издалека, и...она казалась мне выше ростом. Вот есть люди, которые всегда кажутся выше, чем на самом деле. Как-то умеют себя подать! То ли осанка у них прямая, потому и кажется что они высоки, то ли такое впечатление создается из-за того, что дают харизмой. От женщины просто-таки перло силой, уверенностью, холодным спокойствием. И при этом ее глаза улыбались, а взгляд оценивающий и доброжелательный.

— Идете заселяться в новую комнату? — своим мелодичным голосом спросила она, хотя ответ и так был ясен — ведь я держал в руках чемодан с вещами.

Ну а меня будто замкнуло — стою, молчу, смотрю ей в глаза, которые как раз на уровне моих глаз. Пятнадцатилетний подросток рядом с такими женщинами и должен смущаться до самых пяток, наливаясь кровью и желанием, так что со стороны это должно было видаться вполне нормально. А вот мужик в годах внутри моего тела недоумевал и возмущался — что я, красивых женщин не видел? Какого черта ТАК реагирую?!

— Да, заселяюсь — поборол я свой ступор, и тут же вдруг добавил, вложив в голос магии, передавая женщине толику страсти и желания —

Приходите ко мне на новоселье! Я буду очень рад!

Лицо женщины изменилось, стало серьезным, даже злым. Глаза, такие широкие, вдруг сузились, а голос похолодел и заскрипел, как снег в двадцатипятиградусный мороз под ботинками школяра:

— Больше никогда так не делайте, студент Ольгард! Несанкционированное воздействие магией на человека — уголовное преступление! Это проходит с простолудинками, которые и сами мечтают о том, чтобы вы раздвинули им ноги. Но посметь воздействовать на преподавателя?! Да вы с ума сошли!

Я густо покраснел, и закусил нижнюю губу. Вот дурак! Ведь и правда — моя сырая магия против мага высшей категории — как это я посмел такое сделать?! Они обвешаны амулетами с ног до головы, плюс у них сопротивляемость магии на высшем уровне. Я читал, что высшие маги неосознанно, автоматически держат магическую защиту от ментального воздействия. Нет большего страха для мага, чем попасть под контроль другого такого мага.

— П-простите... — залепетал я — Вы такая красивая! Вы такая... такая...

— Ха ха ха... — женщина захохотала, вздохнула, ее грудь в декольте поднялась выше и норовила выскочить из лифа — Неужели влюбился? Вот с этих слов и надо было начинать, а не долбить мою защиту своей дикой магией! Кстати, довольно-таки сильная у тебя магия, на удивление. Неужели действие снадобья еще не закончилось? Бывают остаточные явления, снадобья держатся в организме не часы, а дни, и даже месяцы. Впрочем, скорее всего дело в том, что ты черный маг, а черная магия суть сплетение всех магий, что существуют в мире, и снадобье может сработать чуточку иначе. Интересно, очень интересно! Нужно будет попробовать поработать в этом направлении. Я скажу Диссамблю, что забираю тебя для исследований на пару дней.

— Не говорите профессору о том, что я пытался вас...хмм...обаять. Пожалуйста... — попросил я, и женщина посмотрела на меня с лукавым интересом:

— А чего ты стесняешься? Нормально, когда пятнадцатилетний подросток влюбляется в женщину старше себя.

И тут же вздохнула, а в голосе слышались нотки сожаления:

— Мальчик, между нами пропасть времени...если даже забыть о том, что ты студент, а я преподаватель, и нам категорически запрещено оказываться в одной постели. Я слишком сильна для тебя, ты бы ощущал это каждую секунду, каждый миг нашего общения. А я бы чувствовала себя не в своей тарелке от того, что соблазнила ребенка. Знаю, ты скажешь, что случаи, когда преподаватели спят со своими студентками вовсе не единичны. Соглашусь. Такое бывает. Студентки постоянно влюбляются в преподавателей, особенно если те хороши собой. Но если такая связь вскроется — проблем не избежать. Да и зачем тебе это? Неужели мало вокруг молоденьких девиц, готовых на постельные эксперименты в любое время суток и в любом месте? Даже забравшись на ветку дерева (она хихикнула, будто что-то припомнила). Пользуйся, пока молодой! Черпай полной ладонью страсть и любовь! Пройдут годы, опомнишься, и будешь вспоминать об этих днях с улыбкой и сожалением. С улыбкой — потому, что есть чего вспомнить, и это навсегда останется с тобой. С сожалением — об упущенных возможностях, когда и хотел бы вернуться и все изменить, а уже поздно. (вздохнула, помолчала) Знаешь, сколько мне лет?

— Двадцать пять? — предположил, явно занизив цифру.

— Дурачок... — усмехнулась женщина — Не магией, так словами, да? Много мне лет. Очень много. Магия и правильный образ жизни творят чудеса.

Она смерила меня взглядом, улыбнулась:

— А ты хорош, да. Эдакий домашний мальчик с крупинкой порока в глазах. То-то на тебя так смотрят девушки — сожрали бы, да и только!

— Да что вы все как сговорились?! — не выдержал я — Какие девушки?! Кто смотрит?! Да ни одна девушка и близко ко мне не подошла! Придумываете всякую чушь!

— Я все вижу, Эдвин — хихикнула женщина — И не ошибаюсь. А что касается «не подошла» — а почему это девушки должны к тебе подходить? У нас вообще-то это не принято, и считается верхом разврата! Вот когда парень предложит, тогда...да и то надо построить рожицу, что вроде бы и не нужно. Но ты не верь — всем нам нужно,

всем! Эх, где мои пятнадцать лет?! Я бы тебя...

Женщина замолчала, посмотрев на меня слегка ословевшими глазами, видимо представив — как она меня. Потом закусил губу, и вдруг похлопав меня по плечу, повернулась, и ушла. И ее уход больше походил на бегство. А я остался стоять, чувствуя просто-таки нестерпимый прилив крови к определенному месту. В той, в прежней жизни, я бы сделал все, чтобы остановить эту красотку, и будь что будет. В этой...я всего лишь пятнадцатилетний подросток со странной, мутной биографией. И мне ни к чему секс-скандалы с преподавателями.

Кстати...может и правда подвалить к какой-нибудь девчонке? Очень уж хочется...сны снятся эротические, а утром только холодный душ помогает. Самообслуживанием заняться? Да глупо как-то, когда вокруг целое стадо прекрасных половозрелых телочек, притом совершеннолетних. Пятнадцать лет здесь — как у нас восемнадцать, ты взрослый человек и можешь распоряжаться своим телом так, как того хочется.

Я вздохнул, поднял с полу чемодан и побрел по коридору, сопровождаемый взглядами стайки из пяти девчонок, которые издали с интересом наблюдали за моим диалогом с преподавательницей. Интересно, какие слухи они распускают обо мне после этой встречи? Впрочем, мне на это плевать с высокой башни. Я и так в слухах — как бродячий кот в репьях. Одним больше, одним меньше...

Глава 14

Отвратительно. В комнате практически ничего не изменилось с того раза, как я здесь был. Кровать, застеленная дорогим постельным бельем, шкафы, заполненные одеждой, шкаф для обуви — тоже полон. То есть родственники этого мажора и не подумали забирать отсюда его барахло. И я догадываюсь — почему. А куда девать это тряпье? Взять себе? Носить вещи с умершего сына? Исключено. Раздать слугам? Ну щас прям! Чтобы слуги ходили в вещах сына? Можно еще сдать в магазин старьевщику. Ага, смешно! Одна из богатейших семей в стране будет собирать это шматье и сдавать его за гроши. И что после этого про них скажут? Нищebrоды? Крохоборы?

Можно собрать и сжечь, но...это тоже не путь. Посылать слуг собирать это барахло? Только сожгут ли? Или может опять же сдадут старьевщику? И бросят тень на семью. Не будешь же надзирать над ними, пока предают огню старое тряпье?

Забрали деньги, забрали драгоценности, а остальное бросили, как ненужный мусор. Понятно, чего уж там.

Заглянул в платяной шкаф и удивился — ну на кой черт человеку столько тряпья?! Он что, два раза в день менял штаны и рубахи? Тем более что в Академии все ходят только в форме. Тут — десятка два штанов, столько же рубах, жилетов, галстуков, шарфиков и всякой такой ерунды. И камзолы, да — куды ж без них? От легких летних, и до тяжелых, с подстежкой — зимних. То есть для сезона дождей, когда температура опускается едва не до нуля градусов. Соответственно и обувь такая же.

И что мне делать со всем этим богатством? Да, именно богатством, потому что все это барахло стоит очень даже приличных денег, каких у меня тут никогда не было. Если как-то умудриться обратить все в деньги... Носить это я все равно не смогу — покойник был выше и шире меня в плечах. Да и стоит только надеть эти штаны и камзолы, сразу же пойдет молва, что я хожу в обносках с чужого плеча, да еще и с того, к смерти которого, по слухам, я же и проложил свои руки.

А если перелицевать? Ну а что — отдать в мастерскую с тем, чтобы подогнали под меня. Тут так делают, каждая швейная мастерская так делает. Ткани стоят больших денег, особенно такие как здесь, высокого качества, и кто будет выбрасывать вышедшую из моды или слегка обтрепанную вещь? Несут в мастерскую и перешивают. Например — на своего сына. Я слышал, что такое в совсем недавние времена практиковалось и на Земле, так что...ничего удивительного.

Содрал с кровати белье, заменил его на новое, чистое, которое взял из шкафа (тут тоже его целые залежи — и льняное, и даже шелковое). Затем прибрался — подмел пол, вымыл ванну, вытер везде пыль. А пока вытирал, ванна набралась. Вода нагревалась она специальным артефактом, встроенным в систему подачи воды. После той комнаты, где я жил до того — с душем на этаже — нынешнее жилье показалось мне верхом роскоши и напомнило о том, как я жил в особняке матери. Там, где я обитал последние восемь лет такого комфорта не было что называется от слова «совсем». Максимум холодный душ, и туалет со сливом. Больше никаких изысков.

Кстати сказать, я пытался выяснить, что же случилось с имуществом моей матери. То есть — с моим имуществом. Ведь мать вовсе не была нищеводкой. У нее и деньги водились (уж не знаю — кто их клал ей на счет в банке), и драгоценности имелись. Да и сам особняк стоил очень даже приличных денег. И все это должно было достаться мне. Но не досталось. На все мои вопросы куратору только молчание и полный игнор. Взяли, да и забрали у меня все, до последнего медного гроша. Обидно, понимаешь... Ну, ничего...когда-нибудь все им отольется. Узнаю, кто убил мать, кто оставил меня нищим, без гроша за душой, и...нет у меня жалости. Выравили ее.

Ну а пока буду пользоваться тем, что дала мне судьба. Ванна...в этом мире ванны имеют только самые богатые. В последний раз я принимал ванну в поместье матери — она любила понежиться в теплой воде, так что вывалила кучу денег за такое чудо. А когда меня увезли — мне доставался только душ с ледяной водой. Типа — они меня закаляли, сволочи...

Ванная комната шикарна! Огромная, под стать ванне, в которую можно уместить человек пять, не меньше! Все в кафеле (здесь тоже умеют делать плитку!), краны блестят позолотой, — шикарно даже для «коммерческих» номеров Академии. Похоже, что покойник вложил

немало денег в обустройство этой комнаты. Своих денег. Потому что никогда не поверю в то, что Академия будет ставить позолоченные краны. Если забыть, что нахожусь в другом мире, ванная комната вполне сойдет за такую же в каком-нибудь крупном, дорогом земном отеле не менее пяти звезд уровня.

И вода есть горячая! Живи, и радуйся! Сбрасываю одежду, швыряя ее прямо на пол, и погружаюсь в в наполовину налитую ванну. Ваннищу! Этот бассейн на ножках и ванной-то назвать грех! Хорошо...балдею... Отпускает нервное напряжение, отступают плохие мысли... Я не мнителен, не суеверен, и мне плевать на то обстоятельство, что в этом помещении был убит человек. Да мало ли кто кого убивает? Мы ходим по праху прежних поколений людей, и чего? Чужь собачья. Главное, я теперь на все пять лет обеспечен комфортным жильем, притом бесплатно. И если переживу дурацкие опыты здешних «большоголовых» — жить буду очень даже приятно.

Сколько сидел в воде — не знаю. Задремал. Хорошо хоть не утонул. Ванна-то глубокая, по шею сижу. Хорошо хоть в этой ванне приспособлено для таких случаев — в днище ванны сделана такая приступочка...не знаю, как ее назвать. В общем — упираюсь пятками, и и не сползаю.

Вот чего мне сейчас не хватает — это любимой женщины, которая сидела бы сейчас рядом со мной... Я так одинок в этом мире. Единственный человек, которому я был не безразличен, это моя «мама». А все остальные...сволочи, одним словом.

Ей приснился сон. Вот она снова в той комнате, застыла, как статуя, и не может сдвинуться с места. Ее обнажают, глумясь и хохоча, трогают там, где трогать может только любимый человек. Или лекарь. А потом — боль, и унижение, боль, и унижение. И нет выхода, нет будущего, только могильный холод и темнота.

И вдруг — появляется Он! Сероглазый, невысокий, красивый, с мужественным лицом человека, который ничего не боится и ни о чем не жалеет. И затихает глумливый смех, и от нее отступают насильники, с ужасом пятясь к двери. А Он бьет главного насильника так, что тот... рассыпается, превращаясь в груды конского навоза! И падают другие

насильники, валясь, как деревья под ударами урагана!

А потом Он подходит к ней, обнимает, целует, и этот поцелуй так сладок, так...желанен, что...

Верга просыпается. Потная, в задравшейся до шеи тонкой шелковой рубашке, с ногами, раздвинутыми в стороны так, что пятки свесились с широченной кровати. А рука...между ног.

— Демоны! Демоны! — ругается Верга, выгибаясь в сладкой судороге, а перед глазами — спокойное, как у статуи лицо Эдвина.

Не первый раз он ей снится. А после того, как был умер насильник — снится каждую ночь, и не по одному разу! Что бы это значило? Может так богиня любви указывает ей дорогу? Может Эдвин Ольгард ее суженый?

Нет. Чуть! Он же нищий бастард! Да, красивый мальчик, да, загадочная личность, что придает ему шарм в глазах всех девчонок, но как он может рассчитывать на ее внимание?! У него даже костюма приличного нет! Позорище!

Дура! — тут же осаживает она себя — В костюме ли дело? Что, у мужчины главное — костюм?!

Верга невольно содрогнулась, вспомнив изнасилование, и дернув подол рубахи, натянула ее на колени как можно дальше, будто это могло помочь отбросить тягостные воспоминания. Девушка села на кровати, обхватила руками колени, положила на них голову и замерла, глядя в темное, ночное окно.

Неужели на самом деле этот парнишка убил мерзавца? Все говорят, что это сделал он, только доказать невозможно. Снадобье правды его не берет, и даже известный сыщик не смог добиться результата. Но все уверены, что убийца именно Эдвин. И скорее всего, это так и есть. А раз это сделал он — Верга должна быть ему благодарна. А еще — ей не помешает иметь возле себя защитника. Все эти дни, проходя по коридорам Академии, Верга чувствовала взгляды, которые бросали на нее некоторые студенты и студентки. И это не были взгляды парней, разглядывающих ее грудь и смазливую мордашку — Верга к такому привыкла и не обращала на то никакого внимания. Ну...почти

никакого внимания. Или так: делала вид, что ей безразлично то, как на нее смотрят парни. Но это были другие взгляды. Ехидные, брезгливые, опасливые — любые, кроме взглядов, в которых читалось бы восхищение.

Верга душой не была. Отнюдь, она с детства отличалась живым умом, потому легко училась и всегда находила выход из сложной ситуации. Но в этот раз она не знала, что ей следует сделать, как поступить. Похоже, что мерзавцы, которые участвовали в изнасиловании, все-таки разболтали о происшедшем. И что теперь ей делать?

Эх, зря она тогда обидела Ольгарда! Ну кто ее тянул за язык? Будто демоны вселились в башку! Может напугалась того, что влюбится в Эдвина? Хотела отбросить его подальше? Вот и отбросила. Пыталась с ним поговорить, даже попросила Керла, чтобы он узнал у Ольгарда — будет ли тот с ней разговаривать. И что вышло? А ничего. Не захотел Ольгард говорить. И поделом! Заслужила!

А если он узнает об изнасиловании? Не посчитает ли ее нечистой, порченной? Не решит ли, что она шлюха, которая отдалась нескольким парням сразу, а теперь пытается это замаскировать?

Верга легко спрыгнула с кровати (она с детства занималась физическими упражнениями и была хорошо развита) и заходила по комнате из угла в угол, взволнованная так, что сна не осталось ни в одном глазу. Что же делать? Что делать?!

А может просто пойти к Эдвину и поговорить с ним? Зачем? Ну... извиниться за свое поведение, например. Предложить дружбу! Зачем ей его дружба? Да пускай все видят, что отвергнув других девочек, он выбрал ее! Пусть завидуют! Может тогда и сны прекратятся? Она ведь так с ума сойдет. Просто поговорить, больше ничего! Никаких поцелуйчиков и обнимашек!

Оглянулась по сторонам, увидела длинный, почти до полу халат, схватила его, накинула, завязала пояс — крепко, будто боясь, что он не дай боги слетит...вместе с халатом. Потом решительно открыла входную дверь...и тут же ее захлопнула. Выждала секунды две, выглянула в щель между дверью и косяком...никого. Высунула голову — коридор пуст, что в общем-то и следовало ожидать, в два-то часа ночи. Все нормальные люди в это время не просто спят — они видят уже третий сон.

Выскользнула из двери, вставила в нее ключ, опять же не забывая смотреть по сторонам, и белой призрачной тенью поскользился вдоль коридора. Босые ноги холодило каменными плитами пола, сквознячок, который гулял вдоль длинного тоннеля задувал под рубаху, охлаждая разгоряченное тело и вызывая невольную дрожь. А может Верга дрожала совсем не потому...идти ночью в номер к парню почти голой — под рубахой не было ничего кроме вымытого с вечера тела. Но ведь она не собирается делать ничего такого...предосудительного! Просто скажет спасибо, и...и уйдет!

Знакомая дверь вызвала у Верги такую дрожь, что чуть не защелкали зубы. Нахлынули неприятные воспоминания, и она едва не повернулась, чтобы уйти. Казалось, сейчас откроется дверь, из-за нее высунется насильник и ухмыляясь скажет: *«Ага, наконец-то! Давай, отрабатывай мое молчание! Да как следует постарайся, если мне не понравится — все узнают, как ты стояла раком в этом кресле, и мы тебя...»*

Пересилила себя, осторожно, тихо постучала в дверь. Молчание. Никакого шевеления и никаких звуков. Может Эдвина и нет в комнате? И она зря пришла? Может, он ночует у какой-нибудь из его поклонниц, которые пожирают его глазами каждый раз, когда он проходит мимо? Только сегодня слышала, как одна девчонка сказала, что когда видит его — у нее намокают трусики. Бесстыжие шлюхи! Только и думают, как бы запрыгнуть на парня! Скоты, животные! И как им не стыдно?! Так откровенно, так нагло, так...так...

Додумать она не успела. Дверь отворилась, и на пороге появился Эдвин. Волосы влажные, будто только что вышел из душа, на плечах и груди капельки воды. На бедрах — короткое полотенце, и больше на Эдвине не было ничего. Совсем ничего.

Глаза парня смотрят без удивления — серые, огромные, будто заглядывающие в душу. И Вергу снова начало трясти, губы прыгают, она даже закусила нижнюю губу, чтобы та не выдала ее состояние. А парень все стоял и смотрел на нее — целую вечность, как показалось девушке.

Но скорее всего пауза длилась самое больше секунды две. Потом Эдвин молча подвинулся в сторону, и жестом предложил Верге войти. Та помедлила еще секунды две и будто в холодную воду шагнула вперед, через порог. Дверь за ней закрылась, и они остались вдвоем — Верга, и тот, кто мучил ее в изнуряющих кошмарах.

Эдвин спокойно закрыл дверь на задвижку — так же молча, не говоря ни слова. Сделав дело, повернулся к стоящей столбом девушке и вопросительно посмотрел ей в лицо, горящее от прилива крови. Верга чувствовала, знала, что сейчас ее лицо полыхает пламенем, как угли костра. В голове стучала, билась кровь, ноги дрожали, а из глаз вдруг потекли слезы, оставляя на щеках заблестевшие в свете трех ярких магических светильников дорожки.

— Ну-ну, не надо плакать... — вдруг спокойно, как-то удивительно по-доброму, будто утешающий ее отец сказал парень — Все пройдет, все забудется. Жива, здорова, ну и хорошо. Все будет хорошо, поверь мне!

Верга вдруг затряслась в плаче, а потом бросилась на шею Эдвину.

Она сама не помнила, как оказалась на нем верхом, и как на ней не осталось даже нитки одежды. Забыто все — и свое обещание «никаких поцелуйчиков», и то, что ее стоны могут заинтересовать людей в соседних комнатах. Верга хотела только одного — чтобы ЭТО продолжалось дольше и дольше, чтобы ОН был в ней бесконечно, пронзая ее тело до самого горла!

А потом лежала рядом со своим любовником, успокаивая дыхание, а в голове было пусто, звеняще, и...никаких плохих мыслей. Тело стало ватным после того, что она вытворяла, забыв о стыде, забыв о своем статусе и о благовоспитанности. В животе все еще дрожало, усталые бедра сковала истома и слабость, а рука ее покоилась на животе Эдвина, поглаживая, пощипывая, опускаясь то ниже, то выше, действуя, будто сама по себе.

— У тебя шрамы... — задумчиво-расслаблена сказала Верга, кончиками пальцев трогая длинный, извилистый рубец на боку парня — Откуда?

— Упал — спокойно ответил тот, и погладил девушку по правой груди, и осторожно взяв в руки крупный сосок Верги, напрягшийся от ласки, стал его тихонько тереть.

— Не надо — поежилась она — У меня слишком чувствительная грудь, и...ох...

— Ладно — легко согласился он, и рука его переместилась гораздо

ниже, легко, будто бабочка крыльями, касаясь гладкой, влажной кожи. Верга, как и следовало девушке из семьи дворян, удаляла с тела все до единого волоса, благо что маги-лекари в изготовлении снадобий достигли таких высот, что на любой случай жизни человека имелось не одно, и не два, а сразу несколько снадобий с разным сроком действия. Само собой, Верга выбирала лучшее, и купленного удалителя волос ей хватало минимум на полгода.

— Ты ведь знаешь, да? — вдруг спросила девушка, отстранившись от парня, и убирая его руку от низа своего живота.

— Что именно? — усмехнулся он — Я много чего знаю. А много чего и нет. О чем ты?

— О том, что меня изнасиловали. Тот, кого ты убил, и его дружки.

— Я убил?! — неприятно удивился Эдвин — Кто это говорит? Если бы я его убил, меня давно бы арестовали!

— Все говорят. Только доказать не сумели. А не сумели потому, что за тебя заступился кто-то могущественный. Тот, кто...чей ты бастард.

— Чушь собачья! — искренне возмущился парень — Не слушай ты эту ерунду! Мало ли что будут болтать! Про тебя вон тоже болтают, и что? Я должен этому верить?!

— И что болтают? — напряглась Верга.

— Ну...что ты сама пошла к этому уроду, и отдалась нескольким парням. Сама, по своей воле. Теперь они ходят по Академии и рассказывают в подробностях, как это все происходило. Как ты якобы просила их обходиться с тобой поглубже, сорвать во все дырки поглубже, и просила приглашать почаще.

— Мерзавцы! — Верга рывком села на постели, поджав под себя ноги, из ее глаз снова потекли слезы — Мерзавцы! Хочу убить их! Всех!

— Всю Академию? — усмехнулся Эдвин, и лениво закинул руки за голову — Плюнь ты на эту чушь. Все пройдет.

— Убей их! Убей! — яростно выдохнула Верга — Всех, кто участвовал в изнасиловании! Пожалуйста! Я все для тебя сделаю, только убей их!

Хочешь меня — я буду отдаваться тебе столько, сколько ты захочешь и где захочешь. И сделаю все, что только скажешь! И денег дам! Много денег! Убей их, пожалуйста! И только не ври мне, что ты этого не можешь сделать. У тебя шрамы не от того, что ты упал! Если только не упал прямо на меч. Я видела такие раны, я же все-таки на севере живу. Это раны от меча и ножа. Ты дрался! И выжил! А значит, умеешь драться! Убей их!

— Ты зачем пришла? — холодно осведомился Эдвин — Чтобы купить мои услуги своим телом? Для этого?

— Нет! — почти выкрикнула Верга, и тихо, едва ли не шепотом, добавила — Ты мне снился. Во сне мы были с тобой...

— Ну мне тоже иногда снятся девушки — раздался тихий смешок парня — Просыпаешься, а трусы мокрые. Это нормально. Если долго не было секса. Так что ничего не значит.

Он помолчал, и с непонятной ноткой в голосе сказал:

— Вот что, моя хорошая...это было классно. У тебя великолепное тело, наверное лучшее из тех, которые я в своей жизни видел (Верга закусила губу, с холодком в животе ожидая неприятного продолжения). Ты очень страстная девушка, о таких можно только мечтать. Ты одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо встречал. Но вот что я тебе скажу: уходи. И больше не приходи. Ты меня не купишь — ни своей прекрасной попкой, ни деньгами. Я не наемный убийца, и не собираюсь убивать тех, на кого ты покажешь. А теперь поднимайся и уходи. Повторюсь — это было хорошо, но...в последний раз. И...надеюсь, ты не забеременеешь?

— Я после изнасилования приняла снадобье от беременности... теперь долго можно не бояться — задумчиво ответила девушка, и обернувшись к парню посмотрела на него долгим взглядом. А потом бросилась на него сверху так, что он охнул и впиалась ему в губы жадным, даже болезненными поцелуем. А потом и вовсе укусила его за верхнюю губу так, что он взвыл. Выступила кровь, и девушка с искренним наслаждением слизала розовым, чистым язычком:

— Сладко! Ты сладкий! И никуда теперь от меня не денешься! Ну что так смотришь? Да не буду я тебя нанимать! Если тебе от этого будет

легче, я чувствую вину за то, что вывалила тебе все это. Прости! А чтобы загладить свою вину, я...я...

Она сползала ниже, еще ниже...парень напрягся, вздохнул, и через минуту в комнате раздавались только прерывистые вздохи и чмоки. Ну а дальше все пошло так, как и началось, только теперь инициативу проявлял Эдвин, вертя девушку и так, и эдак, как какую-то куклу. И оказалось, что он очень, очень опытен в обращении с женщинами.

Нет, Верга совсем не была глупенькой домашней девочкой, не представлявшей, что именно мужчина и женщина делают в постели. У них в домашней библиотеке кроме медицинских трактатов имелись и любовные романы, среди которых попадались такие, читая которые воспитанные девушки должны были сгорать со стыда — настолько откровенно там все описано. А еще — девчонки определенного возраста собираясь вместе нередко обсуждают отношения мужчин и женщин, на ухо нашептывая особо пикантные подробности из жизни соседских дам и шальных девчонок. И это правильно — каждая девушка должна знать способы, которыми умная женщина может удержать возле себя понравившегося ей мужчину. Как сказал один из авторов любовного романа: *«Самая желанная женщина обладает внешностью ангела и добропорядочным нравом — пока не доберется до постели кавалера. Там она должна себя вести как самая последняя шлюха, не гнушающаяся никакими способами сделать приятное своему любовнику. И нет здесь никаких преград, и никаких моральных принципов — все должно служить удовольствию, и только удовольствию»*

Верга запомнила эту цитату, и теперь все делала так, как и должна поступать настоящая женщина. И поймала себя на том, что ей приятно изображать из себя эту самую «последнюю шлюху». Даже не просто приятно — она наслаждалась, чувствуя себя завзятой шлюхой.

Ну а что касается любовника...Верга не знала, каковы в постели другие мужчины — если не считать насильников, которые грубо использовали ее, как неодушевленную куклу, не заботясь о том, чтобы доставить ей удовольствие. Эдвин был невероятно хорош! Он откуда-то знал, где и как ее ласкать, как сделать так, чтобы доставить ей наибольшее удовлетворение, но при этом не навредить и не сделать больно. И даже если ей было немножко больно, когда они...в общем — ей сносило голову даже тогда, когда секс уже давно пересек границу

нежности. Но ей хотелось все больше и больше!

Они сходили в ванную комнату (Эдвин этого потребовал), потом снова в постель, и так до самого утра, пока у Верги совсем не осталось сил. Она даже потеряла сознание от их последнего соития — настолько сильный ее накрыл оргазм.

Когда уходила, небо уже розовело рассветом. Верга шла с трудом — болело все, груди, которые недавно сжимали твердые, будто стальные руки любовника, все ее дырочки, натертые во время дикого, животного секса, болели колени — она стояла на них на полу, когда ублажала Эдвина. Выжатая, как лимон, растрепанная, как половая тряпка, Верга тем не менее наслаждалась даже своим болезненным состоянием, и твердо знала, что попытается еще не раз повторить это безумие. И при этом где-то далеко в душе подозревала, что такое никогда уже не повторится. Первый раз — он всегда первый. И первого любовника она уже не забудет никогда, и станет сравнивать с ним и мужа, и всех последующих своих мужчин. И знала, что скорее всего сравнение будет не в их пользу.

Чертова девка! Их что, учат Камасутре?! Бесстыдная, как портовая шлюха! Может дело в том, что ее изнасиловали? А что, я встречал такое в жизни — один мой знакомый, можно сказать приятель, в процессе распития поллитры жаловался, что его жена после изнасилования совсем спятила, стала нимфоманкой. Она работала в ночном магазине, и вот как-то в магазин пришли трое отморозков. Потребовали спиртное (ночью). Жена отказала — нельзя ночью продавать. Тогда они закрыли магазин, затащили ее в подсобку, и там втроем изнасиловали. Насиловали несколько часов — то по очереди, то все сразу. Потом ушли. Их поймали, дали срок. Жена несколько месяцев шараялась от мужчин, даже от мужа. А после ее телом будто овладели бесы — она требовала секса каждый день, да поглубже, погрязнее. И начались еще кое-какие странности. Например — во время секса сосала пальцы у себя, или у мужа. Требовала чтобы он брал ее грубо, и...в общем — во все дырки и во всех видах. А потом муж поймал ее на том, что она мастурбировала, глядя порнуху, в которой одну женщину берут несколько мужчин одновременно, и лучше всего — насильно.

Ну а затем она перешла работать в другой магазин, где нередко у нее

получались ночные смены с оплатой наличными. Тогда слегка успокоилась, а то буквально истязала мужа постоянным требованием секса.

И вот он меня спрашивал — что ему делать, как быть. Почему меня? Потому что я с какой-то стати имел репутацию сердцееда — на меня постоянно вешались женщины, и большинство из них были замужними. То ли мой образ крутого опера на них действовал, то ли то обстоятельство, что я умел и любил хорошо одеваться, и это при вполне приемлемой внешности (всегда был спортивен, держал себя в в форме), но факт есть факт — в женщинах я недостатка не испытывал.

Что я ему мог сказать? Что его жена спятила, и желает группового секса? И что она уже похоже что нашла себе и удовольствие, и приработок? Или он хотел, чтобы я точно выяснил — куда она ходит ночами? Ну...выяснил я, да. И что? Нашла она эскортную фирму, где ее приняли с расprostертыми объятиями (пусть даже ей уже под тридцатник, зато внешность очень недурна). Не всякая женщина согласна на групповой секс, да еще и без ограничений в грубости и грязи, так что...они нашли друг друга. Так вот — скажешь мужику (а он в охране работал) — пристрелит жену, да и сам с собой покончит. А по большому счету жалко ее, и его жалко — и баба она очень неплохая, добрая и хозяйственная (я ее знаю). Дети у них. Ну, вот спятила, да! Пошла по рукам. Но разве виновата? А врач тут не поможет. Когда врачи могли реально помочь умалишенным? Не держать же ее в состоянии овоща...

В общем, сказал мужику, что работает она ночами на складе, мол, говорил я с хозяевами. А меньше его с сексом доставать стала потому, что устает на работе. Иногда лучше соврать...во избежание тяжких последствий.

Был, конечно же, и еще путь — предложить мужику возглавить то, что не может победить — подыскивать ей мужиков и участвовать в процессе. Но зная его, уверен — вначале он бы пристрелил ее, а потом и себя.

Вот что такое изнасилование. У многих женщин после насилия сносит крышу и они начинают ненавидеть мужчин, бояться их, отказываются от секса, но некоторые — все наоборот. И неизвестно, что из этого хуже.

И вот моя новая любовница, молоденькая красotka такой потрясающей внешности, что это надо поискать, чтобы такую найти — ведет себя как самая настоящая шлюха, без ограничений и малейших проблесков морали. Так что это — последствия насилия, или она всегда была такая, и просто раскрепостилась, выпустила наружу то, что скрывалось у нее в душе? Не знаю. Но предполагаю, что если она будет себя вести соответственно своим желаниям — я похоже что поимею не только ее красивую попку, но и огромные, просто-таки феноменальные проблемы. Родителям обязательно донесут. Да и в Академии не очень-то поощряют сексуальные контакты между студентами. Как говорится — дело-то делай, но афишировать это не моги. Соблюдай приличия. А я на ближайших занятиях появлюсь с распухшей губой, засосами на шее, и расцарапанными в кровь грудь и спиной. Хорошо хоть раздеваться не надо, царапины не увидят. К лекарю сходить, что ли...скоро выходные, точно, надо в город выбраться. Да и с бараклом решить — выберу из «трофеев» что поприличнее и отдам на подгонку под себя.

С этими мыслями я и уснул. Спать оставалось два часа, или даже меньше. Так-то я привык к тяжелым физическим нагрузкам и отсутствию сна, но...как-то уже расслабился без тренировок. И вот — эта девица меня просто выжала, как апельсин.

Впрочем...это было на самом деле здорово! Ни в прошлой, ни в этой жизни у меня не было такой страстной, и такой красивой любовницы. Нет, пожалуй я все-таки не буду ее прогонять... Похоже, что подсел на нее, как наркоман на героин — с одного укола!

Глава 15

— Привет! Слушай, это правда?

— Что — правда? — прохожу я в аудиторию, плечом оттесняя Керла.

— Ну...говорят, что Верга сегодня утром вышла из твоей комнаты!

— Бессовестно врут! — хмыкаю я, и нарочито-досадливо вздыхаю — Я с девчонками уже забыл когда общался. Да и запрещено студентам устраивать любовь.

— Перестань! — ухмыляется Керл, и щурясь, смотрит на меня, разглядывая так пристально, будто заметил что-то странное. А меня вдруг трогает холодок — этот гад видит сквозь одежду!

— Та-ак... — неопределенно тянет он — Значит, с девушками давно не общался. А засосы ты себе сам поставил. И спину расцарапал, и грудь. Кстати, а откуда у Верги синяки на бедрах? И на попке? И на груди засосы?

— Вот что, Керл... — холодно начинаю я свой монолог, но Керл тут же машет руками и корчит умильную рожицу:

— Все, все! Я понял! Ничего не было, ты никого не видел, кроме девочки по имени Праворучка! Или Леворучка? Ты как предпочитаешь?

— Обоеручка! — рявкаю я, и шагаю к своему месту в середине амфитеатра. Здешняя аудитория практически ничем не отличается от таких же земных, да и вообще — если особо не рассматривать подробности интерьера, то можно легко сделать вывод, что находишься где-то в старом корпусе одного из земных университетов. Все-таки что ни говори, но есть вещи, которые не меняются ни в одном из миров.

Раскладываю вещи — блокнот для записи особо важных слов преподавателя (например, состав зелий, или названия снадобий), специальный карандаш, который оставляет на бумаге черный след регулируемой толщины. Карандаш вообще-то магический, и если с ним

обращаться аккуратно, может служить всю жизнь человека, практически не стираясь. Да он почти и не трется — легко касаясь бумаги, карандаш каким-то образом ее прижигает, потому за ним остается черный след. Если долго держать кончик карандаша на одном месте, он может напрочь прожечь бумагу. Да и не только бумагу — все, что может гореть. Потому на него надевается специальный металлический колпачок, даже не надевается, а навинчивается. Подозреваю, что этот колпачок был придуман после того, как некий школяр подпалил школу, или свой дом, забыв убрать стило от горючего материала.

Вообще-то мне записи не нужны. Я запоминаю лекции сходу, память у меня не вполне нормальная. Благодаря моим наставникам — ненормальная. Они опаивали меня специальными снадобьями и заставляли запоминать длинные, дурацкие, совершенно не запоминающиеся тексты. А еще — картинки, которые я потом рисовал по памяти. В конце концов, если медведя долго бить, он научится ездить на велосипеде — так вроде говорили на Земле. Я не медведь, но хлыста мне доставалось более чем достаточно, как и головной боли после приема ментальных спецсредств. Потому память у меня практически фотографическая.

Однако демонстрировать я все это не собираюсь. Как обычному студенту мне нужно изображать из себя обычного паренька, который записывает все, что положено записать.

— Привет! — слышу я знакомый голос, и моей щеки касаются теплые губы. От Верги пахнет ароматическим маслом, притираниями, и похоже что какой-то косметикой. Кстати, я уже давно заметил, что у здешних аристократов некий культ запахов. То есть — они истово боятся того, что им некто скажет, будто от них плохо пахнет. Потому практически все, без исключения, таскают с собой ароматические мешочки, в которых находятся резко-пряно пахнущие травы. (такое, как я помню, было в Китае)

А еще — даже парни используют аналоги земных духов, не говоря уж о девушках, каждая из которых имеет набор не менее чем в десяток различных ароматических средств, стойкость которых поддерживается магией. За все время, что нахожусь в этом мире, я не встретил ни одну женщину из аристократов, от которой бы пахло потом, или чем-то еще похуже. Про запах изо рта и говорить не следует — хочешь новые зубы, так маг-лекарь вырастит их тебе за несколько сеансов. Или за один, если

ты умеешь терпеть боль. От Верги пахло очень приятно — и в одетом виде, и в постели.

Кстати сказать, в отличие от своих аристократических «соратников», я почти не пользовался ароматизаторами. Максимум — душистое мыло, или снадобья для устранения волос, в состав которых входят натуральные составляющие вроде апельсинового масла, или экстракта смородины. Здешние духи настолько стойкие, что запах от них может держаться неделями — до тех пор, пока не применишь специальное средство для смывания этого самого запаха. Лазутчик, а тем более тайный убийца пользующийся духами — это полнейший идиотизм. Только представить, что ты ночью пробираешься к кому-то в спальню, чтобы сделать свое грязное дело, и от тебя за версту несет чем-то вроде «Богарта». Кстати — любимый мой одеколон. Когда-то он был очень стойким, густым, а после девяностых голов испохабился, стал едва пахнущей водичкой. Говорили, что бренд продали неким дельцам, которые совершенно уничтожили настоящий одеколон, превратив его в туалетную воду, запах которой улетучивается за считанные часы. Бизнес, ничего личного! Тут бы за такое мошенничество обложили таким штрафом, что купец только вззоет. Но тут — не там.

— Привет — отвечаю я, и наблюдаю, как Верга раскладывает свои вещи рядом со мной. Какого черта она сюда приперлась, и демонстративно чмокнула меня в щеку?! Чтобы все видели и знали? Почему нельзя приходить потихоньку, когда никто не видит? Ищет себе защиту и опору? Так какая из меня защита и опора? На роль героя-любовника в постели я еще сгжусь, но если меня вызовут на дуэль...или просто устроят драку — не собираюсь показывать свои умения!

Кстати, скоро должны начаться уроки физкультуры, если можно их так назвать. Тут проходят курс единоборств — насколько я знаю, не особо так напрягая учеников, но вполне на должном уровне — любой по выходе из Академии сможет отбиться от нескольких не обученных бою простолюдинов, и на равных сразиться со средним армейцем. И это понятно — аристократ должен уметь защитить себя. В семьях начинают обучение единоборствам с того самого момента, когда ребенок хоть что-то начинает соображать. Хотя многие не особо упорствуют в обучение. А зачем их чаду владеть мечом на профессиональном уровне? Если есть оплаченные телохранители, есть армия, есть в конце концов стража, стоящая на защите интересов высших слоев общества. Сейчас не

древние века, когда от степени владения мечом зависела сама жизнь аристократа, и боевыми искусствами занимались и мужчины, и женщины с самого рождения. Теперь — просвещенный век, когда войной занимаются профессионалы, а искусство единоборств осталось только лишь любителям этого дела, и тем, кто живет военным ремеслом. А девушкам вообще следует не железками махать, и не уродовать руки на тренировках, а учиться вести домашнее хозяйство, и самое главное — научиться обольщать мужчин, подыскивая себе лучшую партию. Будет мужчина — будет и защита. А также — достаток и хорошие дети.

— Может не стоит так демонстративно показывать, что между нами что-то есть? — спрашиваю я тихо, не глядя в глаза Верге.

— «Что-то» есть? — фыркает она — да у нас все есть! Я еле сижу, так все внутри и снаружи болит! Ну ты и...самец! Дорвался!

— Кто еще до кого дорвался! — кривлюсь я, и недовольно мотаю головой — Может, притормозим наши отношения? Тем более что ты только недавно стала совершеннолетней! Все равно между нами ничего серьезного быть не может, ты же понимаешь.

— Не может — кивает Верга, и тут же снова фыркает — Если не считать серьезным то, что ты проделал со мной ночью! И не один раз! Ладно, ладно — не хмурься. Мне с тобой было хорошо. А то, что скажут эти придурки мне абсолютно безразлично. Ты мой парень, мне с тобой хорошо, и плевать на всех. Разве не так? Ты что, боишься, что пойдут слухи?

Я не боялся, но...все-таки не надо так откровенно показывать наши отношения. О чем снова сказал Верге, удостоившись ее слегка презрительной, но очень милой улыбки.

Вот же...дал бог девке внешность! Ей-богу — модели позавидуют! И кстати — не худая, как вешалка...как земные модели. Впрочем — там тоже не все вешалки. Есть те, кто демонстрирует нижнее белье, и вот там красоток с хорошими формами более чем достаточно, есть на чем взгляд остановить.

Дальше все пошло вполне обыденно. Пришел преподаватель, и начал нам рассказывать о свойствах растений, о том, какие растения в каких снадобьях применяются, и как усилить воздействие лекарства в

пять, десять, а то и в сто раз. По большому счету я это все знал, и мне было не интересно. Сухая теоретика, без какой бы то ни было практики.

Три пары прошли скучно и ничем меня не задели. Основы магии, основы физики в купе с магией, основы химии с магией — тут везде, где только можно, втюхивали магию. И лечение, и сельское хозяйство — везде, везде была магия. Примерно так же, как на Земле электричество — везде, где только можно.

После трех пар (я по привычке называю их «парами», на самом деле просто полтора часа занятий) должны были быть еще две пары — «Устройство мира» и «Грамматика», смешно, но часть студентов ни хрена не знали о том, что существуют три материка, острова и всякое такое. Уж не говоря о названиях морей и океанов. Потому их учили здесь заново, не обращая внимания на вопли о том, что эти знания им никогда не пригодятся (в основном это нытье шло от девчонок). И хуже того — половина детей аристократов писало с дичайшими ошибками, которые простительны только детям не старше семи лет от роду. И опять же мотивация: зачем нам писать грамотно, если у нас имеются секретари, которые запишут все так, как и положено. А прочитать письмо сможет любой, для этого уметь писать не нужно. Идиотизм, конечно же...но повторяющийся из года в год. Читал об этом в книгах, да и Керл рассказывал, от которого не укрывается ни один нюанс жизни в Академии.

На две последние пары я не попал. Меня перехватил профессор Диссамбль, и потребовал, чтобы я пошел в подвал. Так что вскорости я оказался там же, откуда меня недавно вынесли на руках. Что отнюдь не добавляло мне хорошего настроения. Когда тебя тошнит, кружится голова («вертолет», как после хорошей пьянки!), ноги не идут, став будто ватными — ты точно не захочешь повторения испытанного. Но при этом понимаешь, что чем тяжелее тебе на тренировке, тем скорее станешь мастером. Пройденный этап, что тут еще сказать...

А народа внизу меня ждало человек пятнадцать. И откуда столько набежало? Часть я знал — заведующие кафедрами четырех стихий, артефактор, зельевед и т. д. Но были и те, кого я впервые видел. Например, седой, будто снегом обсыпали морщинистый мужик, высохший, как вобла. Или седая, и такая же высохшая женщина, с глазами, запавшими в череп так, что казалось — на тебя смотрит оживший мертвец. Они смотрели на меня такими взглядами, что

казалось — еще немного, и кто-нибудь из них выкрикнет: «Убейте его! На костер еретика!».

Кстати, я понял, почему мне так показалось. Плюсом к их фанатичным взглядам шла черная униформа со знаком Инквизиции — храм на фоне пламени. Слава богу, что сейчас не древние века, иначе меня бы точно сожгли на костре. Очень уж не жаловали черных магов достопочтенные господа из этой организации. Хорошо, что у них сейчас ручки короткие!

От некогда могущественной Инквизиции остались рожки, да ножки, когда один из предков нынешнего императора хорошенько почистил их ряды — зазнались, стали диктовать ему свое понимание того, как надо воспитывать магов и что с ними делать. Даже что-то вроде бунта попытались устроить, что для них очень печально закончилось. Было уничтожено восемьдесят процентов инквизиторов по всей стране, а оставшиеся двадцать занялись тем, чем им и положено было заниматься: поиском попавших в этот мир демонических существ, которые вредят людям, и поиском скрытых магов, которые не пожелали легализоваться и осуществляли вредоносную деятельность, срастившись с организованной преступностью. Маги у Инквизиции сильные, но... специфической направленности. В основном специалисты по аурам, и все, как один с боевым уклоном. Что тоже в общем-то понятно: из задачи выявлять незаконного мага и уничтожить.

Ну а такие как я для Инквизиции были самым что ни на есть первейшим врагом — в прежние времена. Теперь печать криминала с черных магов снята, хотя это и мало чем помогло императорской власти — отученные доверять государству, как и все нормальные люди, черные маги всячески скрывали своим умения и уходили из поля зрения Инквизиции. Один я такой вот попался — просто потому, что с самого рождения был под контролем. Как говорится, с подводной лодки не сбежишь.

— Вот, прими снадобье — протянул мне склянку Диссамбль — Это усилитель способностей.

— Подождите...вы же говорили, что можно принимать раз в неделю? Не чаще? — я нерешительно принял склянку — А как же?

— Нормально все, ничего страшного! — глаза Диссамбля дернулись,

взгляд на долю секунды метнулся в сторону — Гарантирую, что все будет хорошо!

Врет, скотина! Меня учили отличать правду от лжи, и не только разбирая слова на предмет логики, хотя и это имело место быть — как это вдруг так стало, что ранее срок принятия снадобья нужно было обязательно выдержать, дабы избежать последствий вроде выгорания, а теперь это неважно? Но главное — моторика тела. Дернувшиеся глаза, отведенный взгляд, поджавшиеся губы, легкое покраснение лица, невольный вздох — все говорило о том, что профессор откровенно лжет. И почему он вдруг так поступает? Я ведь ему не прошу лжи. Я запомню. А он совсем не глуп, чтобы этого не понимать. Значит, на него кто-то давит, кто-то сильный, опасный, неприятный. А кто в этой толпе новенький, кто выбивается из общей картины? Правильно. Инквизиторы. Значит, это они зажали отросток профессора между дверью и косяком. Это, конечно, его не оправдывает, жить по принципу уголовников: «Сдохни ты сегодня, а я завтра!» — это можно. Но недолго. В конце концов, ты все-таки получишь ответку.

— Сегодня мы намерены увидеть, как вы можете воздействовать на живых существ — торжественно, но каким-то не своим, надтреснутым голосом объявил Диссамбль. Сегодня на демонстрации ваших возможностей присутствуют представители многоуважаемой Инквизиции, так что...не удивляйтесь.

Он посмотрел на меня пристальным взглядом, вероятно это было что-то вроде извинения. Хиленького такого, дохлого извинения. И снова протянул склянку, которую я так и не взял в руки.

Я подумал, подумал...и принял склянку. Ну а что...если «выгорю» — так особо плакать не буду. Никогда не хотел быть магом. Вот честно — совершенно не хотел! Они все на контроле, за ними постоянно следят, а чуть что — могут и головы лишить. Их боятся, их ненавидят, считая ответственными за всякие неприятности и подозревая во всех грехах. А уж черный маг...это квинтэссенция всех приписываемых магам подлостей. Засуха — это черный маг наслал проклятие! Наводнение — маг наколдовал! Простудился, или съел что-то не то — порчу напустил черный маг! А кто же еще?

Выпил, поморщившись от горечи. Вяжет глотку — не продохнуть. Надо будет узнать состав снадобья, и чего такого мерзкого они туда

напихали?

— Вон там, в клетках, сидят обезьяна и свинья — сообщил мне Диссамбль — Вы должны напустить на них порчу. А мы будем смотреть на то, что с ними происходит и фиксировать процесс. Именно не убивать, а напустить порчу — чтобы умерли не сразу, а растянуть процесс во времени. Поняли?

Я промолчал, не глядя на профессора. Мне было противно. Я терпеть не могу опытов на животных, какими бы благими намерениями это ни прикрывалось. «Собаки Павлова» — это самая настоящая подлость и мерзость. Они ведь доверяют человеку, собаки. А он, мразь такая, пытается их, и спокойно смотрит, что с ними происходит. На мой взгляд это не лучше фашистов, которые делали опыты на людях. Да, помню, как писали, что опыты Менгеле продвинули медицину на десятилетия вперед. Так вот тех, кто это писал — я бы с легким сердцем отдал этому Менгеле на опыты. Может я и романтичный придурок, психически больной человек, который без сожаления убивает заслуживающего того человека, но убивать животных ради того, чтобы посмотреть, как они умирают в мучениях — это не для меня. Пусть даже это и свинья, которую все равно когда-нибудь убьют — она ведь выращена на мясо. И да — я не веган, и не плачу над копченым окороком, вспоминая, кому он принадлежит. Понадобится — убью кого угодно. И сожру — если это животное. Но черт подери, пусть скотоводством занимается кто-то другой. Пусть я психопат, социопат, и все вместе взятое «...пат», но...вот такой я человек. Сентиментальный палач. И мне плевать на то, что обо мне подумают люди.

«Приход» я почувствовал минут через десять — прошла волна жара, лицо загорелось, и...странное ощущение, вроде как по коже забегали тысячи муравьев. То ли какое-то новое снадобье мне дали, то ли с каждым разом ощущение «прихода» меняется, но...в прошлый раз такого не было. Мутирую? «Соковыжималка», плюс снадобье-усилитель...должен же был остаться какой-то след?

Посмотрел на клетки. Здоровенный кабан смотрит на меня сквозь прутья совершенно человеческим, разумным взглядом. Кстати, еще давно читал, что органы от свиньи подходят человеку лучше всего. Кроме человеческих органов, конечно. Я когда прочитал, еще посмеялся — после десяти лет работы опером я стал подозревать, что большинство людей откровенные свиньи. Насмотрелся, да. И вот подтверждение

моего вывода!

Сколько в этом кабане? Килограммов двести, не меньше. Эдакий патриарх царства свиней. Чем он провинился? Перестал трахать свиноматок? Или просто пришло время умирать? Интересно, кем он станет в новой жизни... Или вернее так — кто из людей отбывал свой срок в теле свиньи? И за что?

Обезьяна. Не шимпанзе, нет. Что-то хвостатое, похожее на бандерлога из мультика. Бандерлога? Это я базу подвожу, что ли? Мол, бандерлогов нечего жалеть, они гады?

Интересно, откуда они притащили обезьяну? Может у кого-то дома жил? Вряд ли. Обезьян дома держат только идиоты. Опять же, еще на «старой Земле» я читал о том, что обезьян нельзя приучить ходить на лоток, или в унитаз. Они гадят там, где им хочется, и разбрасывают свое дерьмо. Собак приучают, кошки с самых младенческих дней приучаются ходить в лоток, обезьяны — нет. Я тогда еще подумал, что возможно суть проблемы — протест обезьяньего племени против рабской жизни у человека. Мол, вот вам, человеки! Кормите, поите, а я вам в руки насру!

Впрочем, срать в кормящие тебя руки — это как раз привычка человеческих особей. «Сосед, дай взаймы, а то давно не жрал и под порог тебе насрать нечем!». Постоянно видел такое, и даже не от отдельных людей — от целых государств.

Если обезьяну научить ходить в одежде, изъясняться членораздельной речью и заставить есть ложкой — она все равно останется неблагодарной обезьяной.

Взгляд. Обезьяна не кричит, не трясет прутья клетки — просто смотрит на меня, и будто понимает, что сейчас ее будут убивать. Страшно убивать — так, чтобы она мучилась, медленно гнила заживо.

Хреново мне. Я ведь потом буду вспоминать этот взгляд. Он будет мне сниться. Не знаю, чем провинилась эта обезьяна — может вывозила портьеры в говне, и потому хозяин от нее избавился, но...лучше бы он ее просто и без затей убил, чем вот так, предательски отдать чужим людям на мучение. Ведь ясно было, что Академия покупает обезьяну для опытов. А опыты над животными не бывают добрыми.

Глаза. Глаза людей, которые смотрят на меня и на животных, ожидающих своей смерти. Глаза равнодушные, глаза веселые, глаза любопытные — смотрят, как на спектакль, и ждут, когда же я начну убивать. Это даже хуже, чем гладиаторские бои. По крайней мере, там у противников есть шансы. А тут...грустный взгляд обезьянки, и тяжелый, ненавидящий, и спокойный взгляд кабана, который показал бы этим двуногим тварям где раки зимуют! Но не может.

Знаю, ему все равно умирать, но...сцука, он тоже заслуживает, чтобы ему дали шанс! Бой, так бой.

Держитесь, гады! — как сказал персонаж песни Высоцкого.

Пускаю импульс, и прутья клетки рассыпаются в труху. Кaban стоит, не веря своим глазам, недоверчиво хрюкает, поводя пятаком, его желтые, кривые клыки торчат в стороны, похожие на маленькие слоновьи бивни.

А пока он думает — я уничтожаю прутья клетки обезьяны, и будь что будет!

Обезьяна соображает быстрее — с диким визгом понеслась на замершую, оторопевшую толпу, так помчалась, что наверное обогнала бы чемпиона мира по спринтерскому бегу. Ее визг вывел из задумчивости кабана, и зверюга с невероятной легкостью, непостижимой при его немалых габаритах, помчалась следом за обезьяной.

Кегли, и шар для боулинга (не знаю, как он называется) — вот что пришло в голову, когда я увидел то, что произошло. Не знаю, как этот кабан понял, что я «свой», но только он пролетел мимо меня и даже не попытался зацепить клыком. А вот толпе наблюдателей не повезло. И в первую очередь — инквизиторам. Остальных людей кабан просто расшвырял, ударив в них как пушечное ядро, новысохшего как вобла блюстителя порядка он изрядно покалечил — кровь брызнула фонтаном, когда желтый клык распорол ногу инквизитора от колена и до пояса. Наверное, задел и бедренную артерию

Потом настала очередь второго «чернорубашечника» — ей кабан сломал ребра и разорвал живот. Ну и понеслось! Кaban визжит, ревет, люди разлетаются в стороны, а сверху, по головам, как маленький демон носится обезьяна и поливает всех струями дерьма. Не знаю, где он взял

столько дерьма, но получалось у него как из пульверизатора. Жидкий кал ударил в лицо преподавательницы психологии — ее начало рвать, и вырвало прямо на макушку главы кафедры земли. А разъяренная мартышка еще и вцепилась ей в волосы и выдрала очень даже приличный пучок.

Обгадив светоча психологии, обезьянка укусила за ухо преподавателя с кафедры огня, и разорвала это ухо практически пополам. И опять же — умудрилась обгадить раненого так, будто внутри у нее находились очистные сооружения всего города.

Я стоял, и остолбенело смотрел на то, что здесь натворил. Определенно, я не ожидал такого эффекта. Думал — звери поугаюют слегка, потом животных куда-нибудь загонят, и этим все закончится. Однако, нет — эта парочка решила дать смертельный бой своим мучителям, и за ценой точно не стояла. И самое печальное для избиваемой толпы, это то, что они не могли воспользоваться магией без риска попасть в своих соратников. Тут нужны стражники с тяжелыми копьями, а не маги с файрболлами и падающими с неба острыми сосульками. Я бы мог им помочь, но...делать этого не хотел. Невзирая на последствия от моего хулиганского поступка.

Положение спас Диссамбль, который тоже был помят в свалке с кабаном и хорошенько вывожен в обезьяньем дерьме, но присутствия духа не потерял и среагировал довольно-таки оперативно. Он открыл дверь, ведущую из подвала, и зачуяв запах свободы, два окровавленных демонических существа рванули в эту дверь, оставив людей подсчитывать убытки и залечивать раны. Справедливо рассудив, что лучше уж загнать животных, бегающих по парку, чем допустить, чтобы весь цвет академической мысли сгинул в вонючем подвале, затоптанный и обосранный проклятыми животными.

Ну а я стоял и думал о том, во что же это все выльется, и какие кары применит ко мне академическая власть. А то, что таковые последуют непременно — в этом я не сомневался. Достаточно только глянуть на обгаженные лица моих уважаемых преподавателей. Их взгляды не предвещали мне ничего хорошего.

Глава 16

— Зачем, зачем вы это сделали, студент?! — ректор выскочил из-за стола и заходил по кабинету, заложив руки за спину. Побегал, остановился передо мной, стоящим навытяжку, посмотрел мне в лицо и со звуком: «Уууу!» — погрозил пальцем. Что это должно означать — я так и не понял.

Потом ректор подбежал к Диссамблю, стоявшему чуть подальше от меня, у окна, задумчиво наблюдавшему за происходящим в саду, и яростно, срывающимся голосом завопил:

— А все вы, Диссамбль! Все вы, с вашими опытами! Кто разрешил использовать снадобье усиления?! Как так вышло, что вы позволили черному магу убивать?! А если бы он убил людей?!

— Если уж вы приняли черного мага в Академию, то вероятно оценивали его возможность убивать — холодно парировал профессор — Что касается его способности убивать, то я до сих пор не уверен, что он на это способен. Потому что не может убить даже свинью!

— Студент Ольгард, почему вы не убили этих животных? — вмешалась Содия Альфарец, на щеке которой красовалась здоровенная царапина от когтей обезьяны. Смыть дерьмо успела, даже прическу сделать успела, а вот царапину еще не устранила. Впрочем, и царапина ее не портила — красивая женщина!

— А почему я должен их убивать? — пожимаю плечами — Они мне ничего плохого не сделали. А я не забойщик на бойне, чтобы вот так расправляться с ни в чем не повинными животными. Я вообще не хочу никого лишать жизни! И вообще это подло — засунуть животных в клетки и потом смотреть, как они медленно и мучительно умирают. Не ожидал от наших преподавателей такого!

— От наших преподавателей можно ожидать чего угодно! — ядовито проскрипел ректор, и тут же спохватился — Не о том речь. Почему вы тогда просто не отказались от эксперимента? Зачем было выпускать животных из клеток?

— Я не ожидал, что все так получится — честно ответил я — Думал, что слегка попугают этих напыщенных бол...хмм...в общем — пугнут преподавателей, потом загонят животных в клетку и увезут. Не думал, что они устроят такую бойню. Кстати, надеюсь, никто не умер?

— Не умер — мрачно ответил Диссамбль — Но не вашими стараниями. Инквизиторы едва не погибли. Если бы на месте не было заведующего лекарской кафедрой — точно бы истекли кровью.

— А что случилось с животными? — задал я мучивший меня вопрос — Поймали?

— Ловят — нехотя ответил профессор — Кабана. Обезьяна убежала в город. Кабан перепрыгивать забор не умеет, так что никуда не денется. Надеюсь.

В этот момент за окном завопили — кто-то истошно кричал что-то вроде: «Обходи слева! Слева, долбо...! Да что же вы за идиоты?!»

Потом раздался совсем уж дикий вопль: «Аааа! Сволочь! Сволочь! Лекаря! Лекаря давайте! Сука!»

Я усмехнулся про себя, сохраняя скорбно-мрачный вид — похоже, что у ловцов все не так уж хорошо получается, и этот кабан, больше напоминающий трицератопса, еще даст им как следует прикурить. И поделом!

— Что там? — забеспокоился ректор — Бассом, узнайте, в чем дело?

Секретарь, мужчина лет сорока, шагнул к двери, но она открылась сама, и в кабинет вошел начальник охраны, кряжистый человек, явно из бывший военных. Он отдувался, вытирал пот с лица, а правая его рука с тыльной стороны была испачкана красным.

— Что случилось? — спросил ректор, не дав раскрыть рта новопривывшему — Пойман? Убит?

— Это смотря кто... — проворчал главный охранник — В этого хряка вселился главный демон ада! Мы загнали его к административному зданию, но кабан увернулся от копий, снес трех бойцов — одному едва не вывернул кишки — и снова ушел в парк! Парк большой, если как следует затаится...в общем — нужно самое меньшее две сотни людей,

ставить их цепью и вытаптывать! И не факт, что не уйдет. Он хитер, как сто демонов! И силен как бык!

— И не надо ухмыляться, молодой человек! Это ваших рук дело! Вот вас бы и заставить искать эту тварь! — это ректор мне.

Я с трудом стер с лица ухмылку, и это было довольно-таки сложно. Не знаю почему, но я очень сочувствовал кабану. Чем-то он похож на меня — такой же узник, которого того и гляди пустят на мясо. Пусть перед смертью порезвится. Все равно догонят и убьют, но...пусть пока поживет.

— Идите, найдите и уничтожьте эту тварь! — ректор посмотрел на главного охранника — Нет пока возможности добавить вам людей! И вообще — считаю, что десяти человек хватит, чтобы загнать одну свинью. Вы что, совсем неумелые? Кабана они не могут подстрелить! Смешно!

— Вам смешно... — обиженно прогудел начальник охраны — Вы бы видели этого гада! Таких надо в армию — он бы все войско врага вытоптал за считанные часы! Где наши маги?! Почему они не помогают?! Между прочим — их рук дело! Это они сюда его привезли! А мы расхлебывай! Три человека вывел из строя за три секунды!

— Идите, идите! — махнул рукой ректор, и дождавшись, когда подчиненный уйдет, посмотрел на меня со смесью ненависти и ярости — О Создатель, будь проклят тот день, когда вы, Ольгард, попали в Академию!

— Как будто я рад был тут оказаться... — не выдержал я — Мне ваша Академия...

Я прикусил язык, решив что молчание все-таки если и не золото, но кучка серебра — точно. За язык можно сильно пострадать! Аксиома, конечно же. И банальность. Но так реально...

— Подождите! — это психологиня. Похоже сейчас меня будут разбирать по досточкам.

— Подождите! — повторила Содия — Ольгард...Эдвин, скажите, и все-таки...почему вы не стали убивать этих зверей? Искренне, правду! Я помню — вы сказали, что не хотите никого убивать. И мне послышалось

тут «НО». Есть тут «НО»?

Молчу. А что я скажу? Вернее — что могу сказать? Если искренне.

— Ну что молчите? Значит, «НО» тут есть. Какое — «НО»? Звери ничего не совершили, вам не угрожали. Потому вы их не убиваете. А если бы совершили? Ну, например — кабан безумен и убил...ребенка. Или женщину. Убили бы его?

— Простите, но глупый вопрос! — не выдерживаю я — Какого ответа вы ждете? «Нет, я все равно не убью живое существо, даже если он совершил такое злодеяние!» — так, что ли? Ясное дело — убью. Нападет на меня — тоже убью. И есть захочу — убью. Но вот так — в клетке, мучительной смертью — это только наши преподаватели могут устроить! Я такого не сделаю!

— Ага! — Содия торжествующе смотрит на Диссамбля — А я вам говорила! Я была против этого эксперимента! И хорошо, что студент отказался это совершить! У нас в руках...хмм...у нас в Академии — черный маг. Юноша, который жизни не видел! Белый лист бумаги, на котором можно написать все, что угодно. И что вы пишете? К чему приучаете? К убийству? Да вы на него посмотрите — чистый, юный, домашний мальчик, который и ребенка не обидит! Который даже своего обидчика не убил! Который любит весь мир! И что вы из него лепите?! Убийцу?!

— Вы перехлестываете — вяло бросил профессор, глядя в окно — Ему же не человека подставили убивать. Хряка и так хотели заколоть на мясо — а у нас он бы послужил науке. Обезьянку хотели удавить — она весь дом загадила. Хозяин свечку поставил в храме, когда ее отдал. Радовался. Так что...причем тут убийство? Кстати, Ольгард, а человека могли бы убить? Ну...если он виновен?

— Запрещаю! — тут же вскинулся ректор — Запрещаю проводить опыты на людях! Диссамбль, вы переходите все границы! Чтобы потом пошли слухи, что у нас казнят преступников?!

— О нас и так уже идут слухи — скривился Диссамбль — И кстати сказать, слухи эти касаются как раз Ольгарда! Вы знаете, что вся Академия считает его убийцей...сами знаете кого?

— Чушь! — фыркнула Содия — Вы на него посмотрите! Разве он мог бы справиться с этим здоровилой? Да тот чуть не на голову выше Ольгарда! Студенты умеют придумывать истории. Кстати, сыщик, что у нас был — уехал ни с чем, вы это знаете. Почему он не прихватил Ольгарда, если мальчик убил этого наглеца? Да, а что вы смотрите? Покойного...я даже имя его называть не хочу — ненавидела вся Академия, за исключением близких друзей этого типа. Он даже мне умудрялся сделать непристойные предложения! Я молчала, потому что не хотела иметь неприятностей с его родителями. А вот надо было написать докладную! Бедный мальчик...навесили на него грязные слухи, и теперь...

— А что теперь?! — внезапно резко выкрикнул ректор, покраснев и вытаращив глаза — Теперь он ходит в героях! Начальник службы безопасности доложил мне, что этот «домашний мальчик» теперь ходит в героях у всей Академии — за исключением небольшой группы бывших друзей покойного! Ну как же — убил, и ушел от справедливой кары! Вот так, дорогая коллега!

— Я настоятельно попрошу не марать мое честное имя — мрачно-веско сказал я — Если считаете, что я виноват в смерти этого парня — арестуйте, судите. А не за что судить — так и не марайте меня беспочвенными подозрениями! В конце концов, я потомок древнего дворянского рода, пусть и остался в нем только один. Мои предки служили императорам две тысячи лет!

— Видите? — ядовито спросил ректор — Этот мальчуган не так прост, как вам кажется! Ишь, как зубки-то показывает! Что же с вами делать, юноша? Сами-то что думаете? Что мне делать?

— Ничего не делать — дергаю правым плечом — Сообщите, что в некий эксперимент закончился тем, что подопытные животные вырвались из клетки. И что никто в этом не виноват — иначе будут обвинять Академию в том, что она не соблюдает правила безопасности. И я не буду рассказывать, что весь цвет академической науки был обосран обезьяной и затоптан свиньей.

Молчание. Голос ректора:

— Иди к себе, отдыхай. Потом поговорим еще...если понадобится.

Ну что же...вышел, плотно притворил за собой дверь. Пусть пообсуждают. Только результат будет один — замнут, да и все. Ничего они мне не сделают.

— И что скажете?

— Ну что сказать...парнишка-то прав. Если эта история вылезет наружу...дурно мы тут смотримся. Я дал ему снадобье усиления, рискуя его способностями, а может и самой жизнью — инквизиторы настояли. Кстати, не без вашего участия! (смотрит на ректора) Если бы не вы, я бы послал их подальше!

— Инквизиторы всем нам могут устроить неприятности — поморщился ректор — будут лезть, совать нос куда не нужно. Вам это надо? Мне — нет! Еще неизвестно, как они пронюхали, что у нас появился черный маг. Кто-то докладывает им, это точно. Интересно, кто этот мерзавец?

— Да кто угодно, начиная со студентов, и заканчивая преподавателями — фыркнула женщина — И да, я согласна с уважаемым профессором: это дело надо похоронить.

— Я бы с удовольствием отчислил этого...хмм...студента Ольгарда — мечтательно вздохнул ректор — Только ведь нельзя. Закон, есть закон. Он должен учиться, иначе...

— Иначе вам не поздоровится? — понимающе ухмыльнулся Диссамбль — Кто за него просил? Кто его сюда пристраивал?

Ректор молча показал пальцем вверх, и все, кто был в комнате тоже посмотрели в потолок. И промолчали, хотя все трое отчетливо увидели на потолочной панели здоровенного паука с крестом на спине. Ясно было, что устраивал в Академию этого парня вовсе даже не паук-крестовик.

— Эй ты! Да, ты! Тебе говорю, отродье!

О господи...мне только этого не хватало! Я ждал их гораздо раньше,

сразу после смерти предводителя. Но эти придурки почему-то тормозили. Я так и не понял — почему. Ждал, что наедут на меня в первый же день после того, как. Но прошло довольно-таки много времени, и вот... Видимо, им надо было вначале убедить себя, что ЭТО сделал я, потом убедить друг друга, что наезд на меня будет безопасен для этой шайки, и затем уже поймать меня в коридоре возле двери, ведущей в мою комнату. Кстати, это те самые уроды, что насиловали Вергу вместе со своим главарем. Так что...виновны! Я и сам-то слегка подзабыл про них, просто руки еще не дошли, а вот теперь... Не знаю, кто участвовал в изнасиловании, вернее — не знал. Теперь знаю. Вот они, все трое собрались!

— От отродья и слышу — говорю холодно, с глумливой усмешкой — Чего тебе, деревенщина?

Замахивается, заноса здоровенный кулак, но его останавливает другой парень — полная противоположность первого, кряжистого, похожего на борца-вольника. Этот — худой, длинный, с вытянутым, и будто вечно плаксивым лицом:

— Не надо! Все смотрят! Выгонят ведь из Академии, или штраф заставят платить! Все бои — только на Арене, по правилам!

Кулак опускается, пальцы разжимаются. Кряжистый тяжело дышит, и лицо его искривлено гримасой ненависти.

— Вызываю тебя на бой! — шипит он, и снова сжимает пальцы в кулаки — До смерти!

— А я не принимаю бой — снова ухмыляюсь, и шагаю к своей двери — Ты сильнее меня в три раза, и наверное быстрее. И старше на пять лет! Я что, дурак? Ты вообще знаешь, придурок, что запрещается вызывать на дуэль студента при разнице в возрасте больше чем в два года? Мне пятнадцать, осел! А тебе девятнадцать! Ты вообще дуэльный кодекс читал?! А если попробуешь меня избить — я напишу жалобу и добьюсь, чтобы тебя исключили. Понял, осел?

Говорю это тихо, с веселой, ласковой улыбкой. Какие бы они ни были идиоты, но все равно должны испугаться. Исключат из Академии — смерть! В крайнем случае могут принять в Академию простолюдинов, но и то...надо очень постараться. И кроме того — могут присудить огромный

штраф, такой, что этого парня родители вывесят и высушат.

— Трус! Ты трус поганый! — задыхается от ярости крепыш, и я довольно киваю:

— Ага! Трус! А ты идиот! Пошел отсюда!

Вхожу в комнату и захлопываю дверь перед носом ошеломленным мстителей. Кстати, да — есть такой пункт в дуэльном кодексе, и в нем говорится, что меня нельзя вызвать на дуэль, если разница между мной и вызывающим более двух лет. В юности два года разницы в возрасте — это все равно как разница в силах между стариком девяноста лет, и сорокалетним мужчиной. Кстати сказать, считаю, что такое правило введено очень даже разумно. И скорее всего после того, как среди студентов первый курсов начался натуральный падеж — их просто убивали на дуэлях старшекурсники. Как говорится, все пункты техники безопасности написаны кровью пострадавших.

Ну что же...теперь все ясно. А то неизвестность меня слегка напрягала. Теперь стоит ждать нападения где-нибудь за пределами Академии. Здесь эти придурки ничего такого делать не будут. Трусливые твари... Завтра выходной день, пойду на рынок. Там и посмотрим, что эти типы придумали. Я даже им слегка помогу приблизить мечту...

Вечер прошел без приключений — занялся домашними делами, например, постирал. Задумался о том, что неплохо было бы завести служанку. Как-то неуместно отпрыску королевской крови стирать самому. Да и в номере убираться кому-то надо. Мне влом вытирать пыль и мыть полы. А чтобы завести служанку, надо иметь деньги, которых у меня пока что ограниченное количество. На жизнь хватит, и на безбедную, но чтобы завести слуг...этих денег явно не хватает. Насколько знаю, у всех, кто живет в платных номерах, имеются слуги — приходящие, конечно же, слугам студентов жить на территории Академии запрещено.

Смешно звучит: «слуги студентов». Но что поделаешь, если так обстоят дела. Большинство из здешних учащихся и дня не прожили без мамок-нянек и слуг, которые надевали им штанишки. Даже у самых нищих дворян обязательно имелись слуги — вольнонаемные, или рабы, которые работают по дому.

В столовой, на ужине, ко мне никто не подходил, только смотрели и перешептывались. Никого из тех, с кем общаюсь, не встретил. Не было ни Керла, ни Верги, ни других ребят, с кем более-менее сошелся. Да и слава богу...за все годы, что я живу в этом мире, с одноклассниками я практически не общался. Ну о чем может говорить с детьми взрослый мужик на склоне лет? Это даже не смешно. По здешним меркам все эти подростки совершеннолетние, но черт подери — какие же они...нет, не глупые...недалекие — вот это слово! Недалекие, необразованные, зашоренные! И притом при всем — взрослые, физически и морально сложившиеся люди. То, что им по пятнадцать лет ничего не значит — в средневековье, коим так и тянет назвать здешний период времени, взрослеют рано, и умирают рано. Все, как на Земле...настоящей Земле.

Ждал, что Верга придет ко мне ночью. Не пришла. То ли ей нездоровилось после наших с ней хулиганств (что немудрено!), то ли были какие-то другие причины, но...я спал один. И честно сказать — спокойно и хорошо. Я вообще не люблю, когда кто-то спит рядом со мной, чувствую себя некомфортно. То ли привычка старого холостяка, то ли...привычка жить «на-щелчке», когда рычажок предохранителя сдвинут, и пистолет готов к стрельбе. Уснешь, а соседка тебе и воткнет нож в спину. Так что когда та же Верга была в моей постели, я дремал, но не так чтобы уж глубоко. Можно сказать вполглаза. Провалюсь в дрему, а сам все слышу и вижу. Впрочем, поспать она мне и не давала. Энергии у этой девчонки хватит на роту солдат. Откуда что и берется-то...пре ее стройных формах.

Утром позволил себе поваляться подольше — все-таки выходной день! Воскресенье! Здесь оно называется не так, что-то вроде «седьмойденьзавершение», если дословно, но суть все та же — в этот день работать нельзя, ибо в воскресенье Создатель отдыхал после создания мира, и кто мы такое, чтобы противиться его воле? Святое дело — воскресный отдых!

С вечера приготовил три камзола, рубахи, штаны, сложив их в найденный тут же мешок. Отнесу на переделку в швейную мастерскую. Мне не стремно, я ведь на войне, а на войне нет брезгливости и сомнений. Если твоя обувь развалилась — сними ботинки с мертвеца и носи. Все, что способствует твоему выживанию — в ранге положенности.

В столовой народа почти не было — она уже закрывалась, оставалось минут пятнадцать до сигнала колокола, так что я быстренько

позавтракал подстывшей яичницей с беконом (очень разумный завтрак!) и куском черного пряного хлеба, выпил кружку теплого, как моча узвара из лесных ягод, и довольный, насвистывая какую-то земную мелодию (никак не могу отвыкнуть от этой привычки!) отправился в свою комнату. Быстро собрался, и через пятнадцать минут я уже шагал по шумной, пыльной улице, уворачиваясь от бесцеременно толкающихся, наглых горожан.

Да, кстати сказать — городской люд отличается абсолютной наглостью и бесцеремонностью, и сравнить могу только с водителями в крупных городах Земли. Переть по встречке, обгонять по обочине, подрезать, пока тебе не навесят по морде — это считается нормально для настоящего (вах!) мужчины. Так и здесь — не увернешься, тебя шибанут плечом так, что может оказаться в канаве. И всем пофиг на тебя, если ты ниже их ростом. Ну а я не очень-то выдающихся габаритов, потому сам бог велел врезать мне так, чтобы я со своим дурацким мешком покатился в лужу лошадиной мочи. Право сильного — это наша жизнь.

Кстати сказать, если бы я вырядился в форму студента Академии — скорее всего меня бы не трогали и уступали дорогу. Потому что во-первых — я дворянин, а от дворянина можно огрести люлей просто-таки сходу, и ничего ему за это не будет. Ибо посягнувший на дворянина есть преступник, даже если он просто разбил ему нос. Могут и казнить. Если поймают, конечно.

Во-вторых, студент Академии — маг, а маги не отличаются долготерпимостью и добрым нравом. Дворянская спесь в купе с умением колдовать — что может быть страшнее? Про магов всегда ходили страшилки на уровне «Девочка, закрой дверь, к тебе летит гроб на шести винтах!». Маг может тихонько колдануть, и у тебя яйца отвалятся — так думает любой простолюдин, и не только простолюдин. Впрочем, скорее всего эти слухи поддерживают сами маги, чтобы к ним было побольше почтения.

Но я оделся как обычный горожанин — что-то вроде приказчика в лавке купца, или младший сын торгаша. Добротные, неновые ботинки, рубаха с длинными рукавами, заправленная в штаны с добротным кожаным поясом, на котором висит кошель, и небольшой, хорошей стали нож, скорее кинжал с обоюдоострой заточка и крестовидной гардой, способной принять на себя удар сабли или тонкого меча вроде

шпаги. Все хорошего качества, неброское, и такое, что не стесняет движения. И перед людьми не стыдно, и для боя сойдется.

А то, что будет бой — я по большому счету и не сомневался. Заметил их еще у Академии. Вероятно, им кажется, что они такие продуманные, такие опытные, великие мастера слежки. Шляпу на глаза, оглядываться как можно подозрительнее, жаться к стенам домов — так делают все опытные шпики. Ну а выслеживаемый, конечно же, полный дебил, и ничего не замечает!

Вот чего не отнимешь у этого мира, так это того, что все лавочники готовы расстелиться перед тобой, когда почуют запах денег. Никто тебе не скажет, что ты не так одет, или не так посмотрел, и потому они тебя не будут обслуживать. В Сочи, помню в магазинах висели объявления, что в пляжной одежде — шортах и купальниках — заходить нельзя, обслуживать не будут. Идиоты! Им деньги принесли — радуйся, встречай поклонами! Ан нет...рожи воротят, придурки. Тут же такого нет. Пришел какой-то парнишка, принес кучу барахла, чтобы перешить под себя — так счастье! Великое счастье! Клиент! Улыбаются, кланяются, просят еще приходить и приносить! И даже не спросили, где я это барахло добыл. Впрочем, я сам пояснил — осталось от старшего брата. Мол, надоели ему, и он отдал шматье мне. Вензеля рода покойного я спорол заранее. И кстати сказать — нарисовал вензеля своего Клана, чтобы нанесли на одежду там, где и положено. На два камзола. На третий — ничего.

Ботинки, новехонькие и ненадеванные, обменял в лавке обувщика на добротные, размером поменьше. Тоже хорошие, хотя и похуже качеством. Нет, не так — не качеством похуже, а отделкой, вышивкой и все такое. Мне такие клоунские сапоги ни к чему, чем проще, тем лучше. Ни золотых, ни серебряных нитей, зато кожа мягкая, подошва крепкая и не скользит. Башмачник остался очень доволен сделкой — явно «прибул» меня с разницей в стоимости — как минимум раза в два. Но я не в обиде — ему тоже надо зарабатывать, а мне досталось на халяву, если не считать за труд убийство хозяина вещей. Да, совесть меня не жложет. Я циничный убийца, выглядящий как мальчишка.

От башмачника отправился в сторону порта, туда, где народа поменьше, и вода почище. Да, решил искупаться в море. Если глубоко не заходить, то можно спокойно поплескаться в теплой, иссиня-голубой воде, прозрачной, как богемский хрусталь. Если зайти глубже, чем по

пояс, можно лишиться выступающих частей тела, так как сразу не заметишь щупальца, или плавника акулы. Здесь они шустрее чем на Земле-один, есть даже гигантские акулы вроде земного мегалодона, который давно вымер, но которого регулярно видят охотчие до самогона и баек моряки. В здешних морях столько этих тварей, что реально ни один моряк с корабля, потерпевшего кораблекрушение, не имеет ни малейшего шанса выбраться на берег. Сожрут в считанные минуты. А то и секунды.

Чуть выше по берегу, начинаясь от забора порта (он огорожен высокой стеной) — старые, заброшенные сараи-верфи, в которых некогда строили лодки. Кто строил — не знаю, вроде какой-то купец. Но разорился. Кому сейчас принадлежит этот кусок земли у моря — неизвестно. Но ангары стоят запертыми на замки, а возле них шикарнейший пляж с белым песком. Багамы, да и только! У нас бы давно уже эту землю прихватизировали, и на пляже лежала б куча загорелых телок, томно поглядывающих на проходящих мужчин: «Я Нитакуся! И даже не предлагайте мне ресторан и трахнуться! Обманщики!». Здесь жевремя от времени гуляют настоящие телки — рогатые и хвостатые, оставляя на песке круглые блины, тут же растаскиваемые хлопотливыми крабами.

Вот в этом укромном уголке я их и дождался. Полчаса ждал, даже успел искупаться и обсохнуть. Нет, все-таки хорошо, когда дичь сама идет к охотнику! Ни тебе беготни, ни потного затылку — сиди себе в прибрежной волне, наслаждайся шумом ветра и шелестом волн, и смотри, как три идиота радостно спешат навстречу своей судьбе. Ну чем не жизнь? Малина, ага!

Глава 17

«Лежу на пляжу я, и млею, здоровью свою не жалею!» — вертелось в голове глупая присказка-частушка. А еще, мне вдруг подумалось, что я за все эти годы ни разу вот так не валялся на песочке, подставляя солнцу свою белую, не видевшую загара спину. Здесь не принято загорать, от слова «вообще». Загорелые — только рабы, которые носят минимум одежды, а то и вообще раздеты догола, да еще крестьяне, которые недалеко ушли от рабов. Впрочем, еще и корабелы — их лица, руки и ноги всегда обветрены и черны, ведь на судах они частенько ходят лишь в набедренных повязках. А вот аристократу неместно иметь загорелую кожу где бы то ни было — на заднице, или на лице. Мы, голубая кровь и белая кость — всегда белы и...

— Разлегся, скотина! — услышал я знакомый голос — Ну что, ублюдок, пора ответить за свои преступления!

Вообще-то он сказал на жаргоне, что-то вроде «за свои косяки», но я предпочитаю слышать культурную речь, так что для себя перевел именно «преступления». Мозг перевел, без моего участия.

Встаю, ничуть не стесняясь наготы, и не испытывая ни малейшей крупницы страха. Скорее наоборот — чувство глубокого удовлетворения от хорошо сделанной работы. Я вас, ребята, так долго вел! Так истово направлял по нужному руслу! И вы что-то долго сидели за ангаром, смотрели, как я купаюсь. Извращенцы, что ли? Голого парня не видели?

— Ольгард...скажи, напоследок, это ты его убил? — спрашивает высокий, худой парень, придерживая рукой коренастого — Откройся перед смертью!

Я хмыкаю, с интересом гляжу на «собеседника». Секунду раздумываю над ответом, потом вздыхаю:

— Изэх! Ты понимаешь парень, что если я отвечу тебе правдиво, мне придется тебя убить?

Хохочут. Потом коренастый, который недавно хотел меня ударить в

коридоре, с кривой усмешкой спрашивает:

— Ну, так что, ответишь?

— Отвечу — киваю я — Да, это я его убил.

Молчание. Голос Худого:

— За что?

— Вы изнасиловали Вергу. А он еще и требовал, чтобы она приходила к нему, чтобы удовлетворять его, и всю вашу мерзкую шайку. Потому мне пришлось его убить.

— Вот как? — искренне удивляется третий, до сих пор молчавший — Из-за какой-то шлюшки? Парни, он врет! Не смог бы он убить Шогаса! Какой-то недомерок — и Шогас, разве сравнимо? А вот подставить его, нанять кого-то для убийства — мог. Так ведь, Ольгард? Ты ведь кого-то нанял?

— Нет... — отвечаю потягиваясь, и ухмыляясь во все тридцать два зуба — Чтобы убить таких гавнюков, как вы, мне не нужно...

Договорить не успел. Коренастый молниеносно выхватил из-под полы то ли длинный нож, то ли короткий меч и напал на меня без каких-либо предварительных манипуляций и слов, вроде: «Ну сейчас ты поплатишься!». Правильное решение. Болтовня ни к чему хорошему не приводит. Собрался убивать — убивай!

Я рыбкой нырнул на песок, к своей одежде, и через секунду рукоять кинжала была у меня в руке... Следующий удар я принял на клинок. Скрежетнула сталь, поворот руки в нужную сторону, и меч вылетает из руки противника. Выпад! И узкое лезвие входит в глаз коренастого.

Не знаю, как убитый в глаз реагирует на то, что его убивают. Наверное, это что-то вроде вспышки...или просто кольнуло, и все, темнота. Надеюсь, что никогда этого не узнаю. Коренастый застыл на месте, ноги его в коленях подогнулись, и он мешком осел на песок.

Худой парень стоял молча, широко открыв рот и выпучив глаза, а вот третий благоразумно бросился бежать, подвывая от ужаса и спотыкаясь на пустых ракушках, похожих на наши рапаны (может это и есть рапаны).

Ну а я прикинул на руке вес кинжала, подбросил его, перехватывая за лезвие, и почти без замаха метнул в цель.

Я и до многолетних тренировок неплохо метал ножи. В детстве еще баловался этим делом. Развлекался. Вначале не получалось, потом стал выткать в мишень с десяти шагов три раза из пяти, а потом уже не промахивался. Вернее — редко промахивался. У всех свое хобби, у меня — вот такое. Я вырос на книжках о героях, представлял себя разведчиком, подкрадывающимся к вражескому часовому, и мечущим нож тому в горло. И тренировался. Уже встав взрослым, узнал, что только идиот будет ставить под угрозу цель операции, поставив все на такой неверный, непредсказуемый способ ликвидации врага. Но...метать я научился очень хорошо. Как сказал один персонаж, чтобы научиться метать нож, надо бросить его в цель десять тысяч раз. Я метнул его как минимум пятьдесят тысяч раз. Да, целыми днями только и занимался этой дурью — метал, метал, метал...как ненормальный.

Клинок вонзился точно в спину, под левую лопатку. Можно было бы и в затылок, но парень отбежал уже на приличное расстояние, да еще и дергался, спотыкаясь, так что немудрено и промахнуться. А так — жало кинжала вошло ему в сердце по самую рукоятку. Придурок вероятно даже и не понял, что с ним случилось — просто кольнуло в спину, а потом стало нечем дышать, ослабели ноги, зазвенело в голове, и... темнота.

Он пробежал еще шага три, прежде чем упал назвничь. Ноги его еще подергивались, будто мозг пытался продолжить бег, когда я подошел к худому, от которого неприятно и резко пахло мочой.

Да, точно — обмочился. Страшно, я его понимаю. Но что поделаешь? Пора умирать! Я ведь предупредил, что не надо задавать вопросы, которые повлияют на продолжительность твоей жизни.

Одним движением подхватываю торчащий в песке меч, который я выбил из руки коренастого, и не замедляясь, снизу вверх, наискосок сношу голову худому. Голова катится по песку, останавливается, утверждаясь на обрубке шеи — криво, так как шея срублена наискось, и два раза моргает, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Потом веки останавливаются в полузакрытом состоянии, и похоже на то, как если бы голова уснула. Из туловища через шею толчками продолжает фонтанировать кровь, распространяя в воздухе неприятный, следкий

запах мясного рыночного ряда. Ступни мелко подергиваются — тело никак не хочет поверить, что фактически оно уже умерло.

Часть крови попало на меня, но я ведь не зря раздевался догола — смыть следы преступления с кожи гораздо легче, чем устранить кровавые пятна с одежды. А если знать как, то по пятнам крови можно определить и то, кому она принадлежала. Как ни странно, здешние умельцы-маги делают это на-раз.

Обыскиваю трупы, собираю добычу. Горсть монет мне не помешает, это точно. Я ведь на самообеспечении. Драгоценности брать не стал, во избежание опознания. Вдруг кто-то знает, какой перстень носил коренастый, или же амулет на цепочке у худого. Снял их с трупов, и размахнувшись, забросил в море как можно дальше. Даже если и выбросит на берег во время осенних штормов, и кто-то найдет эти цацки — это уже не мое дело.

Трупы быстро, очень быстро оттащил в море, и когда подтаскивал последний, третий труп — молился за то, чтоб обитатели глубин не успели почуять запах крови, расплывающейся по волнам. Последней, взяв за волосы, забросил голову худого, так и продолжавшую смотреть на мир полуприкрытыми, серыми глазами. Затем омылся, стараясь не заходить глубже, чем по колено, и не дожидаясь, когда обсохнет кожа, стал одеваться, наблюдая за тем, что происходит с трупами, колышущимися при очень слабом волнении — был почти штиль.

Началось, когда зашнуровывал башмаки. Не знаю, как по воде расходуется информация о том, что где-то вдруг появился сытный обед, но...прошло всего минут пять, не больше, и вот... Над водой взметнулось огромное щупальце, такое жуткое на вид, что у меня невольно кое-что едва не втянулось в живот, а по коже побежали крупные такие мурашки! Удар по воде дал такой звук, что казалось — хлопнуло гигантское весло, или некий великан врезал по волнал огромной плетью. Хлоп! И одно из тел, покачивающихся на волне, исчезло в буром водовороте, оставив после себя расходящийся темный шлейф.

Потом из воды высунулся гигантский хвост, и снова ударило будто хлыстом. Зачем они так делали — не знаю, может это был способ отпугнуть мелких живностей, претендующих на кусок «бифштекса»? Эти «мелкие живности» дунули с места обеда с такой скоростью, что несколько штук выскочили из воды, будто мальки, разбегающиеся от

щучки, и кстати сказать — в сравнении с этой тварью они и были настоящими мальками. Пусть даже и весили тонну, и длиной были метров по пять, не меньше. Эти акулы очень напоминали наших белых акул — ну просто копия земных тварей. А вот тот, кто их пугнул...похоже, что это даже не мегалодон, это гораздо...хуже! Не знаю, как сказать... наверное все-таки хуже, ведь мегалодон перекусит пополам, а этот проглотит и живьем переварит. Что-то вроде ихтиозавра размером с земного синего кита. Мегалодон весил около ста тонн, этот гад точно был больше.

Ихтиозавр (если можно его так назвать) подбросил одно из тел в воздух, будто играясь вкусным пирожком, и разверзнув гигантскую пасть — поймал его прямо в воздухе так же ловко, как кошка ловит бабочку. И с грохотом ушел в пучину вод.

Я не стал досматривать эту эпическую картину, быстренько понесся с пляжа, дав себе зарок больше в море не купаться. А еще я подумал о том, насколько же опасен труд рыбаков и мореходов. Ну черт подери, только подумаешь, что под тобой в пучине вод плавают такие твари — и не захочешь войти на борт корабля! А рыбаки с их утлыми лодчонками? Они-то как выживают?! Весь город забит морепродуктами, которые стоят довольно-таки дешево, значит на рыбалку люди выходят. Сколько же рыбаков возвращается домой? И сколько становится кормом для чудовищ...

Пока шел в Академию, уворачиваясь от прохожих, все время пытался поймать какую-то мысль...что-то не давало мне покоя. И я не мог понять — что именно. И только когда прошел уже более половины пути, понял, что я упустил. Почему эти трое не применяли магию?

Стал копаться в памяти, разбирая весь бой. Вот на меня бросается коренастый, и... Была! Была магия! Он что-то попытался наколдовать, я точно знаю, я почувствовал! Но почему не сработало? Это потом он уже бросился на меня с мечом, а вначале решил что-то наколдовать. И этот... худой — он ведь тоже колдовал, точно знаю. У него засветилась аура — ярко, гораздо ярче, чем светится, когда маг находится в спокойном состоянии. Хотя...может мне показалось? Может свечение их аур связано с обычным возбуждением? Они хотели меня убить, были взвинчены. Вот тебе и свет ауры. Я же неопытный, не знаю, как меняется яркость ауры в зависимости от состояния человека — когда он здоров, когда болен, когда находится в приподнятом настроении, и когда в депрессии. Это

целая дисциплина, которую преподают люди вроде Содии, специалиста по психологии. Нам она пока что дала лишь основы — прошло всего-то три лекции по ауристике, так что...пока ничего сказать не могу.

Да, возможно эти негодяи не хотели работать магией, чтобы не вызвать возмущение магического пространства, и как минимум — не вызвать к себе интерес компетентных органов. Инквизиции, например. Если они убьют меня магией, а магия оставляет индивидуальные следы — по крайней мере так нам говорят преподаватели — значит, можно вычислить того, кто убивал этой самой магией. И выйти на убийцу. Как это делается — опять же, я не знаю. Я всего лишь первокурсник, лох педальный, который имеет способности к магии, но не умеет ей управлять.

Кстати, тот факт, что коренастый имел при себе меч, доказывает, что предполагалось убить меня вручную, без применения колдовства. Ранить, а потом забить до смерти. Я ведь не выгляжу опасным противником, потому — чего опасаться? Но вот только когда ты чувствуешь, что все пошло не так, что тебе грозит смерть — уже не до правил и законов. Лишь бы выжить. Всегда можно списать на то, что защищался, и только лишь ответил ударом на удар.

И вот еще что...куда делась магия противников? Они воздействовали на меня магией, или не на меня, а на окружающее их пространство с тем, чтобы воздействовать на меня. А я...я каким-то образом нейтрализовал магию! Всосал ее в себя! Точно, всосал! В горячке боя не заметил того, но факт есть факт — магия во мне. Я переполнен ей, как кувшин, вскленый налитый пивом. То-то худой так вытаращил глаза...не ожидал, засранец!

Весь оставшийся путь я пытался вспомнить, что чувствовал перед тем, как забрал магию у парней. Что ощущал, что делал. И вообще ничего не вспомнил. Ну...почти ничего. Помню, как по коже будто холодок побежал, помню, что вспыхнули ауры у моих противников, и я очень не хотел, чтобы меня спалили, или утыкали острыми сосульками, внезапно упавшими с неба. И...все. Ну...совсем все! Дальше пошло по стандартному сценарию — нож, меч и все такое.

— Привет!

Едва не вздрагиваю, настолько ушел в свои мысли. Оборачиваюсь, готовый ко всему, и вижу симпатичную мордашку, улыбающуюся во все тридцать два белоснежных зуба.

— Милена?! Привет!

— А чего напугался? — хихикает, ехидно улыбается — Неужто думал, что за моей спиной папка стоит?

И тут же грустно шутит:

— Я ждала, что ты ко мне ночью в окно залезешь, а ты струсил? Папки испугался? А зачем тогда спрашивал адрес?

Молчу, не зная, что ответить. И между делом осматриваю девушку с ног до головы. С удовольствием осматриваю! Хороша, чертовка! Если та же Верга хороша своей совершенностью и неким налетом...хмм...порочности на ангельски красивом лице (да, так бывает!), то эта привлекает своей непорочностью, свежестью, которые так и хочется...нарушить. Она притягивает к себе, будто цветок, на лепестках которого сверкают капельки утренней росы. Хочется собрать их губами, хочется прижать к цветку, нюхать его, гладить...

Эй, эй! Чего это я ударился в романтизм, понимаешь ли...никакого романьтизма, одна закуска осталась! Долой эти сопли! Долой миленьких невинных девушек, за спиной которых маячит папаша с копьем наперевес! Мне что, проблем мало было?!

Я вдруг наклоняюсь к Милене, притягиваю ее к себе, впиваюсь в губы долгим поцелуем, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Девушка ойкает и замирает, как пойманная змеей лягушонка. Только дрожит всем телом, сопя носиком и вцепившись мне в спину острыми ногтями на крепких пальчиках.

Кто-то рядом присвистнул, кто-то из прохожих, и насмешливо прокомментировал:

— А вот не трахнешь сквозь одежду! Надо вначале раздеть, дурачок!

Сколько времени длился поцелуй — не знаю. Но прекратился он внезапно — мне ощутимо прилетело по затылку, и звонкий женский голос возмущенно завопил:

— Ах ты бесстыдник! Да что же это делается?! Невинную девушку едва не насильничали прямо на улице! А ты что, Милена, как тебе не стыдно?! Что ты смотришь?! Я все отцу расскажу! Того и гляди ноги раздвинешь перед этим наглецом! Ай-яй...

Женщина лет сорока — высокая, массивная, килограммов под сто весом и ростом выше меня стояла рядом упершись руками в бока и укоризненно качала головой справа налево и обратно. Они с Миленой были похожи — лицом, конечно же, потому что габариты мадам превышали габариты Милены больше чем в два раза. Родственница, наверное — пронеслась в голове мысль. А кровь стучала в затылке, в ушах звенело, и я так хотел эту девчонку, что просто...дух перехватывало! И что такое со мной случилось?! Будто замкнуло...

Милена смотрела на меня серьезно, немного грустно. Глаза с поволокой, влажные и прекрасные...

— Я подам жалобу! — продолжила вопить женщина, но Милена ее прервала:

— Хватит, тетушка! Ничего же не было! Просто невинный поцелуй! Господин поблагодарил меня за...за добрые слова в его адрес. Вот и все! Пойдем! Ты привлекаешь к нам внимание!

— Я видишь ли привлекаю! — фыркнула тетка Милены, но тон немного поубавила. Может потому, что Милена назвала меня господином? Кто знает, что я за фрукт такой...еще неприятностей не оберешься.

Я долго смотрел вслед девушке, пока она, и ее страж не скрылись за поворотом. Странно, да...Верга меня привлекает — как женщина, как возможность заняться сексом, но тут другое дело. У меня просто башня поехала, когда я представил Милену рядом со мной в постели! Загадка, да...

И я пошел дальше. До Академии оставалось всего ничего, пять минут ходьбы. Однако идти туда не хотелось — что сейчас мне там делать? Выходной день — тишина, пустота, лишь отдельные несчастные, которым некуда пойти, бесцельно бродят по территории парка, или же зомбеобразно бредут по коридорам в сторону столовой. Остальные разбежались по домам, или пошли в трактир, где можно выпить вина и

потанцевать с девчонками. А может и снять шлюху, которые здесь совсем не дороги — если мерить по доходам аристократов. Ну что такое серебряная монета для отпрыска богатого Клана? Они и золото не считают за деньги. А на большую серебряную монету можно питаться целую неделю — если без особых изысков.

Подумал, подумал...и развернулся в обратную сторону. Неужели я не заслуживаю хорошего ужина? После сегодняшних-то трудов. Да и вина хорошего можно выпить, а то на душе все-таки как...как вороны нагадили. Нет, я ничуть не жалею, что грохнул троих придурков, но все-таки... Хочется смыть кружкой вина картинку того, как отрубленная голова смотрит на меня и моргает, будто пытаюсь понять, что с ней случилось.

Идти пришлось совсем недалеко — метров пятьсот, не больше. Трактир «Цветущий сад» производил впечатление настоящего ресторана — по земным меркам. Не какая-то забегаловка-тошнилловка, а Заведение — с заглавной буквы. Даже швейцар у дверей — в форме с позолотой, и в шляпе, похожей на высокие земные «цилиндры».

Прежде чем туда пойти, я нацепил на себя знак Академии, иначе в такой одежде могут и не пустить. А вот студента моего заведения точно пустят. Так все и вышло. Завидев меня, швейцар с полупоклоном открыл передо мной дверь, придерживая ее, пока я не вошел. Ну а я бросил ему медяк, который этот халдей принял влет, как собачка, которой бросили кусочек мяса.

Нет, я совсем не против сферы обслуживания, и не испытываю никакого презрения к швейцарам, вахтерам и официантам. Работа, как работа, если умеешь делать только ее — почему бы и нет? Я бы не смог, они могут — так это жизнь. Каждому свое! Кстати сказать, я и к проституткам отношусь вполне лояльно — ну хотят они это делать, умеют, спрос на их услуги есть — да пусть работают! Тысячи лет существовала проституция, так теперь что, издали указ «Отменить!» — и она взяла, да и исчезла? Глупости какие. Контролировать нужно, это да. Медосмотры, и все такое. Налоги пусть платят! Но отменить? Тупо. Как и с сухим законом. Только загнали в подполье, да и всех делов.

Внутри трактира прохладно, чисто, стены оклеены обоями и украшены картинами — точно, настоящий ресторан! Ко мне спешит администратор (или как он тут называется — не знаю)

— Господин желает поужинать?

Нет, ну а для чего еще я сюда пришел? Сплясать тарантеллу? Видимо поняв глупость своего вопроса, и видя, что я как бы подвис на пару секунд, администратор приходит мне на помощь:

— Где желаете сесть? Рядом с площадкой для танцев? Или место потише? Можно на балконе, там и видно все, и не так музыка мешает.

— А будет музыка? — удивляюсь я.

— Конечно! — улыбается администратор, мужчина лет сорока с волосами, намазанными чем-то жирным и пахучим, уложенными в строгую прическу — Каждое воскресенье у нас выступают артисты. Бывают и акробаты, жонглеры, метатели ножей. А сегодня труппа экзотических танцовщиц (подмигивает) — очень, очень красивые девушки! Ах да! Я забыл предупредить — за представление большой серебряник. Желаете остаться?

Я слегка офигел — большой серебряник, это много. Неделю можно на эти деньги питаться. Впрочем — мне, потому древнего Клана неуместно жадничать. Тем более что сегодня я хорошенько поживился — десяток больших серебряников, пять золотых, и мелочи горсть. Так почему бы не шикануть?

— На балкон! Лучшее место! — команду я, и меня ведут наверх по длинной, покрытой ковровой дорожкой лестнице.

Мда...крутое заведение! Обдерут, как липку. Тут даже вышибалы нет! Здесь не бунят, не напиваются до пороссячьего визга, и не блюют. Наверное.

Место и правда хорошее — как раз напротив сцены, возле перил, ограждающих площадку. Внизу уже процентов на восемьдесят все столики заняты, а вот наверху почти пусто. Интересно — почему? Впрочем, догадываюсь — они денег сдерут за место. Или уже содрали — то-то большой серебряник стоит.

Меню принесли! В обычном трактире все меню из уст подавальщицы — она тебе расскажет, и подскажет. А тут — по высшему разряду. Перечень блюд, которые тебе могут приготовить. Ценника нет. Похоже,

что считается — если ты пришел сюда, то тебе цена неинтересна. Раз пришел — денег хватит оплатить. Но я уже давно по капле выдавил из себя раба, так что не гнушаюсь переспросить, и с удовлетворением убеждаюсь, что хотя цены и не такие, как в придорожном трактире, но вполне разумные и не выходят за пределы моих возможностей. Опять же — после сегодняшней ликвидации.

Сделал заказ — два салата, суп с морепродуктами, жареный на углях бок барашка с картофелем (тут есть аналог земного, практически не отличишь), сладкий пирог, холодного красного вина и сока из фрукта, который я называю грейпфрутом — он очень похож на земной аналог. Кстати, здесь очень много похожих на земные представителей флоры и фауны. Сдается, что развитие жизни в обеих мирах шли по одному сценарию. Или эти миры совсем недавно разделились.

Вино принесли сразу, к нему — соленых копченых колбасок (вот это здесь умеют делать замечательно!), сижу, попиваю, разбавляя водой из кувшина. Тут как в древней Греции — там говорили, что неразбавленное вино пьют только пьяницы. Вино, кстати сказать, здесь служит еще и антисептиком — мало ли что имеется в воде, какая зараза. А разбавил вином — вот тебе и дезинфекция. Да и в самом деле — с жары пить хочется, ну не чистым же вином накачиваться!

Сижу, попиваю, смотрю на сцену — когда же появятся эти... танцовщицы! Забавно будет посмотреть на такое действо. Бурлеск, что ли? Или что они имеют в виду под экзотическими танцами? За что бабл-то берут?

— Приветствую, студент Ольгард! Разрешите к вам присесть?

Выплываю из своих мыслей, медленно поворачиваюсь...опа! Содия. И одета так...хмм...фривольно. Длинное платье с разрезом чуть не до пояса, а в разрезе — белое ухоженное бедро, гладкое, как у мраморной статуи. На шее ожерелье из драгоценных камней, посверкивающих в свете магических светильников, длинные волосы уложены в сложную высокую прическу, в волосах заколки, тоже сверкающие камнями. Глаза подведены, на лице макияж, делающий ее лет на десять моложе против обычного облика преподавательницы, на запястьях драгоценные браслеты...хороша, чертовка! Аж дух перехватило! Мечта половозрелого мелкого парнишки! Если бы не мой жизненный опыт, я бы мечтал о такой женщине денно и нощно, истязая себя в фантазиях и...в общем —

красотка!

— Приветствую, госпожа — приподнимаюсь из-за стола и кланяюсь в рамках приличий — Присаживайтесь, конечно! (сердце забилося)

— Я не одна, со спутником. Ничего если так? Тут самое лучшее место, обычно сижу здесь, но...не успела. Кое-кто должен был заранее договориться о столике, но...забыл.

Содия наградила холодным взглядом того, кто стоял рядом с ней, и я едва не поморщился. Это был тот тип мужчин, который я ненавидел всей своей бунтарской душой: напомаженный, ухоженный до безобразия, одетый с иголочки метросексуал лет тридцати. По виду — типичный жиголо.

— Может мы на другое место сядем? — спросил этот тип, смерив меня неприязненным, и даже брезгливым взглядом — Тут, мне кажется, воняет!

Он так посмотрел, что я сразу понял — вонючка, это я. И мне стало ужасно смешно. Куда-то подевалась неловкость от встречи с красоткой, которая мне недоступна (на кой черт я, нищел, ничего из себя не представляющий ни внешне, ни «внутренне» — богатой красоте-магине?)

— Да, согласен — с радостной улыбкой кивнул я — Воняет! Некоторые люди в самую жару для чего-то используют духи и притирания. В смеси с потом они составляют такую адскую смесь запахов, что просто невозможно терпеть! Видимо хотят заглушить тот естественный смрад, который исходит от этих мужчин.

— Да как ты смеешь! Негодяй! — мужчина покраснел, как рак, глаза его едва не выпали на столик — Да я тебя вызову...

— Прекрати, Сенрак! — оборвала его Содия и пренебрежительно дернула плечом — Он тебя просто убьет. Да так, что будешь гнить неделю, не меньше. И ведь никто не сможет помочь! Потому что этот парень — черный маг. Так что заткнись, и если тут не нравится — уходи!

— Черный маг?! Да кто пускает эту пакость в приличные места?!

— Да, сюда иногда пускают такую пакость, что диву даешься. Вот вы

— как сюда вошли? — кивнул я, и уже обращаясь в Содие, предложил — Присядете?

— Присяду — согласилась она, а ее спутник тут же вскричал:

— Никогда! Я уйду, и ты уходишь со мной! Сидеть рядом с такой пакостью — себя не уважать!

— Мое имя Эдвин Ольгард — холодно ответил я — Я студент первого курса Академии магии. Можете прислать секундантов. Обещаю не использовать магию на дуэли. А пока что проваливайте от моего столика — мне сейчас должны принести заказ, а от вас воняет, как с помойки у парфюмерного магазина. Не человек, а крыса обрызганная духами!

— Дуэль! Обязательно — дуэль! — выдохнул мужчина и быстрыми шагами направился на выход из помещения.

— Умеете вы наживать врагов, молодой человек — помотала головой Содия — Это Сенрак, младший наследник Клана Оссан. Довольно-таки мстительный мужчина. И злопамятный. Как и вся их семейка. И кстати — драться он умеет, не обольщайтесь. Не смотрите на его вид...и запах!

Она вдруг хихикнула, как девчонка, и я невольно улыбнулся, так это было мило. А потом села напротив меня, и я вдруг подумал о том, что ради того, чтобы посмотреть в эти глаза — стоит подраться на дуэли. В высшей степени сексуальная женщина! Прибавить бы мне лет десять, я бы ей... А на мальчишку, увы, она внимания не обратит.

Так...где же этот чертов стриптиз?! Да и заказ бы пора принести. Кстати, черта с два я буду платить за Содию — что я, с дубу рухнул? С моими-то доходами, да с ее бриллиантами...нет уж, отдельный счет! Да, это я так злюсь. Запретный плод не просто сладок, а слаще всех плодов на свете! По крайней мере — здесь и сейчас.

Глава 18

— Не беспокойся, все свои счета я оплачиваю сама!

Содия с улыбкой посмотрела на меня, а я невольно поежился — неужели читает мысли? Не может быть! Я еще не слышал о такой опции у магов! Впрочем, если я о чем-то не слышал, это не значит, что подобного не существует. Я читал о таких странных вещах в магии, по сравнению с которыми чтение мыслей — детские игры. Но скорее всего эти рассказы о посланцах богов, о богах, которые бродят по земле между людей — такие же сказки, как и те, что слышал на Земле-1. Герои, которым предсказывают будущее, и которые почему-то любимы богами, эпические события, в которых согласно пророчеству они должны принимать участие — все это эпосы и сказания, что впрочем, суть одно и то же. Я для таких баек слишком прагматичен. Мой мозг, родившийся в двадцатом веке, веке атеизма и богоборчества не может воспринять то, что не укладывается в его картину мира. По крайней мере — с первого раза...

— Да я как-то и не беспокоился... — лепечу, а сам чувствую, как щеки заливают румянец. Черт подери! Это тело подростка вечно меня подводит! Гормоны, мать их...сознание, личность человека, находящегося в чьем-то чужом теле, не может быть независимо от этого самого тела. Не даром говорят, что даже любовь — это просто «химия». Химические процессы, происходящие в организме, провоцируют любовные страсти.

— Ты такой милый, когда смущаешься... — улыбается Содия, и я слглатываю слюни, тупо глядя ей в глаза. А потом наливаю себе стакан вина и выпиваю его неразбавленным — чтобы хоть как-то унять свои разбушевавшиеся гормоны. Да и горло промочить совсем нелишнее — пересохло, как после долгой пробежки по знойной пустыне. Женщины, женщины...да что же вы делаете с нами, мужиками?! При виде ваших красивых мордашек, гладких бедер, волнующейся груди мы становимся дураками, теряем самообладание, совершаем такие поступки, о которых потом вспоминаем со стыдом, а иногда — со смехом. В вас сидят бесы, это точно. И вы даны нам для того, чтобы мы мучительно ощущали свое

несовершенство.

— Официант! — негромко, но каким-то особым, грудным, летящим голосом говорит магиня, и юноша, принимавший заказы где-то в двадцати шагах от нас поворачивается, забыв о том, что он сейчас обслуживает других клиентов, и бежит к нам, вытаращив глаза и оскалившись в радостной улыбке. Это похоже на то, как если бы хозяйка позвала свою, обожающую ее собачку.

Магия, точно. Я почувствовал «дуновение». Интересно, а если она ТАК обратится ко мне? Хмм...кстати сказать...а я ведь что-то такое ощутил! Она разговаривала со мной, а сама подпускала магию! Это что за свинство? Решила подшутить над «первоклашкой»?! Ладно. Будет тебе шутка. Аз воздам!

Парень принял заказ, и под возмущенные крики брошенных им клиентов помчался его исполнять. Подставила парня, точно! Потом он будет смущенно стоять и блеять, пытаясь объяснить и хозяину, и себе самому — почему же он бросил лорда такого-то, и пошел к госпоже Альфарец, безусловно очень влиятельной и важной даме, но...вначале надо было закончить с лордом, а уж потом... Непроста Содия, ох, непроста! И кстати, почему я не сумел подавить ее магичанье против меня? Хотя...и тут все понятно. Во-первых, она делала это очень искусно, малыми порциями, почти незаметно. Во-вторых...я ведь не жду от нее агрессии, нападения, скорее наоборот — она мне очень нравится как женщина. Как говорили у нас на Земле: «Я бы ей отдался!». Это тот самый случай и есть.

Стол вскорости ломился от яств. Кроме моего заказа, на столешнице оказались и фрукты разного вида, и какие-то сладости, и острые, незнакомые мне блюда, резко пахнущие пряностями. Я таких вообще не знал. Для меня главное — жареное мясо и картошка, как-то всегда был равнодушен к всевозможным восточным изыскам.

Содия, кстати, взяла блюда и на меня, действительно-грозно, хотя и с улыбкой, потребовав все принесенное съесть. Ведь только дурак не ест на халяву! Да, аналог «халявы» во всеобщем языке имеется. Впрочем, наверное, как и во всех языках всех миров.

А еще Содия с тонкой улыбкой на губах сказала, что острое и пряное пробуждает в мужчинах и женщинах сексуальный аппетит, и что те, кто

есть острое, обязательно будут славны, как неумолимые любовники. Так что если я хочу порадовать свою подружку долгим, и продуктивным сексом, мне надо как следует подкрепиться. Сдается, она даже в курсе, кто у меня ходит в подружках. Это не баба, а какая-то тайная служба.

Заявленные администраторам танцовщицы появились через полтора часа после того, как я уселся за стол и стал ожидать заказа. Мы с Содией за это время успели как следует поесть, выпить белого вина под ее пряные блюда — кстати, вино по вкусу очень напоминало шампанское, только сдается мне, было гораздо крепче, чем этот напиток гусар и аристократов. После одного бокала у меня так зашумело в голове, что я сидел и размышлял о том, как было бы здорово не сидеть за столом, а лежать на мягкой кушетке. Да еще чтобы эта красивая женщина меня хорошенько ублажала пухлыми губками. Я даже улыбнулся своим скабрезным мыслям, что немедленно заметила магиня:

— Чего улыбаешься так плотоядно? Небось уже раздел меня в своих мечтах и поставил в позу? Нет, мальчик...ты очень хорош, очень! Красив, аристократичен, во всех отношениях — мечта девицы, денно и ночью думающей о том, как бы поскорее расстаться с девственностью. Но это не про меня. Я со своей девственностью рассталась так давно, что...уже и забыла — была ли она у меня когда-нибудь!

Содия вдруг хохотнула, звонко, как девчонка, и я понял — она пьяна. Нет, не так: женщина не бывает пьяна. Она только *навеселе*. И вот Содия была на таком «навеселе», что в этом состоянии женщины и решаются на поступки, о которых потом со слезами сожалеют и каются любимым мужьям. «Случайные» измены сразу с двумя мужиками в бане, «случайный» секс с другом мужа, который доставлял домой, «случайный» секс с коллегой на корпоративе, когда он подошел сзади к стоящей у открытого окна и она сопротивлялась ровно три секунды, а потом дергалась в судорогах оргазма. Чтобы со стыдом вспомнить потом, что у нее двое детей и любящий, положительный муж. В такие минуты вылезает все то, что годами сидело под черепной коробкой и требовало выхода, стиснутое рамками морали и логикой трезвого человека. Алкоголь — великий открыватель ящиков с мечтами, иногда самыми что ни на есть грязными и аморальными. Хорошо — если не преступными.

— Почему вы ко мне сели? — решил я воспользоваться моментом и кое-что выяснить — Зачем сделали так, чтобы ваш спутник ушел?

— Спутник? — насмешливо хмыкнула женщина, белоснежно улыбаясь — Ты думаешь, это я сделала потому, что предпочла взрослому мужчине тебя, малыша? Ха ха...ну не сердись, не сердись...я же говорю — ты очень красив, и очень...сексуален. Но мне нравятся грубые, сильные мужчины, которые не постоят за тем, чтобы разбить морду оскорбившему его, или меня негодяю. И самое главное — не дадут себя втоптать в грязь. Ну и...постель, конечно. Взрослый мужчина умеет заботиться о том, чтобы доставить удовольствие партнерше. А что вы, малолетки? Да, энтузиазма у вас выше головы! Вы заездите, проткнете дырку навывлет своими твердыми, как копье... Но это не то. Искусство секса не в этом! Это и мягкость, и твердость, это и любовь, и ненависть, это...битва! Битва между мужчиной и женщиной! И если ты победишь женщину — она никогда этого не забудет. Она навсегда станет твоей! Даже если при этом станет спать с другими мужчинами — будет всегда на их месте представлять тебя. Поверь мне, я это знаю...

Она вздохнула, и погрустнела, а глаза ее сделались мечтательными, с поволокой. А потом Содия вдруг прыснула:

— Почему его прогнала? Да он напыщенный болван! Кроме как махать мечом, да засовывать в женщину свой член больше ничего не умеет и не хочет! Да демоны его задери, иногда просто хочется поговорить с интересным человеком — хотя бы между сеансами секса! А этот или нанизывает тебя на «копье», или храпит, отвернувшись к стенке! И на кой демон мне такой любовничек? Хорошо что ты попался на дороге — тут мне в голову и пришло, что это хороший повод его отшить. Буду потом ему пенять на то, что он сам виноват, что я такого от него не ожидала, что бросил меня на растерзание молодому жеребчику и даже не попробовал за меня сразиться. И что попробовав тебя — я теперь не могу думать о таком старичке, как он! Ха ха ха...

Содия снова захохотала и пьяно улыбнулась, потом облизнула губы и снова посмотрела на меня влажными, широко раскрытыми глазами:

— Но ты себе ничего в голову не бери такого...ты не в моем вкусе! И я не буду брать в голову ничего твоего... — и снова захохотала, а я поморщился. Ну, понеслось! Мне только пьяной бабы не хватало. Это что, мне потом ее тащить придется, что ли? Да пошла она... Дразнит, дразнит... А как разговорилась-то...кто бы слышал, не поверил, что это чинная, благовоспитанная преподавательница психологии и магии. Ощущение, что сижу за столом с какой-то земной разведенкой, или

женщиной не очень тяжелых правил, вырвавшейся в ночной бар с такими же как она подругами, и живо обсуждающими эти самые правила.

Сталкивался с такой категорией бабенок. Ничего не хочу сказать плохого, они тоже нужны (иначе где бы мы, мужики, находили себе партнерш на ночь?), но в жены таких брать противопоказано — мозг вынесут, а потом по пьяной лавочке повинятся, сколько мужиков их имело на корпоративах. «Прости, любимый!» И как потом с такой дурой жить?

Я осторожно пощупал пространство вокруг Содии, посмотрел на ауру...и заметил сияющий аурой амулет! Вот то, что висело у нее на груди, и было амулетом магической защиты, насколько я понял. Он прятался среди камешков, и насколько я знал — это совершенно нормально. Ведь лучшими накопителями магии были как раз алмазы, или, что уже совсем хорошо — бриллианты. Никто не знал, почему так, но...факт есть факт. В маленький ограненный алмаз, называемый бриллиантом, влезало магической энергии больше, чем в огромную глыбу базальта размером с небольшой дом. Есть предположение, что так происходит из-за упорядоченности структуры бриллианта, и наоборот — из-за неупорядоченности структуры базальта, состоящего из нескольких разнородных материалов. Если бы кто-то сумел создать мономолекулярный амулет — его емкость была бы просто фантастической. Это уже мое предположение.

Потихоньку мысленно касаюсь амулета, стараясь действовать совсем легкими касаниями, и это походит на то, как волосок любовницы касается обнаженной груди мужчины. Вроде и коснулся, но ты, в горячке любовных страстей, чувствуя кожей обнаженную грудь партнерши, совершенно не обращаешь внимания на это легкое касание.

Содия снова что-то говорит, что-то о мужчинах, о женщинах, об их отношениях, и о том, как эти отношения надо строить (видимо это у нее большая тема), но я не вникаю. Я делаю «прокол» в амулете и по капельке, а потом все быстрее и быстрее вытягиваю из него энергию.

Мне сразу становится жарко, на лбу выступает пот. «Емкость», которая внутри меня — полна, и мне приходится раздвигать ее стенки все больше и больше. И это похоже на «соковыжималку» — почти те же ощущения. Энергии магии в амулете очень много, больше, чем я мог

себе представить, она все льется и льется, и нет ей конца. Но я должен выцедить все до капли, чтобы амулет совсем не мог работать, чтобы не подал сигнала своей хозяйке, увлеченной пьяным разговором. А я уже почти трезв. Энергии магии, прошедшая по каналам моего организма вышибла из меня весь хмель, и в голове чисто и звонко, как после утреннего пробуждения.

Наконец, энергия все-таки вытекла, я облегченно вздохнул и наконец-то вслушался в то, что говорит Содия. А говорила она, как ни странно, очень даже интересные вещи.

— ...поговаривают, что ты бастард какого-то совсем уж важного лица! — с пьяноватой улыбкой продолжала она вещать — Когда ректор заикнулся о том, чтобы тебя отчислить за твои художества, ему сказали, что скорее его отчислят, и навсегда, если он посмеет тебя убрать. Но только — тсс! Ни слова никому! Понимаешь?

— Понимаю — кивнул я, и добавил, с улыбкой — Прекрасная Содия! Жаль, что я не в вашем вкусе...ваш голос, ваша улыбка, ваши глаза — все это вызывает у меня такое желание, что я готов волком завывать и наброситься на вас прямо здесь! Завалить вас на стол, сорвать с вас нижнее белье, и...

— У меня нет нижнего белья... — Содия вдруг покраснела и закусила губу — А ты хорош! Может я поторопилась с определением тебя в разряд малолеток? Говорить ты умеешь. Неплохо было бы проверить, как ты...

Вот тебе, зараза! Я накачал мои слова такой магией, таким желанием, такой похотью, что магиня должна была бы сейчас сорвать с себя одежду и оседлать меня прямо здесь, при скоплении народа! Надо отдать ей должное — удержалась, хотя явно это стоило ей больших усилий. Она покраснела, из глаз потекли слезы (ей пришлось утереть их платочком), пухлые губы нещадно терзаемы белыми зубами, а грудь в низком декольте едва не вывалилась из лифа после глубоких, судорожных вздохов. О черт! Да похоже она кончила прямо тут, на месте! Глядя на меня! Что я наделал?! Она ведь точно все просечет!

Да ну и пофиг. Сама сказала — меня хрен выгонят, и я знаю, почему. Потому могу резвиться так, как захочу, и ни в чем себе не отказывать. Например, могу влюбить в себя и довести до оргазма свою

преподавательницу, и пусть теперь жалуется, что кончила, глядя на мои бесстыжие глаза. Хо-хо-хо! Теперь у меня есть пулемет! То бишь «машинган», как было написано в оригинале.

И тут грянула музыка. Я повернулся в сторону сцены, отвлекаясь от задыхающейся и дергающейся Содии, и посмотрел на то, что обещал администратор.

Ну что сказать...красиво, да! Если взять голых девушек возрастом от четырнадцати до двадцати лет, вымазать их с ног до головы серебром, золотом, белилами, черной и красной краской...получится то, что я увидел.

А еще, эти красотки выделяли пируэты такие, что...в общем — балерины отдыхают. Хотя...помню в ютубе наткнулся на «Лебединое озеро» в исполнении японских балерин. Не разбираюсь — хорошо они танцуют, или нет, главное достоинство этих барышень было в том, что они были нагишом, совсем — за исключением фэнтезийных головных уборов, сделанных из перьев. И пуантов. Японки не сказал бы, что совсем уж такие фигуристые на уровне моделей, но некоторые были очень даже ничего. Если не смотреть на азиатские мордочки, ну никак на мой взгляд не подходящие для европейского балета (маски бы надели, что ли?). Ну а в остальном — ноги длинные, на пуантах кажутся еще длиннее, сиськи не висят, животы плоские, чего еще надо-то? И лобки бритые, видимо для того, чтобы все могли разглядеть — лебеди такие же люди, не стреляйте в лебедей!

Вот и тут было нечто подобное. Красивые девушки, как оживленные великим магом статуэтки — кружились по сцене, поддерживали друг друга, задирали ноги выше головы, что очень нравилось зрителям обоего пола, потому что *туда* краску не накачали и все было в натуральном виде. Музыка бодрая, девки красивые — я честно сказать даже загляделся и забыл про свою околдованную соседку по столику. А когда выбежали парни...тут я с интересом стал смотреть на дам, которые сидели ближе к сцене. Сверху все видно — и зрителей, и артистов, так что... Забавное зрелище. Нет, интересны не парни, которые трясли своими «стручками» и томно вжимались в партнерш. Кстати, как заметил — ни один даже не возбудился! Это что, профессиональная привычка, глаз так сказать замылился, или им больше по душе мужчины? Насколько я знал по Земле-1, балетные парни...как бы это сказать...если только словами героя фильма «Брат»: «Пидоры они все!». Я не уверен, что все, свечку не держал, но многие — это точно. Плавали, знаем.

Шила-то в мешке не утаишь!

И вот они, значит, трясут себе причиндалами, а дамы в зале краснеют, хватаются за грудь, и...бросают на сцену монеты! И не только медь! В основном серебряки! Вдруг подумалось — вот тебе и способ заработка. Вымазался золотой краской, вышел на сцену, потряс причиндалами — и тебе денег накидают. Ну чем не жизнь?

— Жалкие уроды! — шепчет вдруг мне в спину Содия — Я с одним из них в постели оказалась, так он ничего не может! Только лизать! Баба, да и только! Мне с бабой было интереснее, чем с ним! Девки хоть знают, как доставить женщине удовольствие, а эти...одна видимость!

Я не стал ничего отвечать, захваченный действием. Похоже, что труппа изображала что-то вроде спектакля, сцена из которого сейчас и представлялась ими в полном объеме. Уж не знаю, что это за такой спектакль, но больше всего это было похоже на оргию обкурившихся студентов. «Вписка», как ее называют на Земле-1. Валялись, скакали, тряслись и стонали...навверное так и выглядят эти самые вписки. Я ни разу не был на таком безобразии, как говорится не тот возраст, но рассказы об этом слышал и протоколы допросов читал. И не раз. «Они овладели мной по очереди, а потом все сразу! Я не давала своего согласия! Особенно когда они мной овладели противоестественный способом по два раза каждый»

Тьфу! Прутся, дуры, на съемные квартиры, а потом жалуются, что после у них жопа болит. Как-то даже и не жалко.

— Это сцена из спектакля «Любовные страсти, или Ассамболь, и его гарем» — шепнула позади меня Содия, обжегши горячим дыханием мой затылок. При этом ее грудь (очень даже твердая, будто силиконовая!) коснулась моей спины и прошла по ней острым соском. Мда...а ведь точно у нее под платьем ничего нет!

А спектакль все продолжался. Ощущение такое, что если бы у этих парней все работало как надо, то на сцене имел бы место самый настоящий секс. Сейчас же они лишь изображали акт. По крайней мере, мне так показалось. Но это не точно.

Мда...вот значит что такое «экзотические танцы»! Хорошо хоть не мужчины с мужчинами, а то бы я этого не вынес. Меня слегка

подмучивало — то ли от выпитого вина и обильного обеда, то ли от выпитой магической энергии. Я был полон ей, как кувшин, вскленый налитый пивом, и это пиво медленно сочилось из-под крышки. Что-то зря затеял такую штуку...не умею сбрасывать энергию, и накачался ей до самых бровей! Ну не дурак ли я?!

Что делать, что делать... Даже голова закружилась. А Содия нависает надо мной, прижимается, шепчет, рассказывая сюжет спектакля, а мне плевать на спектакль, и честно сказать — плевать на Содию. У меня пропало возбуждение, женщина сейчас мне стала даже неприятна — еще чуть-чуть и я выблюю содержимое желудка! И не только выблюю! Какие там секесы, тут бы не обосраться! О господи...что делать-то?! Вразуми, Создатель!

Бросаю взгляд направо, налево...куда?! Как?! Замечаю окно, которое смотрит на точнехонько на луну. Вернее — на одну из лун — красную. Окно на самой крыше, у нас их почему-то называют «слуховыми». Почему — я не знаю, не специалист. Но диск темно-красной луны в ней виден очень даже хорошо. И я — выпускаю заряд магии в этот самый диск, не думая о последствиях, не соображая, что делаю! И это похоже на то, как если бы человек, страдающий диареей добежал до укромного места, и...

Меня дернуло, будто от удара током, я вздохнул, тихо охнул, откинулся назад и точнехонько уперся спиной в сиськи Содии. Она тоже вздохнула, и тихонько, так, чтобы никто не видел, погладила меня правой рукой по бедру и по животу. Но я никак не отреагировал — сидел, и кайфовал, вздрагивая, будто в оргазме. Я слил лишнюю энергию! Я снова нормальный человек и меня не распирает, будто воздушный шар! Тошнота ушла, перестала кружиться голова, и Содия вновь сделалась привлекательной женщиной, а не пьяной образиной, навалившейся на мою многострадальную спину. Ох, хорошо! Облегчение!

В трактире полутемно — большинство светильников приглушили, оставив только те, что освещали сцену, да несколько светляков по залу, чтобы посетители не пронесли еду мимо рта. Так что ничего не мешало моей спутнице разойтись уже в полной мере. Мое колдовство, плюс возбуждение от спектакля — но только теперь мне казалось, что у этой женщины не руки, а щупальца, которые пролезают во все возможные и невозможные отверстия. Нет, так-то я не против активного петтинга, но...

не за столиком же в трактире! Когда она начала развязывать завязки гюльфика и прицелилась достать мое сокровище, я уже возмущился и начал бороться с агрессоршей, с трудом отрывая ее руки от себя (сильная, зараза!). Хорошо, что не успела уцепиться за причиндалы, а то бы ничего с моей борьбой и не вышло.

— Ну что ты такой недотрога?! — возбужденно дышала мне в ухо Содия — Да в твоём возрасте ты должен трахать все, что шевелится! Ты что, не можешь?! Или ты любишь мужчин?!

Я выругался, и объяснил, что люблю женщин, что к мужчинам у меня нет никакой склонности — кроме как к целям для моего клинка (кстати, мой кинжал висел на поясе), но черт подери, нельзя же заниматься сексом прямо в трактире на столе! На что Содия удивленно спросила: «А почему бы и нет?!» А я не нашелся, что ответить — и правда, почему? Да мне наплевать на всех этих зрителей! И похоже что Содие — так же на них класть с прибором. Но все равно — остатки моей благовоспитанности давали себя знать. Ну не люблю я зрителей в таком интимном деле. Советами замучают!

Мы договорились, что после окончания спектакля, и после того как доедим и допьем все, что стоит у нас на столе — отправимся туда, где нам ничего не помешает утолить нашу страсть. Вернее — страсть Содии. И Содия тут же заверила, что оплатит все мои траты, а так же комнату, извозчика, и вообще — я не пожалею, что с ней связался.

Начинаю постигать прелести альфонсизма — подумалось мне.

Мы снова ели, пили, меня почему-то алкоголь не брал, а вот Содия совсем захмелела и несла какую-то философскую чушь, пересыпанную научными терминами. Что-то о любви, от отношениях, и о том, что каждый юный альфонс должен иметь в своих покровителях настоящую женщину, которая научит его всему, что положено знать мужчине. И что это освящено богами и правильно, как восход солнца. Язык ее стал заплетаться, и я для себя решил — отвезу эту бабу домой (узнать бы только, где ее дом!), и отправлюсь спать к себе в комнату. Никакого желания трахать пьяную магиню у меня не было. Я не какой-то там некрофил, мне надо чтобы женщина была бодренькой и осознавала, что вообще со мной делает. Или я с ней. А не дай бог еще наблюдает на меня... нафиг-нафиг! Пусть ее этот...как его...в общем — лорд пусть ее дрючит. А я — пас.

Наконец, спектакль закончился, актеры (или артисты?) исчезли со сцены, и я было собрался повернуться к тяжело дышащей и похрюкивающей от возбуждения магине, когда на сцене вдруг появилась странная фигура — белый плащ с капюшоном скрывал лицо и фигуру, так что непонятно, кто это был — мужчина и женщина. Только руки — тонкие, с длинными пальцами выдавали пол этого человека. А потом раздался голос, звонкий, как колокол:

— Сейчас я спою песню, посвященную всем бастардам на свете. Если тут есть таковые — слушайте внимательно, это для вас.

Голос женский, точно — глубокий такой, звучный. Зазвучала лютня, и...

«Погадай-ка мне, гадалка,

На мою судьбу

Расскажи, когда я встречу милую свою

Подскажи, где пожить златом- серебром,

И утешь, что все несчастья

Кончатся добром!"

И гадалка нагадала по руке юнцу:

"Твоя жизнь, едва начавшись, близится к концу!

Не увидать тебе милой, как и серебра!

Жизни линия исчезла, дальше — пустота!"

" Ты — красивый и веселый,

Но ведь ты — бастард,

А за голову бастарда —

Плата десять злат.

Видю, многим ты встал костью

В горле — не сглотнуть,
Вижу — скачут к тебе гости,
Где б твой ни был путь!
Знай, когда вокруг закружит
Странный хоровод,
В этот миг судьба, быть может,
Вдруг изменит ход:
Дева, карлик и ребенок
Бросятся с мольбой, -
— Будь готов в тот миг поспорить
Со своей судьбой».

Сказать, что я был ошеломлен — ничего не сказать. Сидел, как мешком пришибленный. И не заметил, куда подевалась эта женщина в плаще. Она будто испарилась — вот сейчас была, и тут же пропала. Магия? Наверное.

Откуда-то я понял, что эта песня — для меня. Только для меня. Но что бы это все значило — понять невозможно. Впрочем, предсказания тем и отличаются, что они ничего не дают тому, кто их получает. Может в этом и есть логика? Судьбу нельзя менять. Что тебе написано на роду — то ты и получишь. А если изменишь судьбу — будет хаос, будет беспорядок. А где беспорядок — там всегда кровь.

Ладно...что будет, то и будет. Сегодня я хочу напиться и трахнуть свою преподавательницу — извечная мечта всех школяров. И я эту мечту исполню. И плевать на дурацкие предсказания.

Глава 19

— Пойдем! Да пойдем же!

Я поднимаю Содию с места, закинув ее руку себе на плечи, и медленно шагаю в сторону лестницы. У дверей в заведение ждет извозчик — я попросил официанта его «вызвать». Платье из шелка, скользкое, как черт знает что, а ко всему прочему женщина норовит соскользнуть на пол, и подол этого продукта местных кутюрье поднимается вверх, обнажая идеальную, без малейших следов целлюлита попу, ну и...все остальное с противоположной стороны. Я матерюсь, и как ни странно — по-русски, ни один язык не подходит для того, чтобы так энергично выразить свое отношение к происходящему. Как там в анекдоте? «Что говорит профессор, автор двадцати академических трудов по филологии, провалившись в открытый канализационный люк? То же самое, что и слесарь-сантехник Михалыч, разбивший при падении свою поллитру»

Одергиваю платье, чтобы прекратить слюнопад у окружающих меня мужчин, и стоически тащу свой крест по направлению к выходу. «Крест» стонет, что-то бурчит себе под нос, а из уголка рта на прекрасную грудь, практически выпавшую из декольте спускается тягучая нитка слюны, таинственно мерцающая в свете магических фонарей.

Уже когда, изнемогая под тяжестью женщины лежащей на плече я подошел к двери, мой груз внезапно активизировался, и руки, недавно только болтающиеся плетями зашарили у меня по поясу, а затем одна из них нырнула в штаны и ухватила меня за задницу, пробираясь в святая святых. Я взвыл, сдернул с плеча хулиганку, и не обращая внимания на то, что рядом стоял администратор и официант, хорошенько врезал Содие по обтянутой тканью заднице, так, что аж звон пошел по полупустому помещению. Вернее — практически пустому, ведь мы уходили последними. Содия до последнего, категорически не желала покидать насиженное место и требовала продолжения банкета. Потом стала кричать, что снимет комнату в этом чертовом борделе, и там оттрахает меня так, как видела это в сегодняшнем спектакле.

Мда...иногда в дамах, на вид абсолютно благовоспитанных и чопорных, просыпаются самые настоящие демоны страсти. Или это моих рук дело — кто, как не я накачал ее любовной магией? Развлекся, называется! Отомстил за пренебрежение моей мужской статью!

Вот потому я и не могу ее бросить. Сейчас ее хоть ротой гвардейцев трахай — она все равно ничего не вспомнит. Потому я не уверен, что мужчины, которые находятся рядом с нами, не поймут состояние дел, и не воспользуются случаем, чтобы...ну, понятно. Как говорится, перефразируя: «мы в ответе за тех, кого околдовали».

Уже сто раз проклял свою глупость. Ну, на кой черт мне надо было так развлекаться? Поел бы, посмотрел эту порнушку, да и пошел бы по своим делам, оставив Альфарец наслаждаться своим белым вином. Так нет же, выпендрился!

Кстати, весь ужин пришлось оплатить мне. И это тоже меня напрягло. Само собой, пьяная баба и не вспомнила, что обещала проспонсировать мое питание. Смешно, конечно, но факт есть факт. Не мог же я шарить в ее сумочке, которая сейчас болталась у меня на шее? Да и как-то не мужски это было бы...

Ладно, не обеднею. Сегодня неплохо «заработал». И кто говорил, что преступления не приносят прибыли? Циник, ага. Но попробуй остаться альтруистом, проработав двадцать лет в ментовке, а потом десять лет занимаясь только тем, что учился убивать людей всеми возможными способами? На той стороне на мне хватает трупов, на этой...на этой — больше. Гораздо больше. Так что нечего удивляться.

— Будешь слушаться? Будешь? — бью по заднице преподавательнице, она тихо всхлипывает и детским, тонким голоском отвечает:

— Буду, папочка! Не бей меня! Мне больно! Я все для тебя сделаю, все!

Тьфу! На душе стало еще мерзее. Неужели я раскрыл какую-то тайну, которую никому знать не следовало? Поворачиваюсь к администратору и официанту, тому самому перньку, которого заколдовала Содия, и пристально смотрю им в глаза. Официант смотрит на задницу женщины, которая почти не прикрыта сползшим в очередной раз платьем,

администратор же бесстрастен и спокоен, как будто такие сцены для него не то что не впервой, а вообще в ранге положенности, и тихо, веско говорю:

— Если узнаю, что вы болтаете об этом на каждом перекрестке — вернусь, и убью вас всех. А этот притон сожгу — и головешки не останется! Поняли?

Официант косится на меня, будто испуганный жеребец, администратор же чинно отвечает, сосредоточенно глядя в пространство надо мной:

— Не беспокойтесь, господин...я прослежу, чтобы ни слова не вышло наружу. Если смогу...

Я понимаю, лезу в кошель, достаю большой серебряник и кидаю его мужчине. Тот ловит, буквально вынимая его из воздуха, и с достоинством прячет в широкий пояс. Кивает, и делает жест что-то вроде земного «окей». Мол, «заметано!». А я с натугой вскидываю женщину на плечо и шагаю дальше. Администратор предлагал мне помощь в переноске «груза», двух дюжих кухонных рабочих, но я посчитал, что будет неуместно, если чужие руки касаются почти обнаженного тела моей пусть и не подруги, но влюбленной в меня женщины. Потому с некоторым сожалением отказался. А сейчас вот пожалел, что не воспользовался услугой. Но да ладно. Авось зачтется! Где? Да где-нибудь. Благородный херр...не пожалел, видишь ли, чтобы его спутницу лапали за жопу. Что от нее, убудет, что ли? Дурак!

Наконец-то выхожу из трактира — прямо в густую, темную южную ночь. Да, именно что южную — здешний климат сродни сочинскому. Субтропики, можно сказать. Летом жара и влажность (море же!), зимой может и снег выпасть — прямо на пальмы.

Усеченный круг света метров десять в диаметре — над входом висит магический светильник. Тащу свою даму к пролетке, а в голове вертится: *«Ночь, улица, фонарь, аптека. Бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века — все будет так, исхода нет!»* Цепочка ассоциаций, однако.

Подхожу к пролетке, кладу даму на сиденье повозки. Лошадь прядает ушами, всхрапывает, и начинает испражняться, попердывая и

шлепая дерьмом по мостовую. Вонь стоит — неимоверная. Ругаюсь, и ставлю ногу на ступеньку пролетки. Издержки средневековья! И вдруг слышу:

— Вот он! Давай!

Вижу тень слева, автоматически качаюсь вправо, и тут же в крыло пролетки врезается то ли дубинка, то ли вообще что-то вроде булавы. В общем — «оружие ударно-дробящего типа». Крыло, покрытое черным лаком, тут же трескается, сыплются чешуйки краски и лака, лошадь ржет и дергается вперед, возчик ей не мешает — перепуганный, как и его «мотор».

Рука скользит к кинжалу, уже побывавшему сегодня в деле. Я не думаю о том, кто напал и почему. Главное ясно — меня хотят убить. А потому я без раздумий выхватываю одной рукой свое оружие, ножны которого крепко принайтованы к бедру (чтобы удобнее выхватывать!), и засаживаю его в глаз нападавшему, мгновенно отскакивая в сторону. А отскакиваю я потому, что нападавших здесь минимум трое — одного я уже считай завалил, двое обходят меня с боков, намереваясь доделать то, что не успел первый. Похоже, они еще даже и не поняли, что их товарищу пришел конец — труп даже не успел осознать, что он уже труп. Ноги убитого только-только начали подгибаться, а я уже перекатом подскочил ко второму и снизу засадил ему в печень, по самую рукоятку. И то же самое проделал со вторым, только не в печень, а в пах, по пути распоров бедренную артерию. Все это заняло считанные секунды — по секунде на человека, если не меньше. А дальше я бросился следом за убежавшей пролеткой, маячившей где-то в темноте, за пределами освещенного круга.

Администратор и официант, которые стояли у входа, возможно что ничего и не разглядели — все произошло в полумраке, свет сюда почти не добивал. Единственное, что могли увидеть, это то, как я убил первого нападавшего. Но тут уже ничего не поделать. Сомневаюсь, что они сейчас вызовут стражу — кому нужны эти разбирательства? Подождут немного, потом обшарят карманы убитых, и запрут в трактире, справедливо решив, что за крепкими дверями лучше всего обсудить все происшедшее. Надеюсь, я им достаточно заплатил, чтобы не трепали языками. Ну а если и растреплют — буду от всего отказываться. Я не я, и рука не моя.

Хорошо, что не расстаюсь с кинжалом. Как говорил Учитель: *«Кулаки, это, конечно, хорошо. Голыми руками можно и нужно убивать. Но если у тебя есть нож — тогда ты практически непобедим. Если, конечно, перед тобой не человек с мечом. Но и тогда у тебя есть шанс, особенно если находишься в тесном помещении. Пусть всегда при тебе будет нож, и тогда ты будешь спокоен за свою жизнь»*. А Учитель зря не говорит. И знал, как я умею работать ножом. Делаю это не хуже его самого. А может даже и лучше — это он сам сказал. Впрочем, может просто хотел меня так похвалить.

Пролетку я догнал в квартале от места драки. Трясущийся, как осина под проливным дождем возчик вцепился в поводья так, что я их у него едва выдрал. Пришлось дать ему пощечину, чтобы пришел в себя. И воняло от него свежей мочой — похоже, что упустил в штаны. Хотя и не буду его осуждать — запросто ведь могло и ему прилететь, как свидетелю.

Когда заикнулся, что нужно доставить даму по адресу — возчик категорически отказался и сказал, что никуда больше не поедет, пусть молодой господин убивает его на месте. Ни за что, ни за какие деньги!

И я на секунду задумался — может и правда его убить? Раз предлагает? Я на взводе, у меня адреналин в крови кипит, аж из ушей дым валит. А потом заставил себя подумать, и пришел к такому выводу: нефиг сейчас мотаться по городу, когда неизвестно — сколько еще бойцов были нацелены на мою душу. А если я не всех убил, и они устроят засаду по дороге? До дома Содии ехать довольно-таки далеко, она жила в квартале магов, а это надо будет объехать Закрытый город, в котором живет император, обогнуть его по дуге, а потом по кварталу купцов. Запросто можно меня обогнать и устроить горячую встречу. Или еще веселее — зная, что повезу пьяную магиню к ней домой, устроить засаду именно там. Да не такую — с дубинками и мечами, а хорошую — с арбалетами и луками. Получить болт в живот — эта перспектива меня точно не прельщает. Так что ехать надо совсем в другое место! Которое находится рядом. Там тоже меня могут ждать, но...будем надеяться, что террористов на все возможные адреса все-таки не хватит.

Едва успел вынуть дрыхнущую магиню из повозки, как извозчик гикнул, вытянул несчастную лошадь кнутом и умчался в ночь, даже не попытавшись потребовать от меня дополнительной платы «за страх». Я дал ему мелкую серебрушку, но по-моему если бы даже я вообще

ничего не заплатил, он бы не обиделся и был бы счастлив, что вообще унес отсюда ноги. Ну что же...хочешь зарабатывать извозом — готовься к тому, что некоторые пассажиры окажутся не вполне адекватны. Работа «таксиста»...она такая. Опасная.

Почему пьяные и мертвые такие тяжелые? Меня всегда занимал этот вопрос. Если человек мертвецки ужрался, он кажется невероятно тяжелым, не таким, каким был бы в сознании. Ну а про мертвецов и говорить нечего — общеизвестно, что они вдруг становятся будто налитыми свинцом. Вот и Содия сделалась такой тяжелой, что при ее весе килограммов в пятьдесят, и при моей довольно-таки недюжинной для малолетки силе, я ее едва тащил на руках. Может потому, что устал? Или потому, что и сам хорошенько наклюкался. Удивительно, что в таком состоянии сумел завалить этих негодяев. У пьяного реакция совсем не как у трезвого.

Впрочем, и в этом нет ничего такого особенного. Я ведь прошел курс пьяного боя. Нет, не так: боя в пьяном состоянии. Учитель мне некогда сказал: *«В твоей работе иногда нужно хорошенько выпить — хотя бы для того, чтобы не отставать от своих собеседников и не вызвать у них подозрений. Потому ты должен научиться вести бой даже тогда, когда едва стоишь на ногах, и в глазах все двоится. Ты должен собраться, выкинуть из головы хмель и вышибить дух их тех, кто решил тебя подпоить и потом пустить под ножи»*. Он поил меня вином, а потом мы сражались. Так что я умею драться и тогда, когда небо и земля норовят поменяться местами. Впрочем, до такого состояния сегодня я не допился.

Охранник на проходной посмотрел на меня с веселым изумлением и попытался рассмотреть, кого же я тащу, а потом потребовал пропуск на мой «груз». Пропуск я ему дал — серебряный такой, зазвеневший по столу. Такой пропуск его вполне удовлетворил. Лицо же «подружки» я ему рассмотреть так и не позволил, имя тоже не сказал. Охранник и не настаивал — «уплочено».

До своей комнаты добрался без происшествий, больше всего опасаясь, что меня возле нее поджидает Верга. Придется тогда объяснять — что за девица в моих объятиях, и с какой стати я тащу ее в свою постель при наличии «официальной» любовницы. Но нет, девушки у комнаты не было, а если ночью начнет стучать в дверь — сделаю вид, что крепко сплю и ничего не слышу.

Первым делом — налил ванну. От женщины пахло — то ли потому, что свалилась на пол в повозке и там лежала, то ли...в общем — выпито было много, и пьяные не всегда могут в себе это удержать. Даже красивые женщины. Как она была, в одежде засунул ее в ванну. Уже в воде раздел донага, теперь уж наверняка убедившись, что дама ходит без нижнего белья — прополоскал платье, отжал, повесил сушиться. Потом занялся его хозяйкой.

Ну что сказать...это было делом не очень-то и простым. Дама так и не пришла в себя — с закрытыми глазами мычала, что-то бормотала, и даже пыталась отбиваться, ругаясь при этом как портовый грузчик. Однако я снова прибег к уже проверенному средству — нашлепал ее по голой заднице, после чего моя «подружка» сдалась, и только тихонько хлюпала носом и размазывала по лицу краску для ресниц (да, здесь до такого додумались — красят). Я намылил Содию, потер мочалкой, сполоснул, затем спустил воду, вытер заснувшую даму полотенцем, обернул им ее, и отнес в постель. После помыл ванну, снова набрал, сам вымылся, и наконец-то отправился спать рядом с посапывающей и улыбающейся во сне Содие. С минуту смотрел на ее улыбку, прикидывая — что же такое она видит во сне, из-за чего так счастливо улыбается? Ну а затем меня сморил сон. Нет, даже не так — меня просто накрыло, и я провалился в бархатную, теплую тишину. Чистый, сытый, рядом красивая женщина, которая забросила на меня руку и ногу — ну чего бы не уснуть и видеть сны? Да, до секса у меня в этот раз дело не дошло, хотя и всерьез подумывал об этом славном деле. Но так устал, так понервничал, что мозг мой, перегруженный информацией, дал команду на выключение. И я вырубился.

Содия проснулась от того, что ей ужасно хотелось по-маленькому. Так хотелось, что она едва не упустила, тем более что ей снилась речка ее детства, с журчанием несущая свои воды мимо зеленой лужайки. Во сне она оторвалась от губ Гериона, вздохнула, и сказала, что сейчас вернется, пусть только подождет! Отошла за кустики, присела, и...проснулась.

Первое, что увидела — лицо и грудь парня, рядом с которым лежала. Молоденького парня, очень похожего на ее первую любовь — Гериона, с которым она занималась любовью в тот славный солнечный денек. Герион служил у них конюхом, и они вместе частенько выезжали на конную прогулку. И как следствие — Содия без памяти в него влюбилась.

И...кончилось это все дурно. Когда обнаружилась их связь, Гериона высекли, и выгнали со службы, ну а Содия...ее тоже высекли. Отец. Он любил ее наказывать, устраивая из наказания нечто такое, о чем Содия не могла рассказать никому. Даже сейчас, спустя много-много лет... Она боялась его до беспамятства, и когда отец умер — испытала облегчение. Это был редкостный мерзавец, который сделал все, чтобы испортить ей жизнь. И у него это получилось. Содия так и не стала настоящей женщиной, мечтающей о семье и детях. Детей она не любила, а мужчин меняла как перчатки, используя их, и потом отбрасывая в сторону. Будто таким образом мстила папаше, превратившего ее в свою игрушку с самого раннего детства. Так что семьи у нее нет, и никогда не будет. Впрочем, Содия по этому поводу ничуть не расстраивалась. Ей ее жизнь нравилась, и менять что-то в ней она не собиралась.

Медленно выползла из-под одеяла, осмотрелась в тусклом свете, идущем из окна. Увидела дверь, ведущую в туалет, он же ванная комната, и легко ступая отправилась справлять свои делишки. Через пять минут, стоя у зеркала, висевшего в ванной (Дорогая вещь, откуда такая у молодого парня? Наверное осталась от предыдущего жильца), огладила бедра, грудь, провела ладонью по плоскому, как доска животу и осталась довольна — выглядит не хуже, чем пятнадцатилетняя девчонка. Даже лучше! Эти малолетние дурочки не понимают, как правильно содержать свое тело, а она знает — как сделать так, чтобы не было целлюлита, чтобы не висели ягодицы, чтобы грудь торчала вперед. И чтобы от тебя всегда хорошо пахло.

Содия вдруг поморщилась, отрывочно вспомнив то, что вчера происходило. Как она пила вино, возбужденная присутствием этого мальчишки, как пыталась заглушить вспыхнувшую страсть, напоминая себе, что такие как он не в ее вкусе, что она любит зрелых, опытных мужчин, что... В общем, в конце концов она набралась так, что уже не помнит окончание вечера. И это печально. Было у нее что-то с этим парнишкой, или нет? По логике — должно было быть — не так же просто они оказались в его постели? Неужели всю ночь так и проспали, и он не воспользовался ее...хмм...расслабленным состоянием? Мужчины все одинаковы — стоит оказаться в их руках беспомощной и растекшейся как вода — будешь потом ходить враскоряку несколько дней, морщась и ругая себя за глупость. Проверено, и не раз!

Она ощупала себя, внимательно обследуя кончиками ухоженных

пальцев особо интимные места...нет, все вроде в порядке, не болит. И нет следов того, что ей воспользовались, пока она была без сознания. Содия вначале удивилась, потом разозлилась: этот щенок что, побрезговал ее телом?! Ее совершенным, прекрасным, лучшим в мире телом, в которое она вложила столько средств и сил?! Да как он посмел! Что он о себе возомнил, мерзавец?!

А может она стала непривлекательна? Может, уже не спасает ни магия земли, ни упражнения, которые она с истовостью маньячки делает каждый день по два часа?

Снова встала перед зеркалом, осмотрела тело внимательнее, чем раньше. Да нет же! Была бы она мужчиной — трахнула бы такую женщину во все возможные отверстия! А потом еще бы повторила — два, три, десять раз! Пока не запросит пощады! Так в чем дело? Может он импотент? Или любит мужчин? Хоть он и отказался, что ему нравятся мужчины, да мало ли что скажет парнишка пятнадцати лет от роду — может он стесняется своих наклонностей, дурачок... Вот Содия любит и мужчин, и женщин — так что такого? Женщины чистенькие, гладкие, всегда хорошо пахнут, и знают, как доставить удовольствие другим женщинам. Так почему Содия должна отказываться от секса с такими прекрасными партнершами? Это же естественно! После грубых, пахнущих потом мужчин иногда хочется нежной, постанывающей под твоим язычком красотки. Ощутить гладкость ее бедра, вдохнуть запах притираний и мускуса...это же прекрасно!

Но все равно обидно. И досадно. Но поправимо. Она же еще здесь! И парень куда не сбежит!

Содия осмотрелась, и первое, что заметила — висящее на держалках свое платье. Подошла к нему, понюхала, поморщилась. Мдаа...похоже вчера она была не на высоте. Воняет, как из помойки. Непонятно, как в таком платье добираться домой. Зачем домой? Переодеться, конечно же! Ну не в платье с разрезом до пояса и без нижнего белья расхаживать по Академии и читать лекции?! Это шокирует не только студентов (те-то будут рады зрелищу), преподаватели начнут болтать всякую ерунду, а то еще и пожалуются ректору. Особенно эта мерзкая Гренда Боссом, старая кошелка, которая считает себя светочем нравственности. Старая дура! Лучше бы задницу себе поправила, а то висит, как бурдюк с кислым молоком!

Содия вздохнула, и начала шарить по шкафчикам, решив завершить ревизию. Нашла кое-что интересное, подняла брови — а мальчик-то продвинул в вопросах секса. Все у него есть — от различных видов масла, до средств очищения кишечника. Неужели и правда он ходок по мужчинам? Или это приготовлено для подружек? А может опять же — осталось от предыдущего жильца?

Содия выбросила эти мысли, выбрала то, что ей нужно, и забралась в ванну, включив душ не на полную мощность, так, чтобы не сильно шумел. Ей не хотелось раньше времени разбудить парня. Мужчину надо брать тепленьким, пока он еще спит и совершенно беззащитен. Содия всегда была сторонницей того, что женщина должна быть чиста, как снег на вершинах гор. Женщина, от которой дурно пахнет, растеряет всех своих любовников за считанные дни. Мужчины любят невинность и чистоту. И надо дать им и то, и другое. Кстати сказать — Содия восстанавливала девственность шестнадцать раз. Пусть вначале немного больно, но это так забавляет! Мужчины на полном серьезе думают, что женщина в тридцать лет может быть девственницей! И сохранила ее для него, единственного! Ха ха ха...

Через пятнадцать минут она была полностью готова. Чиста снаружи и внутри, причесана, и прекрасна, как распустившийся утром цветок.

Прошла к постели, посмотрела на парня...да, очень, очень милый парнишка! Она с первого взгляда определила, когда его увидела, что из него получится прекрасный мужчина, когда этот милый мальчуган вступит в пору зрелости. Чуть-чуть не хватает брутальности, уж больно нежная кожа, гладкое лицо с пухлыми губками, и...слишком милый и красивый. Нарядить его в женское платье — получится милая девушка.

Содия хихикнула про себя, и медленно откинула одеяло с парня. И тут же с удовольствием отметила, что его мужское достоинство ничуть не меньше, а то и побольше, чем у многих мужчин, которых она знала. Не такой, чтобы совсем уж испугаться — это только в мужских глупых мечтах женщины любят такие, как у жеребца. Но очень даже достойного размера, и как раз...какой ей нужен сейчас.

Содия встала на колени, на постель, потом легла поудобнее, и приняла парня в свои горячие губы. Он вздохнул, слегка пошевелился, Содия улыбнулась, и начала делать ЭТО быстрее. А когда почувствовала, что он готов — оседлала своего нового любовника, со стоном

наслаждения констатируя, что это то, что ей нужно было именно сейчас. И лучше, наверное, и быть не могло.

Они занимались сексом до того самого момента, когда солнце полностью вылезло из-за горизонта и залило мир ярким потом горячих лучей. Эдвин оказался на удивление умелым любовником, такие в жизни Содии встречались довольно-таки редко, можно пересчитать их по пальцам одной руки. Странное ощущение? Иногда, когда закрывала глаза, ей казалось, что занимается любовью не с молоденьким парнишкой, а с опытным, взрослым мужчиной лет на двадцать старше ее самой. Настолько он знал ВСЕ, что нужно было знать опытному мужчине. Соединение мальчишеского пыла и умения взрослого любовника — это было потрясаяще и ново.

Она взлетала к вершинам наслаждения не раз, и не два — к тому моменту, когда они решили что все, хватит, сил больше нет — Содия кончила не менее десятка раз, и лежала опустошенная и даже ошеломленная. Она вдруг поняла, что теперь будет думать об этом парне днями и ночами, мечтая повторить эту ночь много, очень, очень много раз. И злилась на себя за то, что не удержалась и трахнула мальчугана. Ведь их связь невозможна, в высшей степени порочна — преподаватель и студент первого курса! Да это же...скандал! Один раз еще может проскочить, два, три...а потом все равно заметят, пойдут слухи, и...ей не хотелось терять выгодное и денежное место. Конечно же, она не пропадет — сильный маг всегда найдет себе место. Но так не хочется уходить из насиженного, теплого гнезда!

И все равно — она ничего не могла с собой поделать. Она мучительно хотела ЭТО повторить. Следующей ночью, и другой, и третьей.

А еще — заранее ненавидела всех этих мерзких молоденьких девок, которые кувыркаются в постели с ее молодым любовником, отнимая у Содии великолепные минуты наслаждения.

Впрочем, может потому она и получала такое удовольствие от секса с этим парнишкой, что запретный плод слаще всех плодов на свете? Может если бы ей не грозили неприятности, наслаждение не было бы таким острым? Она ведь психолог, и кто как не Содия знает все потаенные страсти человека.

Об этом она подумает завтра. А сейчас надо решить, как выбираться из комнаты своего любовника, если в коридоре уже слышны шаги и голоса. И очень не хочется надевать вонючее платье, в котором потом тащиться через весь город.

Проблему решил Эдвин — он предложил Содие одеться мальчиком, благо что она по росту и комплекции соответствует его габаритам. И тут же с улыбкой потребовал, чтобы любовница в обязательном порядке вернула ему одежду, когда в ней отпадет необходимость. Ибо он беден, а вчерашний ужин вместе с поездкой домой и так пробили дыру в его бюджете. Потом спохватился и слегка покраснел: «Забудь! Это я так... ляпнул не подумав». Содие стало и неудобно, и смешно — значит, вчера не расплатилась за ужин, и все повесила на мальчугана? Хороша же она в его глазах! На ней украшения стоимостью в сотни золотых, а она развлекается за счет своего нищего любовника! Стыдно, да.

Мальчик из нее получился очень даже милый, ей даже понравилось — приключение! Прикрыла лицо капюшоном курточки, и теперь никто не сможет сказать, что выскользнувший из номера Эдвина паренек на самом деле преподавательница Содия Альфарец. Впрочем, все равно на всякий случай дождалась, когда в коридоре не будет никого из студентов. Ждать пришлось минут пять, и то...едва не попалась.

Охранник выпустил из Академии без проблем — это впускают, рассматривая пропуск, а раз уж находится на территории Академии — значит, с документами все в порядке. Как-то же пропустили?

На улице тут же поймала извозчика, и скоро ехала домой, прислушиваясь к ощущениям внутри организма. А ощущения были очень даже приятные. Усталое и кое-где натертое тело мягко и сладко ныло, в животе до сих пор подрагивало и сжималось, когда Содия вспоминала случившееся ночью, и прикрыв глаза, она глупо и блаженно улыбалась. Ей давно не было так хорошо.

А расходы парнишке она возместит. Денег у нее полно, а куда девать деньги, если не на свои удовольствия? И первым делом — как следует одеть парня. Чтобы не было стыдно с ним выйти в свет.

Впрочем, ей давно уже плевать на мнение света. В глазах этих ханжей она уже имеет репутацию шлюхи, охотницы за чужими мужьями. Так одним слухом больше, одним меньше... Ничего, как-нибудь

утрается. Зато отыскала такой бриллиант, что...и кто бы мог подумать? Скромный, невзрачный парнишка, и вот тебе! Сокровище!

Кстати, а что случилось с ее амулетом? Почему пуст? Надо будет зарядить, нельзя выходить без магической защиты. Но это потом. Все потом!

Содия снова прикрыла глаза, откинулась на спинку скамьи, ее рука поднялась вверх и сквозь ткань рубахи тихонько погладила напрягшуюся, выпуклую грудь с острым соском. Сжала ее, и...Содия невольно вздохнула. Картины этой ночи снова встали перед ее глазами. Хорошо!

Глава 20

Ох, голова болит и спать охота! Все-таки я вчера хорошо нажрался. А потом еще с этой чертовой бабой кувырчался до самого утра. Надеюсь, никто не видел, как она выходила из моей комнаты...не то скандал будет.

Есть совершенно не хочется...ковыряюсь в чашке, с отвращением поглядывая на ее содержимое, а еще — на моих коллег-студентов, активно и с аппетитом поглощающих и кашу, и сыр, и яичницу, все, что нам предложено этим утром. Ну что же...вчера было хорошо, так теперь терпи и не ной.

Впрочем, я и не ною. Запихиваю в себя липкую кашу с маслом, зная, что единственное средство от похмелья, это как следует поесть, попить, и...дождаться, когда все пройдет само собой. Нет — конечно же можно еще воспользоваться услугами магов-лекарей, но...бесплатно мне никто ничего делать не будет, даже академские лекари — похмелье никак не входит в перечень болезней, которые лечат наши доктора. Вот если бы простуда, или ранение после взрыва амулета, на худой конец сломанная рука или нога — тогда, да. Но похмелье почему не считается болезнью, которую должен устранить наш лекарь. Или, например, что-нибудь венерическое. Нравятся грязные девки — ну дак и плати тогда за лечение! Или покупай амулет, который предохранит тебя от таких болезней (да, такие есть — дорогие штуки, между прочим).

Минут через пять замечаю, что те, кто не всасывает в себя кашу подобно пылесосу, а просто сидят за столиками и уже переваривают эту липкую массу не просто так сидят, а что-то обсуждают, и многие из них поглядывают на меня. Заметил группку девочек человек пять — со второго курса, которые пялились на меня с неприкрытым отвращением и хихикали так, будто на моем стуле сидел не парень со следами ночных излишеств на лице, а самый натуральный катях — вонючий и облепленный мухами. Неужели я теперь выгляжу так, что могу вызывать лишь отвращение?

Стоп! А может кто-то видел, как Содия проскользнула из моей комнаты? И теперь все ждут скандала? А дожидаясь секс-скандала

обсуждают тот факт, что я позарился на такую вот старушку? Чушь — насчет «старушки». Содия очень красивая женщина, хотя я не знаю — это натуральная красота, или результат вмешательства магической силы. Ей на вид двадцать пять-тридцать лет, хотя я точно знаю, что гораздо больше, чем тридцатник. Сорок, не меньше. Но вообще-то я всегда считал, и теперь считаю, что женщине столько лет, на сколько она выглядит. Знал девчонок семнадцати лет, которые выглядели старыми усталыми кобылами, и пятидесятилетних красоток, способных затмить иную королеву красоты своей яркой, запоминающейся внешностью.

Кстати, в этом мире для женщин, желающих сохранить молодость и обладающих достаточным капиталом нет никаких преград в этом деле. Можно до самой смерти оставаться двадцатилетней красоткой — только плати магам-лекарям, и будешь всегда молодой. Увы, бессмертие волшебники все-таки дать не могут. Сами маги живут очень долго, а вот обычные люди, как ни старайся, умирают гораздо, гораздо быстрее любого из самых слабых волшебников. Магия, пропитывающая организм, каким-то образом сохраняет, консервирует его ткани. И процесс этот до сих пор так никем и не описан. Просто принимается как факт: все маги являются долгожителями.

— Привет! — раздался знакомый голос за спиной, и я не глядя указал рукой — садись, мол. Керл тут же плюхнулся напротив, бухнув подносом с едой о стол. Я поморщился от грохота. А может и не от грохота — мне сейчас даже легкий стук казался грохотом.

— Эд...можно тебя спросить? — нерешительно начал Керл, и я едва не поморщился. Вот оно! Сейчас начнет выпытывать про Содию — как, что, почему...и какова она в постели А еще — откуда у меня свежие царапины на спине, и засосы на шее. Ну что за привычка у женщин оставлять такие следы? Почему надо обязательно драть спину партнеру?! С чего они решили, что это приятно?

— Спроси... — вздохнул я, с сожалением осознав тот факт, что от Керла отделаться невозможно, и что легче ответить на его вопросы, чем долго и мучительно объяснять, почему я отвечать не желаю. Липучка чертова!

— Скажи...тут такие слухи ходят...только ты не обижайся... — нерешительно начал Керл, и я даже удивился, чего это он так осторожничает?

— В общем...говорят, ты любишь мальчиков! Это правда?

— Что-о?! — я аж поперхнулся. Долго откашливался, да так, что из глаз выступили слезы, но зато в голове прояснилось и она даже болеть стала меньше — Какого демона?! Ты сдурел?!

— Ну не обижайся...просто видели, как из твоей комнаты утром выбегал какой-то парнишка. Я сразу сказал — не может быть! Эд настоящий жеребец, ему только девок подавай! А они — вон он, какой смазливенький, точно, с парнями спит! Я им — а как же Верга? Он же ее извездил, как наездник кобылу! А они: это для отвода глаз. Все вранье. На самом деле он с мальчиками кувyrкается! Еще раз прости — вот так болтают. Но я точно в такое не верю! Точно!

— Кстати, а где Верга? — вдруг пришло мне в голову — Я что-то ее давно не видел.

— И никто не видел — пожал плечами Керл — Пропала куда-то. Может, уехала? Отпуск взяла? Не знаю, Эд. Так что на мой вопрос? Ты не думай, в наших отношениях ничего не изменится...только в душ с тобой не пойду...ха ха ха...и нагибаться там не буду. Чисто интересно! Да и знать бы неплохо...

— Предложи тем девкам, которые распускают эти слухи, зайти ко мне вечером. Можно сразу несколько. И я им покажу, кого я люблю — мальчиков, или девочек — усмехнулся я.

— Хорошая идея! — просиял Керл — Могу помочь, если что! Если будет больше троих! Зови, ладно?

Я покосился на приятеля, собрал тарелки на поднос, и пошел к мойке. Оставил грязную посуду, и побрел на занятия, чувствуя взгляды на своей спине. В Империи за гомосексуализм не казнили, но если поймают за таким занятием — на хорошую государственную должность рассчитывать не стоит. Император в высшей степени негативно относился к таким людям. Он считал, что таковое занятие противно натуре человека и заповедям Создателя, а раз Создатель не одобряет, значит, это наущение демонов. И таких людей нельзя подпускать к управлению государством.

Честно скажу, я лично никогда не понимал, какое отношение к

деловым качествам является сексуальная ориентация, но полностью был «за» решение Императора в этом вопросе. Ибо нехрен проводить в жизнь свои заднеприводные идеи. Империи нужны люди, хорошая рождаемость. Это северяне пускай занимаются такой дрянью и вымирают, а нам нужен народ. Занимайтесь этой пакостью с кем хотите — только детей не трогайте, и не афишируйте свои наклонности. И черт с вами — вымирайте. Ну да, я совершенно не толерантный человек.

И вот — какая-то скотина распускает обо мне слухи, и я знаю, откуда растут ноги у этой новости. Кто-то видел, как Содия выходит от меня в моей одежде, а некто меня очень сильно не любящий (непонятно почему, я ведь тут без году неделю и врагов вроде как нажить не успел!) тут же воспользовался случаем и распустил эти слухи. Так-то вроде и наплевать, и на должность в аппарате администрации Императора я никак не рассчитывал, но...неприятно же.

Ладно. Что будет, то будет. Плевать мне на мнение моих однокурсников и всех остальных вместе взятых. Учиться буду.

Но дойти до аудитории я не успел. Меня перехватил парнишка с моего курса, его звали Идир Адносс. Ничем не примечательный парень, я с ним почти не общался. Ну...парень, как парень — сидит, пишет, слушает, вот и все. Ни плохого, ни хорошего про него сказать не могу.

— Ольгард, скорее! Там тебя ректор ищет! Меня встретил — сказал, чтобы я тебя нашел и передал, чтобы ты поскорее к нему зашел. Поторопись!

Я кивнул и медленно побрел в сторону ректорского кабинета, гадая, что же такое мне хотят навесить. Вариантов немного — секс с преподавательницей, или убийство троих студентов. Впрочем, нет: еще драка у трактира. О чем меня сейчас будут допрашивать? Ставлю на секс с Содией. Троих отморожков я убрал чисто, не осталось ни малейшего следа. Нет тела — нет и дела. Кстати...если бы на службе у Империи были черные маги, которые якобы видят призраков умерших людей и умеют их вызывать, то совершение убийств было бы абсолютно самоубийственно. Попробуй-ка тогда скрыть следы убийства! Жертва сама тебе расскажет, кто ее уложил. Если только убить, и сразу в бега? Или...использовать другую личину. Хмм...а ведь точно, что-то я туплю. Если надеть маску — хоть призрак, хоть не призрак — попробуй-ка, узнай убийцу! Человек всегда найдет лазейку и совершит то, что хотел

сделать.

Секретарь в ректорате увидев меня тут же попросил пройти в кабинет, что я и сделал безо всякой охоты. Когда оказался в кабинете, увидел ректора, сидящего за столом и женщину, смутно мне кого-то напоминавшую. На вид ей было лет тридцать, может чуть больше, она была бледна и по-моему недавно плакала.

— Вот! Студент Ольгард! — кивнул на меня ректор — Может он может что-то сказать? Насколько мне стало известно, ваша дочь и Ольгард были...хмм...очень дружны. И он последний из тех, кто ее видел. Ольгард, это мать известной вам Верги Олрад. Верга исчезла, и никто не знает, куда она подевалась. Может вам известно ее местонахождение?

— Да, вам что-то известно?! — женщина вскочила с места, прижав к груди сжатые в кулаки руки, и я поразился, насколько они с Вергой похожи. Сестры, да и только! Магия, конечно же...если есть деньги, это не сложно.

— Я заплачу! У меня есть деньги! Пожалуйста, скажите, где моя дочь?

— За что заплатите? — удивился я — Вы чего?! Я вам что, вымогатель, что ли?! Спрятал вашу дочь под кроватью, а за деньги отпущу?! Вы меня оскорбляете, госпожа! Господин ректор, это что еще такое?! Как вы это допускаете?!

— Тихо, тихо, Ольгард! — ректор поднял руку ладонью ко мне, будто пытался остановить — Госпожа Олрад не то имела в виду. Она сказала, что если вы поможете найти Вергу, она вам заплатит.

— И щедро, щедро заплачу! — мелко-часто закивала женщина, и тут же с надеждой и одновременно подозрением посмотрела мне в глаза — А может, она у вас в комнате?

— Госпожа! — возмутился я — Нам строго запрещено принимать у себя на ночь гостей, и оставаться до утра в других комнатах! С какой стати она может быть у меня? Но чтобы вы были спокойны — я могу дать вам ключ, и вы обыщете мою комнату сверху донизу! Я не видел Вергу уже пару дней, или больше, и думал, что она куда-то уехала по своим делам. Да, не отрицаю — я общался с Вергой, мы сидели рядом на занятиях, и...испытывали друг к другу приязнь. Но не более того. И куда

она могла направиться — совершенно не представляю!

— Она должна была встретиться со мной, но не пришла — убитым голосом ответила женщина — Я ждала, потом поехала в Академию. Ее тут тоже нет. Она никогда никуда не уезжала без моего разрешения, потому... И я чувствую — случилась беда. Прошу вас, если есть хоть какая-то информация — скажите мне!

— Госпожа Олрад назначила награду в тысячу золотых тому, кто найдет ее дочь, или предоставит информацию об ее местонахождении — бесцветным голосом сказал ректор — Сегодня в обед объявят на всех площадях и рынках, и развешают листки с портретом девушки. Имейте это в виду. Идите, Ольгард...если что-то не вспомнили, конечно. Ничего? Тогда идите на занятия.

И я пошел себе, пошел. Солнцем палимый, чистый, аки горлица! Чистый, да! Ночью два раз в душ с Содией ходили. Экстрим, так сказать Стоишь себе под струями воды, и смотришь, как женщина на корточках возится у твоих ног. Что на Земле-1, что здесь — желания людей ничуть не отличаются.

Вспомнил, что забыл блокнот, пошел к себе в комнату, и первое, что увидел — небольшой конверт, приделанный к двери так, что если не откроешь, то его и не увидишь. Как-то умудрились подсунуть под дверной косяк. Хватаю конверт, а внутри все холодеет — самые что ни на есть нехорошие предчувствия. Похоже, что сейчас я узнаю нечто, о чем не хотел бы знать. Вскрываю и читаю:

«Если не хочешь получить свою подружку по частям, приходи один, без сопровождения по адресу ул. Зеленая, дом двадцать один. И лучше уже сегодня, завтра утром тебе пришлют ее палец!»

И еще одна записка: *«Эдвин, милый, сделай так, как они говорят! Я ужасно боюсь! Это страшные люди! Твоя Верга».*

Я задумчиво уставился на обе записки, дождался, когда они вдруг пожелтели, побурели и рассыпались хлопьями тоньше чем пудра (стандартный трюк — самоуничтожающиеся письма), и только тогда сел в кресло и откинувшись, закрыл глаза. Мне надо было хорошенько подумать.

Итак — КТО?! И это первый вопрос. Второй: что делать? Ну, прямо-таки Герцен какой-то! Кто виноват, и что делать. Известный русский вопрос. На первый всегда находится ответ — «Ну конечно же не я!» Но тогда возникает подвопрос: «Ну, а кто?!» Выяснить можно только одним способом — пойти туда, куда меня зовут. Чтобы огрести там трендюлей и дать возможность моим неприятелям вволю поглумиться надо мной, и моей несчастной подружкой. Мда...не в добрый час Верга прыгнула в мою постель, а потом начала распространять информацию о том, что мы с ней...того. Ни к чему это было. Ошиблась.

Сидел я ровно пять минут, а затем начал собираться. Снял свой мундир, повесив его на плечики, надел гражданский костюм, один из двух, которые у меня были (второй у Содии, клятвенно обещала все вернуть), мягкие ботинки, такие некрасивые, и такие удобные, ну и все остальное, что может мне понадобится на месте. Насчет того, что пропускаю занятия даже и не думал. Плевать на занятия. Потом нагоню. Выгнать меня все равно не выгонят — Тайная служба не даст. Я им нужен.

Надо было бы идти ночью — ночь моя стихия. Я вообще-то ночью вижу едва ли не так же, как и днем — только в черно-белом изображении. Столько лет меня опаивали какой-то дрянью для того, чтобы я смог видеть как кошка. Но сейчас время работает против меня.

Вообще-то, по-хорошему, мне надо забыть о Верге. Ну кто она мне такая? Случайная подружка. Любви у нас нет, и не будет. Секс я всегда найду, вон, даже преподавательница на меня клюнула. Но...ведь Верга погибнет из-за меня. А мне это неприятно. Да и красивая она девка, очень красивая. Нельзя чтобы красота так просто исчезла из мира. А кроме того — хочу знать, кто это выступил против меня и проиграл. Да, проиграл, потому что тот, кто выступил против Мастера — однозначно труп.

Заигрались ребята. Почувствовали свою безнаказанность. А как там сказал один литературный персонаж? *«Человек может владеть миром, строить империи, но если найдется простой парень, который осмелится выстрелить ему в голову — он умрет так же, как и все остальные».*

С территории Академии вышел без проблем. Охранник мирно пил из кружки что-то парящее и пахучее, и на меня не обратил ровно никакого

внимания. Я прошел с квартал в сторону центра, дошел до трактира, где обычно тусовались местные «таксисты», и нанял одного за мелкий серебряник, сбив цену в два раза. По тому, как блеснули глаза извозчика, сразу же понял, что он нагрел меня процентов на тридцать, не меньше. Таксисты одинаковы во всех мирах, сидят ли они в «логане», или же на козлах покрытой черным лаком пролетки.

И точно, надул он меня. Искомое место нашлось не так уж и далеко — в пятнадцати минутах езды от Академии. Высоченный забор из дикого камня, поверху — густой лес стальных прутьев, напоминающий акульи зубы. Ворота, окованные сталью, и хмурый, мордастый привратник со шрамом через всю самоварную морду. Видимо бывший вояка.

Стучал я недолго — три раза стукнул, и через несколько секунд «кормушка» в калитке открылась, и этот самый мордан отпер дверь, даже не спросив, кто я такой, и откуда взялся. Похоже, что его заранее предупредили. Другой здоровяк, который возвышался надо мной не менее чем на голову, проводил меня в дом — тихий, будто вымерший. Предварительно обыскав (я оружие не брал — все равно отнимут) Ну а я, пока шел, осматривал территорию на предмет отхода.

Что сказать...красиво живут богачи! Лужайки, цветники, прудик на заднем плане — все, как полагается дворянскому гнезду. Дом тоже красивый, похож на усадьбу, которую я некогда видел на Земле-1. Старинную усадьбу — то ли Тютчеву принадлежала, то ли еще кому-то. Белоколонный, с мраморными лестницами, полукругом спускавшимся к мощенной брусчаткой дорожке — прекрасный особняк. У меня даже что-то ностальгическое в душе проскользнуло. Вернуться бы домой! К обычной, нормальной жизни — без магии, со смартфонами и чушью в интернете! С бабками на скамейке у подъезда, и визгом мотоциклов, пролетающих по мосту через речку! Эх...не ценишь, а когда потеряешь — плачешь. Впрочем — если и возвращаться, то В ЭТОМ теле. В то тело, старое, простреленное, резаное ножами и рваное осколками — мне как-то и не хочется. Мда...человек никогда не бывает доволен своей судьбой. Такая уж у нас натура.

Меня провели в комнату, в которой не было ничего, кроме старого дивана и светляка, дающего не очень яркий свет, достаточный для того, чтобы в комнате было светло, как пасмурным днем. Окон в комнате не было, и пахло чем-то кислым — то ли застарелым потом, то ли блевотиной. А может и закишей в диване кровью Вон, темные пятна в

обивке — откуда взялись?

Дверь заперли, оставив меня стоять посреди комнаты в гордом одиночестве. Вероятно, отправились за центром принятия решений. Нужно только подождать. Я бы мог вскрыть эту дверь на-раз — замок здесь внутренний (если только снаружи еще не закрыли на засов. Но зачем вскрывать? Скоро она и сама откроется, и все узнаю.

Ждать пришлось два часа, не меньше. Может два с половиной. Но в конце концов в коридоре послышались шаги, и в замке провернулся ключ. Дверь открылась, и в нее вошли двое мужчин лет тридцати от роду, одетые во что-то вроде формы с цветами хозяина. Наверное — личная гвардия. Цвета эти я не знаю, мне только и дела есть, как чьи-то дурацкие вензеля да цвета запоминать.

Меня схватили за руки — без особой жестокости, но крепко, потом стянули их за спиной специальным кожаным ремешком — довольно-таки дорогим, кстати сказать. Ремешок практически артефакт, пропитанный магией — аккуратно затянули, так, чтобы не пережимал кровь, а если начинаешь дергаться, пытаешься ослабить, освободиться — он затягивается намертво и становится твердым, как сталь. Таким ремешком обычно вяжут особо ценных рабов, которых и упустить нельзя, но и покалечить не хочется.

Руки мои так и не отпустили — один боец справа, другой слева, и повели. Молчком, как и до того. За все время я не услышал от местных обитателей ни слова, сам тоже молчал — зачем задавать глупые вопросы? Скоро и так все выяснится.

Поход закончился в большой комнате, в которой, как сразу бросилось в глаза, имелся полный набор инструментов для максимального выдаивания информации от «клиента» — жаровня с углями, щипцы, ножи, с потолка свисали цепи с наручниками. На полу — такие же цепи, только уже приделанные к полу. Комната была разделена на две половины — собственно пыточную, и «чистую» — с кушетками, низкими столиками, уставленными тарелками и кувшинами. Похоже, что меня собрались рвать на части с максимально возможным комфортом. «Чистая» часть находилась выше пыточной примерно на метр, видимо для того, чтобы господ зрителей не забрызгало чем-нибудь нехорошим. Да и вообще господам положено сидеть выше черни, не опускаясь до ее уровня.

На этом самом помосте сидели сразу восемь человек — мужчина лет пятидесяти, женщина лет тридцати, при взгляде на которую сразу вспоминаешь корейскую индустрию пластиковой хирургии. Две девушки — одной лет шестнадцать, другой около двадцати. Четыре парня — от шестнадцати и до двадцати лет. Конечно же, возраст я определил на свой взгляд, и могу ошибаться. Все восемь человек смотрели на меня с интересом и ненавистью, что и немудрено — я их узнал. Это семья убитого мной парня — его братья и сестры очень похожи друг на друга, как и на покойного. А еще — на свою мать, довольно-таки красивую женщину.

Кроме этой семейки, в комнате полно народу — человек десять, не меньше. Начиная с двух коренастых пожилых мужиков в кожаных передниках, и заканчивая двумя слугами в чем-то вроде ливрей, которые прислуживали своим господам. Ну и гвардейцы — увешанные оружием так, будто собирались в бой самое большее через минуту.

— Это он, мой господин! — гвардеец картинно показал на меня пальцем, напоминая Ленина на городской площади, который стоит и показывает пальцем в никуда, ибо светлого будущего коммунизма увидеть теперь не может даже самый упоротый фантаст.

Господин легонько шевельнул рукой, и меня тут же привязали к здоровенному стулу, стоящему возле стены и прикрепленному к полу стальными скобами. Ни руками, ни ногами я двигать не могу — привязали с душой, не за жалованье.

— Итак, приступим! — встал с места главный — Перед нами преступник, убивший нашего сына и вашего брата. Мы уверены в том, что именно он это совершил. Сыщик, которого мы наняли, был полностью уверен, что убийца этот...недомерок. Но будучи человеком основательным и справедливым, я решил, что нелишне будет получить признание от этого негодяя. Хочу, чтобы он рассказал, как убил, и за что убил. Казалось бы, все просто — влить в него сыворотку правды, и мерзавец сам все расскажет. Но выяснилось, что этот недомерок закрыт для сыворотки, и она может его убить. А нам это не нужно! Нам нужно, чтобы он ответил за свое преступление так, чтобы неповадно было всем, кто в дальнейшем попробует покуситься на самое святое — нашу семью. Он должен умирать долго, трудно, молить о смерти! А потому — мы применим старые добрые средства получения истины. Палачи! Они развяжут ему язык. А мы посмотрим, как корчится в муках тот, кто убил

члена нашей семьи, моего бедного мальчика...

Мужчина замолчал, и было видно, что он едва справился с волнением и заставил себя говорить спокойно, а не вопить, как пожарная сирена. После паузы он уже обратился ко мне:

— Эдвин Ольгард...от тебя зависит — умрешь ты быстро, или будешь умирать месяц, сгнивая заживо, без рук, без ног, без глаз. Расскажешь, как все было, за что ты убил моего мальчика — и умрешь легко.

Взгляд его дернулся в сторону, и я все понял — врет. Расскажи ему правду — и точно без пыток не обойдешься. Ну что же...поговорим! Только не о том, от чем ты хочешь услышать.

Глава 21

Смотрю на организатора действия, и не очень громко, но вполне разборчиво спрашиваю:

— А вы вообще знаете, кто я такой? Чей я бастард?

— Да кому какое дело, чей ты бастард, скотина! — кричит с места парень примерно моего возраста.

— Да — кому какое дело, чей ты бастард? — насмешливо фыркает девица, очень похожая на своего брата, и по возрасту соответствует парню. Похоже, что двойняшки.

— Стойте! — поднимает руку хозяин дома — Говори!

— Я бастард... — и называю имя отца Эдвина Ольгарда.

— Да плевать нам на твоего дурацкого папашу! — вопит младший из братьев — Я тебе сам глотку перережу! Папа, разреши, я его на ленты порежу! Как ты посмел тронуть моего брата?!

— Идиот! — холодно отвечаю я — Во мне течет кровь Клана Императора. Никто не смеет без разрешения Императора пустить мне кровь. Это оскорбление Клана и бунт. А бунтовщиков ждет плаха!

— Да мне плевать... — начал младший, и тут же получил хлесткий удар по физиономии тыльной стороной ладони. Замолчал и обиженно посмотрел на отца:

— Ты чего, пап?

— Молчи, дурак невоспитанный! Пока не разрешу говорить — молчи!

Папаша придурка буквально рычал, сходу сообразив, что происходит. Но кроме него никто ничего не понял, потому я решил провести разъяснительную работу:

— Идиот малолетний! Согласно указу Императора никто не имеет права проливать кровь Императорского Клана. А значит, что каждый, кто пролил кровь даже бастарда императорской семьи неминуемо отправится на эшафот. И насчет того, что тебе плевать на что-то там... прецедент уже был. Такой же как ты придурок объявил, что он плевал на кровь Клана, и где теперь эта семья?

— Так это был ты... — тяжело бросил хозяин дома — Теперь все ясно. Но да ладно...я что-нибудь придумаю.

— Я придумала, папа! — неожиданно вмешалась до сих пор сидящая молча шестнадцатилетняя особа — довольно-таки симпатичная, хотя на мой вкус и крупноватая девушка — Ты говорил, у нас его подружка. Мы не можем пустить кровь ему, так давай пустим кровь ей? Она не императорской крови, просто какая-то провинциальная дурочка. Будем резать ее на части, пока этот негодяй не осознается. А раз кровь мы ему пустить не можем — тогда сделаем так, что крови не будет. Удавим, да и всех дел. Или утопим. Это ведь не нарушит волю Императора?

— А если он наплюет на подружку? — вмешалась мамаша — Мужчины не склонны жертвовать собой ради женщин. Что ему эта шлюшка?

— Мама...раз он пришел сюда, рискуя жизнь ради нее — так наверное не захочет, чтобы подружку искалечили, как базарною нищенку. А если расскажет все, как надо — мы убьем их обоих тихо и почти без боли. Вначале ее — чтобы этот скот посмотрел, как подружка подыхает по его вине, а потом и его самого. Я не прощу ему Шогаса! Он был нашим братом! Нельзя прощать тех, кто покусился на члена нашей семьи!

— Молодец, дочка! — с удовольствием кивнул хозяин дома — Вот, дети, учитесь у сестры! Она умеет расставить все по своим местам! Слышишь, Ольгард? Мы убьем тебя тихо и без боли, просто уснешь, да все. Или выпотрошим твою подружку. Ты думаешь ей приятно будет, когда ее кишки вытянут на всю длину? Интересно, сколько она после этого проживет?

— Крысы очень живучи — фыркнул старший из братьев, и вся семья захихикала, уж очень удачной показалась шутка парня. А по мне — так абсолютно тупая шуточка.

— Он убил моего сына! — с надрывом крикнула мамаша — Он должен ответить!

И тут же, без перехода, деловито добавила:

— А если его подвесить за ноги? Крови-то не будет! Повисит, и все расскажет, сознается! А потом и оставим его висеть — пока не сдохнет!

— А я бы лучше его подвесила за...ну, вы поняли! — мечтательно сказала старшая из дочерей, и облизнула пухлые губки — Интересно, оторвутся, или нет?

— Ха ха ха! — братья радостно заржали, а младшая сестра сконфуженно улыбнулась.

— Фу...как тебе не стыдно?! — мамаша наморщила нос — Ты же девица!

— Это еще вопрос — девица, или нет! — хохотнул младший, и тут же получил подзатыльник от старшей сестры. Вскочил с места, готовый броситься в драку, но был остановлен рыком папаша:

— Тихо! Сядь на место! Вы превращается акт возмездия в фарс! Ваш брат и сын умер, преступник перед нами — а вы тут будто в спектакле дураков! Мне стыдно за вас!

— Перед кем, папа? — младшая дочь повела рукой справа налево — это перед ними, что ли? Это наши слуги! Перед кем должно быть стыдно? Перед дураком-бастардом?

— Почему это дураком? — возмутился я — Первый раз видишь, и я вдруг дурак?! А может это ты дура?

— Умный сюда бы не полез. Кстати, из-за тебя я проиграла сто золотых! Я сказала, что только идиот сюда полезет, а ты не идиот, раз сумел одолеть Шогаса. И вот — ты, придурок, сидишь здесь! Нет, права сестрица — надо бы подвесить тебя за яйца! Чтобы висел и визжал, как поросенок!

— Послушай... — женщина наклонилась к мужу и тихо спросила — А почему бы все-таки не разделаться с бастардом так, как мы хотели? Да плевать на указ Императора! Кто узнает, что мы выпустили кишки этому

негодяю?

— Да все узнают — поморщился мужчина — Слуги, например, доложат кому надо.

— Можно их потом убрать! — внесла предложение женщина — Это же всего лишь слуги!

— Во-первых, это проверенные, верные слуги. Ну уберем их, и что? Где найти новых, которым можно доверять? Со слугами в наше время проблема! Или воруют, или шпионят, или того хуже...

— Чего хуже? — женщина насторожилась.

— А того хуже! — отрезал мужчина — На хозяйку заглядываются!

— Так вот куда подевался Эдгар! — женщина закусила губу — Да как ты мог подумать?! Чтобы я, да с телохранителем?! Да как ты смел вообще предположить это?!

— Да, да... — мужчина иронично поднял бровь и криво усмехнулся — Я не против твоих интрижек, если они не переходят границы, но Эдгар обнаглел. Он начал хвастаться своими успехами в таверне. Понимаешь?

— Тварь! — лицо женщины исказилось в злобной гримасе, сделав ее похожей на рисунок демона из книги святых притчей — Надеюсь, он умер не очень легко.

— Нет, не легко — усмехнулся мужчина — Я проследил за этим. Три дня жил.

— Папа, мама, ну хватит шептаться! — возмутилась старшая дочь — Пора бы решить с негодяем! Пусть приведут шлюшку! Посмотрим, как они будут визжать!

— Моя кровь! — усмехнулся мужчина — Хорошие у нас дети! В меня!

— И в меня! — хмыкнула женщина — Между прочим, я их рожала!

— И в тебя, и в тебя, милая... — мужчина примирительно кивнул, и тут же обратился к стоящему у стены мужчине лет сорока в форме кланового гвардейца — Серрик, давай сюда эту шлюшку. И сразу ее — на

цепь.

Я слышал все разговоры, и шепот этой милой парочки — тоже. Слух у меня очень хороший, как и зрение. Те твари, которые скармливали мне снадобья на протяжении десяти лет очень хорошо постарались, и я теперь слышу если не на уровне собаки или кошки, то гораздо лучше, чем обычный человек. Доктора-вредители, мать их...а если бы над их детьми ставили эксперименты?

Когда привели Вергу, кровь бросилась мне в голову. Во-первых, она была голой. Ну, совершенно! Как младенец.

Во-вторых, вся в синяках — под глазом синяк, грудь в синяках, спина вся полосатая — ее пороли. Губа разбита. На ногах тоже синяки, в том числе и на бедрах. Похоже, что ее изнасиловали.

Бедная девчонка...вот же ей достается! Есть такие люди, которые постоянно притягивают к себе неприятности. Вот — пример. Я. Всю жизнь притягивал к себе неприятности — что в том мире, что в этом. Вечно в меня стреляли, пытались пырнуть грязными ржавыми ножами, бросали гранаты, набрасывались с дубинами и штакетинами, норовили бросить через бедро, замавашигирить, и даже вырвать глаз. Дважды пытались задавить, один раз сбросили с моста, я получил два заряда из дробовика по бронежилету (два ребра сломались, ибо — в упор). В этом мире происходит то же самое, и я не знаю — почему так. Помню, слышал странное высказывание: «Если Бог тебя любит — он посылает тебе испытания». Так вот, всегда думалось: «Какого хрена он меня так любит?! С чего вдруг?! Нахрена мне ТАКАЯ любовь?!»

Со мной отказывались работать, потому что если я притягиваю божественную любовь, то часть ее неминуемо перепадает и тем, кто рядом со мной. Если в меня садят из калаша — неминуемо достанется и моему напарнику.

Одна из женщин ушла от меня после того, как ко мне в квартиру вломился «народный мститель», желающий покарать злобного опера, закрывшего его на шесть долгих лет. Ну да, закрыл-то не я, а судья, но кому какое дело? Я ведь нашел и задержал. Значит — мстить надо мне. Я его пристрелил, он даже замахнуться своим топориком не успел, но моей женщине это очень не понравилось. Да и кому понравится, когда тебе в глаза попадает кусок мозга с кровью. Вот она визжала...а потом

блевала. На следующий день ни Машки, ни ее вещей. И записка: «Я люблю экстрим в постели, но не такой. Прощай. Найди себе другую дуру!» А ведь почти расписались... После этого я забил на семейную жизнь. Она точно не для меня.

И вот — здесь то же самое. Верга вступила в круг неприятностей, которые вокруг меня, как пятно света вокруг уличного фонаря. Тот, кто в него войдет — получит по-полной божьей любви. Я-то уже привык, а вот моим близким людям приходится туго.

Даже в таком неприглядном виде Верга была очень красива. Я даже залюбовался, хотя не место и не время. Молоденькая, спортивная — ну просто модель для демонстрации нижнего белья. В такие модели вешалок не берут — нужны и бедра, и грудь...у Верги это все было. Как и ангельски прекрасное личико. То что губа разбита и фингал — это ничего, маги-лекари творят чудеса. Через час будет свежа, как только что распутившаяся роза, главное уйти отсюда живой и с кишками в животе. Что-то мне эта вся компания живодедов очень не нравится.

— Знаешь, Ольгард...если тебе это будет приятно узнать... — довольным, веселым голосом начал хозяин дома — Она ведь долго продержалась! Только через сутки сломалась, и написала письмецо! И рассказывать ничего не хотела, но когда мои ребята взялись за дело как следует...все-таки не выдержала.

Он довольно хохотнул, а у меня внутри все заледенело. Я ведь знаю, зачем этот подонок рассказывает о том, как вела себя Верга. Чтобы мне было больнее — мол, вот какая славная девушка, неужели тебе ее не жалко? Смотри, как мучается! Это мне наказание — через нее.

— Ты любишь ее? Тебе ее жалко? — продолжал глумиться мужчина, и вся семейка довольно заулыбалась — Да ничего страшного с ней пока не сделали! Ну так...развлеклись ребята, но ведь не испортили! Ну... почти не испортили, синяки не считаются. Главное — кровь из нее не течет, и ничего внутри не порвали. Не порвали ведь, а? Шлюха, отвечай! Не порвали?

— Не порвали — безжизненным голосом сказала Верга, и посмотрев на меня мутным взглядом, всхлипнула — Прости, Эд...я больше не могла терпеть! Они такое творили, такое...

— Да ничего такого! — поморщился мужчина — Ты бы видела, что делают с девками любители жесткого секса! Потом только на помойку! А тебя так...в удовольствие! Тебе ведь понравилось, скажи! Понравилось?

— Слушай, придурок, а тебе не стыдно? Твои ведь дети смотрят на то, что ты делаешь! — не выдержал я — Вот и сынок твой покойный был такой же мразью. Весь в папашу!

— Так все-таки, это ты его убил? — спросила старшая дочь — Сознайся перед смертью, ведь все равно вы отсюда не выйдете, никто не узнает!

— Господи...ну как вы меня достали! — вздыхаю я, и посылаю импульс к веревкам, которыми меня привязали к стулу. Они тут же осыпаются трухой, и я встаю, делаю шаг к помосту с «господами». Они смотрят на меня в ошеломлении — как так? Я сумел колдовать?

Да, сумел. Пока сидел, пока болтал всякую чушь ни о чем, успел выкачать энергию из артефакта, накрытого скатертью и стоявшего на помосте в виде столика. Этот артефакт блокировал все магические действия в радиусе десяти метров. Только дело-то вот в чем — сам артефакт работает на магической энергии, он напитан ей, как губка водой. И если энергию откачать — действие артефакта прекращается. И сейчас я просто-таки был переполнен магией, меня едва не пучило от этого количества магической энергии. Еще немного — и меня сожжет изнутри невидимое пламя. Даже пот выступил, как от сильной боли.

Первым я ударил не того, кто все это затеял. Куда он денется? Успею. Первым пал маг, который стоял сбоку у стены, изображая из себя гвардейца. Они что меня, за идиота считают? Я же ауры вижу! В том числе и ауры амулетов и артефактов. Так вот и этого фрукта амулетов было сразу три, из них один точно — магическая защита. Интересно, зачем понадобилось прятать мага под личиной простеца? Если только для того, чтобы я его не грохнул в первую очередь?

По-хорошему им следовало лишить меня магии — неужели нет таких снадобий? Ведь есть же! Видимо посчитали, что ученик первого курса, только что поступивший на учебу, ничего не сможет сделать ни опытному магу, ни даже простому человеку — не умея управлять своим даром. Вот только я перед тем, как войти в ловушку, выпил снадобье усиления магических способностей. Да, знаю, что потом мне будет

херово, что возможно выгорю дотла — такой шанс имеется в наличии, но зато сейчас я ходячий ящик смерти, из которого может выскочить такая дрянь, что им и не снилась. Вот потому и оружия с собой не взял — на кой черт оно мне? Я сам оружие, да пострашнее какого-нибудь смертельного вируса. Сам себя боюсь!

Где взял снадобье? А зажил! В тот раз, когда меня заставляли искоренять бессловесных животных, я выпил не всю жидкость из пузырька. Чуть-чуть. Остальное отправилось в мой карман — как знал, захомячил. И вот теперь оно мне очень даже пригодилось. Если бы не оно — я бы не смог расширить свой «аккумулятор» р так, чтобы в него влезло все содержимое артефакта защиты. И даже с расширением «мощности» моего организма емкости едва-едва хватило.

Маг умер мгновенно, а его защитные амулеты от перегрузки вспыхнули и зацадили, прожигая одежду язычками пламени. Человек в этой одежде мгновенно превратился в кучу вонючего, распадающегося на куски мяса.

Никто еще ничего не успел сообразить, когда я перенес «огонь» на главных зачинщиков спектакля. И первым пал глава Клана — вместе со своей женой. Удар, который я по ним нанес, сделал из цветущих людей черные статуи, которые упав на пол рассыпались в черную пудру. Похоже, что разнес тела на молекулярном уровне. Одно не пойму — чего пудра черная? На мой непросвещенный взгляд, она должна быть белая. Почему белая? Да потому! Мне так кажется!

Я «стрелял» зарядами магии как из пулемета, чувствуя, насколько мало меняется мой объем магии. Похоже, что в этот раз я сумел расширить свой «аккумулятор» до ранее невозможных для меня пределов. Чудом будет, если после окончания действия магического снадобья магия останется в моем теле. Уже сейчас во мне будто что-то пылает, распирает изнутри, вызывая боль и слабость. Нужно как можно быстрее выплеснуть из себя не менее восьмидесяти процентов магии!

Первым сообразил начальник охраны — он бросился ко мне, сжимая в руке длинный кинжал, и едва не вогнал его прямо под правую ключицу. Если бы не моя реакция, отточенная годами тренировок, уже бы отправился на перерождение. А так — кинжал распорол воротник, рубаху, и прочертив глубокую борозду отправился вниз, к полу — вместе с остатками организма нападавшего. Я буквально развевал его на

молекулы. В пыль. Интересно, куда подевалась из организма вода? Вероятно я ее «разобрал» на запчасти, и она в виде газа растворилась в пространстве.

Но об этом подумаю завтра. Чихнул, вдохнув толику праха почившего, и продолжил геноцидить окружающих.

Нет, молодняк не пожалел. Никого не пожалел — ни охрану, ни слуг, ни секретаря. Когда закончил геноцид, в комнате не осталось ни одного живого человека, только кучки праха, запах нечистот, и потрескивающая углями жаровня. Уровень магической энергии в моем организме поубавился до безопасного уровня, и теперь меня не распирало, как после молока с малосольными огурцами. Все, сделал свои делишки. Теперь можно заняться и Вергой.

Быстро, почти не задумываясь, уничтожил кандалы на ее руках. Девушка мешком осела на пол и затихла. Она была без сознания. Не помню, когда Верга потеряла сознание, не до того было, но очень надеюсь, что произошло это до того, как я начал свою разрушительную деятельность. Мне не хотелось, чтобы она знала, каким монстром на самом деле является ее парень.

Оттащил Вергу на помост, уложил на кушетку, накрыл пледом. Пусть пока отдохнет. А я закончу то, что собирался сделать. Все, кто меня видел, все, кто знает, что я расправился с этой семейкой — должны умереть. Зачистить периметр от свидетелей — это первое, чему меня учили. Если я пришел под своей личиной — значит, альтернативы нет. И тут не до сантиментов и разговоров о том, что эти люди просто работали за жалованье и ничего плохого мне не сделали. Если ты работаешь на моего врага, если ты меня видел — выхода нет. Должен умереть. И я никакой на маньяк-убийца, просто таковы правила игры.

Заняло все около получаса. Я обошел весь дом, ориентируясь на ауры обитателей — у простых людей, не магов, ауры тоже видны, даже сквозь стены. Если глаза прикрыть, сосредоточиться — аура видна примерно на расстоянии тридцати шагов, и выглядит как неясное свечение. Похоже на то, как видят люди тепловизорный прицел — эдакое расплывчатое светящееся пятно. Мне не понадобилось даже заходить в помещение — «стрелял» прямо сквозь стены. Как это у меня получается — не знаю. Но точно — стены для импульса магии не помеха. Главное, не заморачиваться мыслью, что эта самая стена помешает. Ты

должен ЗНАТЬ, что стена прозрачна, и тогда она будет прозрачна. Но если начинаешь соображать — как бы это прострелить сквозь стену, как сделать, чтобы она не ослабила твой удар — вот в этом случае вместо участка стены возникает нормальная такая дыра, будто вырезанная лучом лазера, а уже за ней умирающий субъект. Он сразу не рассыпается в пыль, потому что часть энергии удара забрала стена, и ему достались только остатки. И тогда приходится добивать.

Именно так было в самом начале, пока я не сообразил, что надо делать. А когда сообразил и попробовал — все пошло как по маслу. Их было двадцать человек, и у большинства лиц я не видел. И слава богу. Потому что среди убитых большинство были просто слуги...

После того, как закончил убивать, сделал то, чего не делают благородные книжные герои. Я пошел по дому в поисках денег и ценностей. Денег не нашел, но в одной из комнат на стенах висели очень недурные клинки разного вида и назначения — от коротких широких ножей, до очень дорогих, украшенных драгоценными камнями мечей.

Не повелся на блеск драгоценностей, выбрал себе пару клинков почти без украшений, если не считать золотой гравировки, но зато из очень хорошей, качественной стали — и мало того, что они были выкованы из стали по технологии дамаска — то есть, собраны из прутьев и прокованы десятки, а может и сотни раз, так еще и укреплены магией для того, чтобы не ломались, не тупились и прорубали любые доспехи. Если бы не мое магическое зрение, я бы и не обратил внимание на эти мечи. А может и обратил, но особого восторга они бы у меня не вызвали — рядом есть точно такие же мечи, из такой же стали, практически двойники этих. Так что на фоне остальных клинков заколдованные мечи практически ничем не отличались. Кроме ауры. Зачем мне два меча? А затем, что в открытой схватке на мечах у меня очень хорошо получается «сандо» — стиль боя с двумя мечами. Это особый стиль, доступный мастерам боя, которые на высоком уровне владеют боем с одним мечом. В сандо меч в левой руке (он короче правого), выступает в роли щита, правый же меч — ударный. Этот стиль очень эффективен и подходит аристократам — не будет же родовитый господин ходить по улицам со щитом? Таким щитом и является левый меч.

Прежде чем забрать мечи, осмотрел — нет ли на них магической метки хозяина. Ничего такого не обнаружил, и с чистой совестью приспособил мечи на перевязь — длинный за спину, наискосок, чтобы

рукоять торчала над правым плечом, левый — на пояс, справа, рукоятью влево. Если на меня нападает противник и контакт неизбежен — левая рука выхватывает меч из ноже с пояса и блокирует нападающего, правая в это время дотягивается до меча за спиной и обрушивает выхваченный клинок на голову несчастного придурка. Это происходит мгновенно, движения отработаны до автоматизма, и быстрому выхватыванию меча очень помогает то обстоятельство, что металл клинка довольно-таки гибкий.

Вообще-то мечи эти относительно короткие, что и понятно — они для ближнего боя, очень удобны в помещении, а еще — попробуй, выдерни из ножен за спиной метровый меч! Задолбаешься его дергать. Пока ты вытаскиваешь кончик такого гиганта из ноже — тебя уже и зарезали. Так что — не более семидесяти сантиметров длиной. Короткий же больше похож на длинный кинжал. Примерно такой же, как скифский акинак, длина которого вместе с рукояткой составляла всего шестьдесят сантиметров, и меньше. Только в отличие от акинака здешние короткие мечи имели крестовидную гарду, защищавшую руку, и способную выдержать удар тяжелого меча, скользнувшего по клинку, а еще — этой гардой можно было работать как кастетом или коротким ножом, вонзая ее края в плоть противника. Или распарывая острым отточенным краем. Хорошие орудия убийства, ничего не могу сказать. Умеют делать.

А деньги я все-таки нашел, очень даже кругленькую сумму — выпотрошил кошельки всех, кто был в пыточной. Больше сотни золотых, куча серебра, а еще — собрал амулеты различного предназначения. Среди них был один с красным бриллиантом — крутая штука. Отличный накопитель.

Верга так и не пришла в себя — лежала в забытьи, стонала и дергалась, как собака во сне после уличной прогулки. Я ее одел — вытряс из одежды младшенькой дочки останки покойницы (обчихался!), и с грехом пополам натянул все это на девчонку. Все — вплоть до трусов. Пока одевал, разозлился так, что готов был еще раз убить эту компанию. Сильно они Вергу помучили...вблизи стало гораздо виднее. Может и внутри что-то порвали.

Теперь возникла проблема — как нам отсюда убраться. Сам-то я «на ходу», а вот как мне перемещаться с «грузом»? И заметно, прохожие сразу внимание обратят, и долго я не выдержу. Девчонка вроде бы и не тяжелая, максимум полтинник весит, но с пядидесятикилограммовым

грузом попробуй-ка, побегай! И поздоровее меня мужик взвоят.

Проблему решил радикально — нашлась пролетка с запряженной в нее лошадей. Кто на ней приехал — не знаю. На заднем дворе дома стояли кареты, в углу — фургон, и вот — пролетка. Я не спец по гужевому транспорту, но команды для лошадей знаю, и вожжами управлять умею.

Загрузил Вергу в пролетку, туда же деньги (набрался приличный мешок!), оружие, амулеты, а потом...обошел поместье и методично поджег его со всех сторон. Легко, будто всю жизнь этим занимался.

Кстати — оказалось, что это очень просто. Представить, что материал разогревается до возгорания — вот тебе и пламя. Я ведь когда-то это уже делал. Вернее, так: первое, что я когда-то сделал, это поджег занавески. Во сне, неосознанно. Но память осталась.

Когда пролетка выезжала из ворот поместья, оно уже вовсю пылало так, будто было полито не меньше чем напалмом. Весело горит чужое добро!

Вот только прежде пришлось отрезать постромки и освободить лошадей, впряженных в кареты. Я, конечно, еще та зверюга, но животных мне очень жаль. Им за что страдать? Люди сволочи, они сами себе создают неприятности и за них расплачиваются, но эти безгрешные существа — за что им страдание? Пусть живут. Я не люблю людей. Животные мне ближе.

Глава 22

— Всего вам наилучшего, госпожа Жессом! Всегда, всегда вам рад!

Лекарь проводил уезжавшую карету усталым взглядом, и облегченно выдохнул — ффуухх...наконец-то! Бергира Жессом была женщиной склочной, и в высшей степени мстительной. Ее муж, городской судья Жессом, имел большой вес в обществе и ссориться с этой женщиной было бы в высшей степени опрометчиво. Тем более, что деньги она платила исправно, и столько, сколько лекарь запрашивал. Но...несмотря на то, что он состоял в гильдии магов, относилась она к нему если не как к официанту, то чуть выше, чем к администратору приличного трактира. На лице вечная гримаска раздражения, слова цедит через губу, да еще эдак со снисходительным пренебрежением, вроде: *«Милейший, вы что, не знаете кто я такая? Ах да, я забыла...вам все равно не понять!»* Почему не понять? Потому что эту сука из дворянского рода, а вот лекарь Херц всего лишь сын пекаря, который в четырнадцать лет начал проявлять признаки владения магией. Потому эта ничтожная, пустоголовая дрянь позволяет себе обращаться с ним, как с дерьмом. И это еще она вежлива и предупредительна! Что же проклятая баба делает со слугами?! Не говоря уж о рабах... И это притом, что с виду она красивая, ухоженная дама — мечта любого мужчины...который ее не знает близко.

Снова вздохнув, лекарь собрался вернуться в свой кабинет, когда к крыльцу его лечебницы подкатила пролетка. На козлах сидел совсем юный парнишка в немодной, и недорогой на вид одежде. Он соскочил с козел, привязал вожжи к коновязи возле стены, и сделав несколько шагов по направлению к лекарю, спросил его ледяным холодным голосом:

— Вы лекарь Херц?

Херц ответил не сразу. Он вначале было хотел возмутиться таким неуважительным к себе отношением — где приветствие, где поклон? — но интуиция ему подсказала, что здесь все непросто. Он посмотрел на паренька магическим зрением, и...едва не отшатнулся! Парень не просто

был переполнен магией, она едва его не разрывала! По телу змеились длинные белые молнии, аура сияла, как громадный светильник, а глаза... это вообще было ужасно: они светились красным светом, таким ярким, что казалось — в голове парня бушует пламя. Лекарь всякое видал в своей жизни, но такое?!

Выключил магическое зрение...и все пропало. Перед ним стоял усталый парнишка в одежде приказчика или купца, ничего такого особенного — ни высокого роста, ни мускулатуры профессионального наемника — просто парнишка, да и все тут. И только глаза были странными — глубоко запавшие в глазницы, они смотрели так, будто их хозяин не пятнадцатилетний мальчишка, а старый, уставший от жизни человек, видевший всякое — и больше всего плохое.

А еще — в этих глазах таилась угроза. Достанет сейчас из ножен короткий меч, что торчит на поясе, и смахнет голову, не задумавшись ни на секунду.

Почему лекарю вдруг подумалось, что этот мальчишка опасен — он сам не знал. Но когда тот мрачно воззрился на мага и глухо, с силой сказал: *«Ну чего вы застыли?! Носилки! Двух помощников, чтобы их тащить! Быстрее!»* — лекарь подчинился так, будто это был его армейский командир. Подхватился, открыл дверь в лекарню, покричал помощнику, отдавая команды, и через минуту девушка уже лежала на носилках, и сам лекарь уцепился за их рукояти. Ну а парнишка взял из пролетки тяжелый мешок с чем-то позвякивающим, сверток, тоже явно тяжелый, и пошел следом за лекарем.

Девушку уложили на кушетку, заперев за клиентами дверь, и помощник быстро и ловко освободил ее от одежды. Паренек, который стоял рядом и смотрел на происходящее с непроницаемым лицом, молчал, и когда лекарь спросил, что же такое случилось, и кто так увечил девушку — ничего не ответил. Только посмотрел на мага своими горящими ледяной яростью глазами и хрипло, будто у него перехватило горло, сказал:

— Господин маг...лечите, и не задавайте лишних вопросов. Они могут повлиять на продолжительность вашей жизни. Все, что вам нужно знать — эта девушка попала в беду, ее били и насиловали. Отсюда она должна выйти на своих ногах, здоровая и веселая. Я за это хорошо заплачу. Остальное не ваше дело. И вот еще что...скажу первый и последний раз:

если вы кому-то разболтаете, что мы здесь были — умрете. Это не угроза, это констатация факта. Ответа не прошу, просто делайте свое дело и не суйте нос, куда не надо.

После такой отповеди — кто решится противоречить этому... неизвестно кому. Магу. Очень, очень сильному магу! Магу с такой аурой, подобной которой лекарь никогда не видел за всю свою долгую жизнь.

Может это ЧЕРНЫЙ маг? Ходили слухи, что Академия проводит опыты с попавшим им в руки черным магом. Так может — это он? Только если это он, то вскорости ему уже не быть волшебником. Каким-то образом он влил в себя столько энергии, что она буквально выжигает его изнутри. Хорошо, если хотя бы останется жив, да и то — есть шанс, что парнишка потеряет разум, будет валяться овощем и гадить под себя. Лекарь знал о таких случаях, и даже присутствовал при одном из них. Нельзя вбирать в себя энергии больше, чем может принять твой организм — выжжешь не только хранилища магии, но и каналы, по которым она входит и выходит из организма. Находились такие дурачки, которые вытягивали энергию из амулетов и артефактов, когда не хватало собственной силы. Их не научили чувствовать границы, через которые переступать нельзя. Черпали больше, чем им надо, и в конце концов лишались всего. Иногда — здоровья и самой жизни.

Лекарь выбросил из головы лишние мысли и приступил к работе. То, что касается этого странного паренька, он потом обдумает, а пока — девчонка.

Обследовав пациентку, лекарь пришел к выводу, что повреждения ее тела в общем-то не опасны для жизни. Ну да — внутренние кровотечения — ее явно жестоко насильовали. Да — сломаны три ребра, палец на правой руке, на левой груди глубокий порез, как если бы кто-то прочертил ножом, но смертельных повреждений не было, тех, что приведут к гибели в самые ближайшие часы. Она была без сознания — сотрясение мозга, ее неоднократно и сильно били по голове. Но опять же — череп не проломлен, и даже зубы все на месте. Кровоизлияние в левом глазу, нос видимо сломан, придется ставить на место, синяки и кровоподтеки по всему телу, спина исхлестана плетью, но...все не так плохо, как показалось с первого взгляда. Лекарь боялся, что если девушка умрет у него на столе, этот парнишка сделает с ним нечто очень плохое. Только обыватели думают, что лекарь-маг может вылечить все возможные болезни. Увы...не все. Если разрушен мозг — каким бы ты ни

был могучим волшебником, такого человека не спасти никакими средствами. Если пациент истощен до состояния скелета — тоже не спасти, ведь выздоровление идет за счет организма самого пациента, и если неоткуда брать жизненную энергию, если нет жира и мяса, за счет которых собственно и закрываются раны — прогноз неутешительный. А еще — никто не знает почему, но душевные болезни маги лечить не умеют. Эти болезни в мозгу, а мозг лечению не поддается.

Но да ладно, пора работать. Ресурса девушки для лечения хватит. Она, конечно же, не толстушка, но и худышкой ее точно не назовешь. Крепкая, довольно-таки мускулистая — видно, что уделяла внимание форме своего тела. После лечения похудеет, но не сказать, чтобы так уж и сильно. Мозг лекарь ей не вылечит, но организм, подстегнутый посылом на восстановление, сделает это сам. А похудение ее даже украсит.

Лечение заняло около часа. Больше всего времени ушло на сращивание костей, так как кости растут медленнее всего. Остальное несложно, даже сломанный нос не доставил особых проблем — не только принял правильную форму, но и не будет искривления носовой перегородки. Да, девушки потеряла в объеме, но...ей это на пользу. Сухая, тоненькая...красивая. Лекарь даже невольно залюбовался — хороша, чертовка! Повезло парнишке, точно.

Херц запросил с парня пять золотых — несуразную сумму, тут хватило бы и золотого, ожидал, что парень станет торговаться, и сойдутся на двух золотых. Но...тот молча сунул руку в свой мешок, достал оттуда горсть монет, отсчитал пять штук и остальное бросил назад. Монеты глухо звякнули, и лекарь вдруг ощутил острую досаду — можно было и десять золотых потребовать, и похоже, что клиент на деньги бы не поскупился. Но теперь уже поздно — слово сказано!

Девушка так и не очнулась — лекарь объяснил, почему. Парень кивнул, и стал одевать свою подругу. А Херц вдруг отметил, что одежда слишком велика этой девчушке, и не потому, что та сильно похудела после лечения.

Девчонку отнесли в повозку, а парень собрал свои свертки и мешок, и снова сел на козлы пролетки, за все время, если не считать монолога с угрозами, не сказав лекарю и двух слов подряд. Даже спасибо не сказал — с некоторой обидой отметил лекарь.

Довольно-таки неуклюже повозка развернулась, сделав полукруг, и подстегиваемая своим возчиком, понеслась в сторону центра.

Лекарь вздохнул, утер мокрое от пота лицо и посмотрел на помощника, стоявшего рядом. Тот вопросительно глянул хозяину в глаза, и недоверчиво помотал головой:

— Хозяин, вы не сообщите в стражу?

— Упаси меня Создатель! — содрогнулся лекарь — Ты видел его глаза? Ах да...ты же в магическом зрении не можешь смотреть. В общем — уехал, и забыли. Не было его тут! Ты понял?

— Понял... — буркнул парень, и спохватившись, добавил — Хозяин!

И они пошли в лечебницу, пить травяной отвар. После такой перегрузки — оно в самый раз. Сегодня можно и вообще закрыть лечебницу — хорошо заработали.

Куда?! Куда ее везти?! В Академию? И как я объясню — где ее взял? Почему она в чужой одежде? Пока еду, надо придумать стройную версию — каким образом я отловил девушку, которую никто не мог найти, и почему она не в своей одежде. А также — почему лежит без сознания.

Ну что же...пока ехал, версию все-таки построил. И честно сказать, далось мне это непросто. Не потому, что разучился врать — я делаю это профессионально, на уровне лицедея театральной труппы. Просто...мне плохо. Очень плохо. И я не знаю, в чем дело. Хотя...вру. Знаю. Это все мои упражнения с расширением магических возможностей. Сколько раз подряд это происходило? Дважды меня профессура терзала, и не прошло недели — я сам себя накормил снадобьем. И вот теперь эта дрянь что-то со мной сделала. Я пытался сбросить лишнюю магическую силу — как следует обложил проклятьем придорожный столб — ни фига. Столб рассыпался в труху, а мне не полегчало. Температура жарит так, что щеки, губы, глаза горят, сжигает, будто я нахожусь возле открытого огня. Время от времени накатывает тошнота, и я с трудом удерживаюсь чтобы не выблевать содержимое желудка, в котором, собственно говоря, ничего с самого утра и нет. И есть не хочу. Руки трясутся, ноги дрожат —

стоит только чуть-чуть расслабиться и забыться. И в сон кидает. Только вот чувствую — если усну, то...могу и не проснуться. Боюсь об этом думать, но похоже...хана мне.

Остановился напротив входа в Академию, опустил вожжи, и стал соображать, как же мне затащить Вергу в ее комнату. И чем больше думал, тем сильнее убеждался, что ни черта у меня не получится — ничего, кроме шума, скандала и разбирательства. А потому...уже плевать на то, как оно все получится. Что будет, то и будет.

Кряхтя, спускаюсь с козел на землю, ноги подгибаются, и я позорно шлепаюсь оземь, едва не угодив задницей прямо в лошадиный навоз. Лошадь косит глазом, хрипит, я держусь за вожжи, пытаюсь использовать их для подъема. Коняга дергается, переступает на месте, едва не отдавив мне ногу, и снова я больно ударяюсь о булыжную мостовую.

— Что здесь происходит?! Эдвин, что с тобой?! — звучит знакомый голос, но я никак не могу вспомнить, кому он принадлежит. У меня — «вертолет». Мир взбесился — кружится, встает на дыбы, бьет меня булыжниками мостовой в затылок. Голоса сделались густыми, басовитыми, какими-то смешными, как если бы кто-то взял, да и замедлил обороты пластинки в несколько раз. А потом — весь мир начал исчезать. Вначале голоса, потом пропал свет, за ним — я перестал чувствовать. И последней мыслью было: «Все. Полетел на перерождение. Поехали!»

— Это вы виноваты! Вы! Я подам на вас жалобу Императору!

— И в чем я виноват?! В том, что организм студента не выдержал? Да кто же знал, что он такой хлипкий?!

— Вы должны были знать! Должны были предусмотреть! Зачем ему давали снадобье усиления?! Что, нельзя было заниматься исследованиями при том уровне магии, какой у него был?! Обязательно нужно было разорвать каналы?!

— Вы, кстати, были не против...с чего вдруг сейчас так возмущаетесь? Что изменилось? И против того, чтобы он напустил порчу на животных — тоже не были против. А сейчас вон чего...жалобу! Где ваша солидарность

с коллегами? Решили противопоставить себя коллективу? Вызвать сюда комиссию из администрации Императора? Ну что же...вызовите. Только напомним, что вы тоже участвовали в испытаниях. И голосовали за то, чтобы пациент принял усиление. Так что пострадаете вместе со мной, со всей Академией. И вообще...ходят слухи, что вы неровно дышите к этому парнишке. Давно известно, насколько вы любвеобильны, но не до такой же степени? Вы ему в матери годитесь, а может даже в бабушки, и туда же! Кстати, комиссия и это раскопает, будьте уверены.

— Да как вы смеете?! Мерзавец! А еще профессор! Если у вас не работает, так не надо завидовать другим людям, ведущим полноценную жизнь!

— Полноценную?! Ха ха ха...слышал я, как полноценно вас пользовали пятеро...

— Молчать! Все — молчать! — голос холоден, но полон ярости — Вы что это затеяли?! Нужно выйти из ситуации как можно более мягко! Без последствий! Иначе вы все пострадаете, и возможно не только в денежном исчислении. Мало того на вас будет наложен крупный штраф, но еще — Император может убрать вас из Академии, и направить туда, куда он пожелает. Например — на защиту северных рубежей нашей родины. И там вы будете жить в грязи, в деревянных домах, в которых нет души. Питаться грубой деревенской пищей, ходить мокрыми, под ледяным ветром и дождем. А то и вообще жить в палатках, отапливаемых дымящими очагами. Хотите этого? Вместо столицы, вместо балов и трактиров с изысканными угощениями?

— Не хотим — женщина усмехнулась, и второй голос подтвердил:

— А кто этого хочет? Только что нам делать прикажете?

— Вот именно — прикажу! А то вы совсем забылись, расслабились! Меня так и подмывает взять, да и сдать вас по инстанции! И расхлебывайте ту кашу, что вы заварили. А я буду в стороне!

— Но вы же этого не сделаете? — голос женщины спокоен, но в нем чувствуется беспокойство.

— Сделаю. Если вынудите! Вместо того, чтобы разрешить ситуацию, вы начинаете собачиться между собой и перекидывать вину друг на

друга! И первое, с чего нужно начать — извиниться друг перед другом!

— Извините, госпожа Альфарец. Я бы груб.

— Извините, господин Диссамбль...да, мы что-то увлеклись.

— Вот так — голос ректора немного помягчел — Теперь давайте подытожим. Итак, консилиум наших врачей сделал вывод: физически Ольгард совершенно здоров, только слегка истощен. Но это и понятно — болезнь, связанная с расширением магических каналов всегда сопровождается и воспалением тканей тела. Не зря ведь это называется «выгоранием». Организм сжигал свои ресурсы, пока не уничтожил источник болезни — магические каналы. Пока не исторг из себя магию. Фактически в теле Ольгарда не осталось ни капли магии. Он теперь обычный человек. А значит, в Академии ему делать нечего. Как вы помните — после выгорания маги не восстанавливаются.

— За ним закреплена комната...

— И что? Не являясь магом, он не может жить в Академии.

— И куда ему идти? Вообще-то это мы виноваты в том, что он потерял магические способности!

— Мы выдадим ему компенсацию. Например...сто золотых. Это хорошая сумма! Он сможет снять жилье, осмотреться, не тратя время на поиски работы, а уж потом решить, чем будет заниматься. Вы, госпожа Альфарец...не хотите взять его в слуги? Ну а что...мальчик шустрый, симпатичный...умелый. Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — эхом отозвалась женщина — Кстати, а куда подевались его деньги? При нем ведь были деньги.

— И не только деньги — амулеты различного вида и назначения. Все у меня в личном сейфе. Как и оружие парня. Все описано, составлен акт — никуда не денется. Кстати, парень, как оказалось, и сам не нищий. В мешке, что при нем был — полторы тысячи золотом. Плюс амулеты вытягивают тысяч на десять. И оружие у него непростое — каждый клинок стоит несколько тысяч золотых. Я даже удивился — откуда у простого паренька из провинции такое оружие? И главное — зачем он таскает его с собой? И еще — ему на счет в банке поступила тысяча

золотых от матери этой девушки, которую он откуда-то привез. Кстати, так и не выяснили — откуда. Девушка очнулась, но молчит. Ходят слухи, что...в общем...есть подозрения, что это связано с исчезновением и предположительно гибелью целого клана советника Императора.

— Слухи! — фыркнула Содия — Мало ли какие слухи про кого ходят!

— Точно — тоже усмехнулся Диссамбль — Слухам верить нельзя. Наверное.

— Итак, прогноз, что Ольгард очнется в ближайшие дни. А может даже и часы. Лекари хорошо с ним поработали. Его нужно будет забрать из Академии. Госпожа Альфарец?

— Заберу — голос женщины спокоен — Пока проживет у меня, а там уже решит, куда отправится дальше.

— Вот и хорошо — голос ректора делается совсем теплым — Жаль, конечно, что так вышло, но...это жизнь! Кстати, мне еще отписываться в инстанции. Этот случай все равно ударит по нам, так что...попробуйте составить объяснение — почему так вышло, и как так вышло, что студент выгорел дотла. Мне это понадобится. Обоснуйте это...особенностями организма. И да...я удвою компенсацию Ольгарду. Все-таки и в самом деле мы виноваты, пусть и косвенно.

Раньше я думал — как это, когда лежат в коме? Или в летаргическом сне. Лежишь, и слышишь, что делается вокруг. Чувствуешь, что с тобой делают. И не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой. У меня даже мороз по коже гулял, когда представлял такое дело. Быть беспомощным, неподвижным, и чтобы при этом все осознавать? В дурном сне такое не представишь... И вот...лежу. Слышу. Все слышу! Как эти умники решают, каким способом отбиться от комиссии. Как решают мою судьбу, которую они, якобы сломали, как спичку. Впрочем — почему «якобы»? Сломали, точно. Если бы не начали эксперименты с расширением способностей — я бы тогда не попер бутылочку со снадобьем, не выпил бы ее, и не случилось бы то, что случилось. То есть виноваты, точно. Так мне легче. Ну не я же сам себя загнал в кому?

Кстати, какого черта надо было устраивать совещание над «хладным

трупом»? Думают, что ничего не слышу? А Содия молодец...ну а что, приобретает себе молодого любовника. Мне деваться некуда, так что ясное дело — с удовольствием буду жить у нее в доме на правах альфонса. Ну...она так думает. А я? Я что думаю? Сложный вопрос. Пока беспомощен, пока даже двигаться не могу — о чем разговор?

Меня положили на носилки, загрузили в карету. И вот я лежу в большой, чистой, прохладной комнате. Две девушки меня помыли, поворачивая, как бревно и хихикая — обсуждали, мерзавки, могу ли я в таком состоянии, или не могу. Кому-то смех, а мне...

Меня кормят какой-то кашцей, вроде как из бульона и перетертого мяса птиц. Слава богу — немного дают, есть я не хочу. И...не хочется под себя делать. Когда же я все-таки встану?

Ночью то ли приснилось, то ли нет — приходил Учитель. Стоял возле постели в темноте, смотрел на меня, а потом...что-то сделал. Что-то воткнул в меня — острое, вроде как шипом уколол. Я боли почти не чувствую, нервы наверное не работают, но жжение ощутил, и место укола потом долго болело. Может это не Учитель был, а маг-лекарь? Глаза-то у меня закрыты, вижу только через ресницы.

В общем — лежу, думаю, и...сплю. Сон все лечит. Так говорят. А вообще — раз я не помер, не отправился на перерождение — значит, надежда есть. Встану, куда я денусь...вперед, навстречу новым неприятностям! А то, что я теперь не маг...да наплевать. Не хотел быть магом, и вот...желание сбылось. С голоду не пропаду, барахла у меня хватает (Содия из моей комнаты все барахло выгребла, увезла за мной), так чего печалиться? Поживем еще! Главное, встать на ноги...

Конец книги